



СМЕНА

№ 10 МАЙ 1980

БУДНИ ГРАНИЦЫ



ДИСЦИПЛИНА ПОТРЕБНОСТЬ И

Смена

Коллективный критический анализ: работа в тягость, работа в радость

Государственная дисциплина. Технологическая дисциплина. Дисциплина коллектива, личности... В этом единстве мы стремимся рассмотреть вопрос важнейший: социальный, экономический, нравственный — **вопрос о трудовой дисциплине и гражданской ответственности**. Если экономика и нравственность неразрывны, неразделимы в положительном смысле, то они столь же неразрывны, если в силу тех или иных обстоятельств вступают в противоречие, если сиюминутная цель производственного цикла наносит урон нравственности. Не забудем: нравственности коммунистической. Рабочее время — наше общественное достояние. Терять его, транжирить — значит нарушать наши социальные и этические законы и нормы, наносить ущерб экономический. Ведь известно, что сегодня в нашей стране за одну минуту вырабатывается более 2 миллионов киловатт-часов электроэнергии, выплавляется почти 300 тонн стали, добывается более 1000 тонн нефти, включая газовый конденсат, почти 1500 тонн угля, 650 000 кубических метров газа — таков масштаб нашего народного хозяйства.

В этом номере «Смены» мы ведем разговор о некоторых издержках, мешающих неуклонному выполнению дисциплинарных требований вообще и в особенности на производстве. Вместе с тем мы обращаемся к опыту тех, о ком принято говорить: «У них дисциплина — в крови». Это работники с большой буквы, чьи понятия о дисциплине ежедневно, ежечасно проявляются максимальной отдачей делу, высокими моральными качествами.

В предлагаемых материалах своими мыслями о дисциплине делятся учащиеся ПТУ и руководители предприятий, молодые производственники и прославленные рабочие, начальники цехов и бригадиры. Каждый видит проблему по-своему, но все сходится в одном: в том, что дисциплина — это и **потребность и необходимость**. На это еще раз обращено внимание в постановлении ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС «О дальнейшем укреплении трудовой дисциплины и сокращении текучести кадров в народном хозяйстве»:

«ПРИ ОЦЕНКЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТРУДОВЫХ КОЛЛЕКТИВОВ, ПОДВЕДЕНИИ ИТОГОВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ, ПРИСВОЕНИИ И ПОДТВЕРЖДЕНИИ ЗВАНИЯ КОЛЛЕКТИВА КОМУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА ПОКАЗАТЕЛИ ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ ДОЛЖНЫ УЧИТЫВАТЬСЯ НАряду С ОСНОВНЫМИ ПОКАЗАТЕЛЯМИ РАБОТЫ».



А В ТАБЕЛЕ — ВОСЬМЕРКА

Недавно на комсомольском собрании в нашем цехе зашел разговор о том, как мы используем рабочее время. Сначала говорили в общем, а затем перешли на критику одного из моих товарищей, который из-за «нерационального использования рабочего времени не выполняет сменные задания». Слушал я всевозможные гневные высказывания в его адрес и думал: а ведь в любое время на его месте могу оказаться и я.

— Дали бы возможность, так я и по две нормы в смену мог давать! — так запальчиво ответил тогда на критику мой товарищ. Был ли он прав? И насколько?

Вспомнилась одна из моих смен. В тот день я должен был отфрезеровать вал шихтосмесителя. Деталь огромная. Устанавливал ее на станке с помощью кран-балки. Полтора часа потратил. А когда принесли чертеж, то выяснилось, что «прослаблена» шейка вала. То есть она тоньше допустимых норм. У станка собрались мастер, контролеры ОТК, бракоделы... Долго спорили и решили отправить вал на утолщение шейки с помощью наварки. Затем искали мне новое задание, я устанавливал на станке новую деталь для обработки... Фактически я всю смену не работал, хотя в таблице стоит восьмерка и за эту смену я «заработал» семь рублей.

Многие из нас часто задают себе вопрос: почему случается, что мы не можем выполнить в общем-то вполне посильную норму? И, как правило, ответ: не умеем или не можем по разным причинам полноценно использовать рабочее время. А раз так, то «горят» не только сменные, но и квартальные, годовые задания.

Недавно я узнал такие цифры. Ежедневно в нашем небольшом заводке десять человек не являются на работу без уважительных причин. То есть прогуливают. Но в этот же день отсутствуют на рабочих местах еще двадцать два человека с разрешения администрации. Во что это обходится? У нас на комбинате из-за этих разрешений потеряно 1817 рабочих человеко-дней, а по городу таких набралось 6526. Если бы этих потерь не было, то город увеличил бы выпуск продукции более чем на два миллиона рублей.

Откуда берутся эти «разрешения»? Если любому рабочему нашего цеха, комбината надо оформить прописку или сходить в ЖКО, получить на почте посылку или проконсультироваться у врача, у юриста или устроить ребенка в детский сад, то он в любом случае должен отпрашиваться с работы, поскольку почти все предприятия сферы обслуживания, учреждения в городе закрываются в то же время, когда оканчивается рабочий день на заводе и стройках. Чаще всего мы такое положение рассматриваем как создающее неудобство для людей, реже вспоминаем, какой огромный урон наносит это промышленным предприятиям, стройкам, фабрикам.

Другая причина огромных потерь рабочего времени находится, так сказать, внутри комбината. И порождают ее перестраховка и безответственность. Редко случается так, когда поступающие мне на обработку заготовки имеют минимальные допуски. Чаще в заготовительном цехе настолько увеличивают и утяжеляют заготовку, что приходится снимать с нее чуть ли не половину металла.

Трудно подсчитать точно, но в сотнях тонн металлической стружки, которые вывозятся с нашего комбината ежедневно, «спрятаны» тысячи впустую потраченных рабочих человеко-часов, много других потерь.

Прогулы, отпуски с разрешения администрации, бесполезная работа, переделка брака, простой... Вполне привычные явления. В иных цехах комбината они составляют чуть ли не четверть рабочего времени.

Не хочу сказать, что борьба с потерями рабочего времени, а вернее, с причинами этих потерь, не ведется. Приведу такой пример. До недавнего времени рабочие всех цехов комбината обедали в одно время. Очереди в столовой были огромными. Многие, чтобы не стоять в очереди, уходили с работы минут на 15 раньше. Зато другие, не проявлявшие «хитрости», на эти же 15 минут опаздывали с обеда. Администрация комбината решила эту проблему. После реконструкции столовой был составлен жесткий график обеда по цехам и были значительно снижены потери рабочего времени. Однако сейчас коллектив комбината вырос, а столовая осталась той же. И вновь потери рабочего времени из-за очередей.

Не все, конечно, зависит от руководства. Немалую роль в решении многих проблем могли бы сыграть общественные организации. Наша цеховая комсомольская организация, например, поручила штабу «Комсомольского прожектора» совместно со специалистами изучить причины потерь рабочего времени и разработать рекомендации по их устранению. Достаточно ли этого? Думаю, что нет.

Мы много говорим о потерях рабочего времени и измеряем его рублями. Вот, мол, какие потери несет производство. А давайте посмотрим на это еще и

Читатель обсуждает острую проблему

«Надо закрепить то, что мы сами отвоевали, что мы сами декретировали, узаконили, обсудили, наметили,— закрепить в прочные формы повседневной трудовой дисциплины. Это — самая трудная, но и самая благодарная задача, ибо только решение ее даст нам социалистические порядки».

В. И. ЛЕНИН

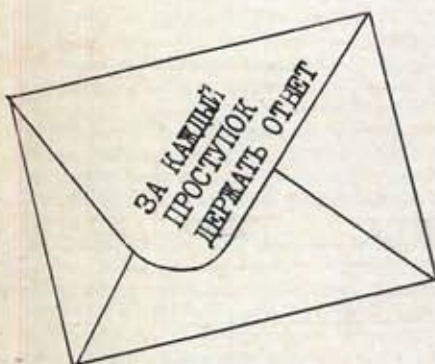
НЕОБХОДИМОСТЬ

несколько иначе. Мне кажется, что не меньший здесь и моральный ущерб. Ведь глядя на такое положение, один комсомолец начинает вести борьбу с недостатками, другой промолчит, а третий и воспользуется этими «прорехами». Один работник нашего цеха взял недельный отпуск с разрешения администрации. Позже я узнал, что он во время этого отпуска, когда простаивал его фрезерный станок, перестилал пол в квартире соседа. Интересно, почему он так сделал.

— А почему нельзя? Если других отпускают без содержания, то и я решил. А сосед заплатил мне втрое больше. Вот логика рвача.

Но издержки касаются и других людей, потому что пороки в организации труда рождают щербинку в морали.

Анвар ЗАГИДУЛИН,
фрезеровщик
ремонтно-механического цеха
комбината «Уралэлектромедь»,
молодой гвардеец пятилетки,
секретарь комсомольской
организации цеха,
г. Верхняя Пышма,
Свердловской области



**ГДЕ НУЖНО ВЛАСТЬ
УПОТРЕБИТЬ**

Прочитал письмо В. Любимовой «Что зависит от личности?» в подборке «Новичок: проблемы, требующие решений» («Смена» № 3). Скажу сразу, я тоже за то, «чтобы молодым предоставлять больше самостоятельности и строго спрашивать с них за результаты».

Но прежде, чем говорить о молодежи, считаю, нужно взглянуть на «воспитателей». Ведь, согласитесь, каждый рабочий, когда в коллектив приходит новичок, хочет он того или не хочет, а становится воспитателем. Потому что молодой рабочий присматривается ко всем. Кто-то ему симпатичен, кто-то нет. Но еще неизвестно, с кого он начнет брать пример. Симпатии симпатиями, но и дурные примеры заразительны. Тем более, что многие недостатки на производстве привыкают считать мелочью и никто не обращает на них внимания. А это обидно. Потому что именно эти недостатки прочно откладываются в умах молодых.

Что же это за мелочи?

Например, рабочий опоздал на работу. Всего-то минут на пять—десять. Бригадир объяснил, что стоял в очереди за какой-то вещью, которую давно хотел приобрести. Кстати, случай очень частый. Бригадир, даже если он и строгий человек, тоже «понимает», что нужно было, никуда не денешься. И потом «пять—десять минут ничего не решают»...

Кто-то опоздал на час-два. С этим разговор уже другой. Его «прочистят» на собрании. А молодой рабочий со своей стороны видит все. Видит, что ничего страшного в опоздании нет, тем более, если всего-то раз-два в месяц, а не каждый день.

Но самое страшное, если никто не обратит внимания, когда он сам опоздает в первый раз. Или заметят, но скажут: «Ничего, с каждым бывает». Я недавно узнал, сколько мы по всей стране теряем рабочих часов из-за таких вот опозданий. Это просто ужасно. А все потому, что привыкаем, «с кем не бывает»...

А я считаю, что нужно строго спрашивать за каждое опоздание, будь то десять минут или два часа. И с каждого рабочего — независимо от того, ветеран он или работает всего первый месяц. И этих редко опаздывающих на собраниях ставить в один ряд с прогульщиками — и те и другие нарушители трудовой дисциплины. У нас в наших законах нет нарушителей «хороших» и «плохих». В законе есть одно определение — нарушитель трудовой дисциплины.

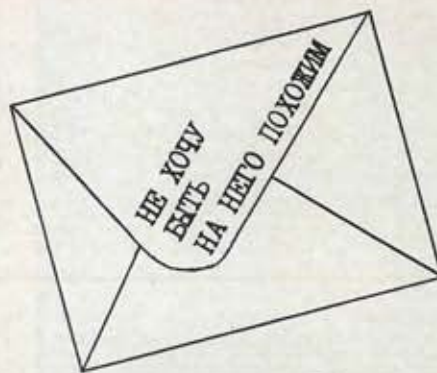
За прогулы же из зарплаты прогульщика надо высчитывать ту сумму, которую нормальный работник мог бы заработать за полный рабочий день. Он мог ее заработать, но не захотел. Так за что же ему платить?! А премия тут вообще ни при чем, потому что порой за нарушения лишают только премии. А то и лишь части ее.

Наверное, кто-то возразит: не слишком ли строго? Нет, дорогие товарищи. Ведь тот, кто честно и добросовестно трудится, этой строгости не ощутит. Прогульщики, конечно, будут возмущаться, жаловаться. Ну и что? Они и сейчас жалуются на строгость наших законов. И всегда будут жаловаться.

Зато молодой рабочий сразу ощутит, что такое дисциплина и ответственность. Воспитание же без личного примера опытных работников — пустое дело. Бригадир и мастера, все члены рабочих коллективов должны доказывать и показывать новичку, что трудовая дисциплина существует не только на бумаге, но живет в коллективе, в каждом рабочем.

Таково мое мнение. Кстати, разговаривая с разными людьми, с разных предприятий, я заметил, что его очень многие разделяют. Кроме тех, кто не уверен, что сам сможет работать без прогулов и опозданий.

Александр САМАРСКИЙ,
рабочий,
г. Анадьрь



**«РАБОТАЕТ МАЛО —
СКВЕРНОСЛОВИТ МНОГО»...**

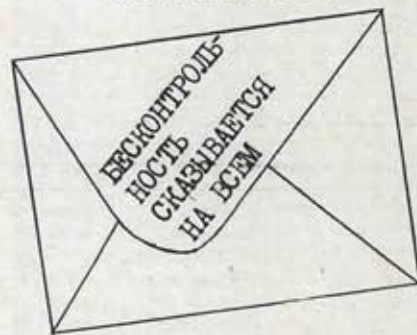
Все решает отношение человека к труду. Думает он только о том, как заработать рубль, или о своей работе и работе товарищей.

Вот дома мы умеем беречь добро, стараемся сохранять вещи как можно дольше, а почему же бывает, что к народному добру отношение совсем иное? Почему на работе столько расточительства, разгильдяйства?

Я знаю одного рабочего, который на работу ходит выпивши. Работает и зарабатывает он мало, зато много сквернословит, а его автокран вечно грязный и регулярно выходит из строя. Сам он всегда какой-то взбудораженный, нервный и дальше бутылки не видит. Уверен, что ему нельзя доверить никакого серьезного дела. Зато, хвалясь, он любит показать, как умеет разбираться в марках вин и водки. А лучше бы за машиной своей следил. Ведь машина требует аккуратности, опрятности, внимания. Разумеется, беречь машину вовсе не означает держать ее под стеклянным колпаком. Технику надо использовать, но умело.

И вообще, на мой взгляд, современному рабочему просто не к лицу быть ухарем, шабашником, рвачом.

Михаил КУРДОГЛО,
учащийся СГПУ-18,
г. Кагул, Молдавской ССР



«ВЫПУСК» С МИНУСОМ

Какой должна быть дисциплина на транспорте — известно всем. Своевременно, через равные интервалы пода-

вать исправные автобусы — казалось бы, не такая уж сложная проблема. Но кому не знакомы часы «пик»? На автобусных остановках — толпы; люди нервничают, опаздывая на работу, ругают шоферов, а автобуса все нет и нет.

В нашем автопарке висит огромная доска, где работники планового отдела ежедневно записывают показатели. В последнее время в графе «выпуск» фигурируют цифры с минусом. Значит, на линию «невыпускаются» десятки машин. Однажды я спросил одного из начальников колонн, что нужно для нормального выпуска. «Нужны люди», — ответил он. Да, действительно, шоферов у нас не хватает. Но разве это единственная причина?

Несколько лет назад был создан комсомольский оперативный отряд. На дежурном «рафике» мы выезжали в рейды, проверяли работу молодых шоферов на линии. В проводники брали шофера, знающего маршруты. Подъезжаем к одному тихому переулку. Стоит наш автобус, свет в салоне погашен. «Косит рейс», — говорит наш проводник. «Почему сошли с маршрута?» — спрашивают ребята-комсомольцы. Будь это кто-то посторонний, можно было бы наплевости с три короба. А своего, шофера, не обманешь. «Да отдохнуть захотел», — признается водитель. «А знаешь, что на маршруте творится, когда нет машин?» В общем-то все это знают, вопрос для профформы. После этого делаем отметку в путевом листе, заносим данные в акт проверки. Теперь парня ждет разбор на комсомольском собрании...

Садимся, едем дальше. Вот один из молодых шоферов, сделал нагон, прочно «сел на хвост» впереди идущему автобусу. Он знает привычку пассажиров — они обязательно сядут в передний автобус. А второй едет полупустой — значит, поломок меньше. Я читал статью «Тормоз» в № 18 «Смены» за прошлый год, написал ее водителю из Омска. Так вот, они в своей работе сами ищут пассажиров, даже стараются перехватить у коллеги. Мне думается, пассажир от такой конкуренции только выигрывает. А у нас некоторые шоферы, наоборот, прячутся от пассажиров...

Между прочим, когда у нас регулярно проводились рейды проверки, то и нарушений дисциплины было меньше. Но теперь таких рейдов нет, хорошее дело заглохло. Почему? Просто никто не подумал, как поддерживать и развивать общественный контроль.

Я иногда думаю, что у нас в автопарке как бы два «государства» — эксплуатационники и ремонтники. Не так давно видел весьма примечательную сцену: поссорились шофер автобуса, вставшего по графику на ремонт, и бригадир комсомольско-молодежной бригады слесарей Юра Быков. Юра насадил на шофера:

— Не водитель ты, а наездник, не жалеешь машину, на износ гоняешь. И нам работы прибавляешь. Сам посмотри, что в акте записано: сломаны две

Читатель обсуждает острую проблему

Фото
Владимира
ЧЕЙШВИЛИ



Наша обложка: неустанно совершенствуют свое боевое мастерство воины-пограничники дальневосточных рубежей нашей Родины.

Фоторепортаж
Владислава ЯНЕЛИСА
и Альберта ЛЕХМУСА
«Я — «ПУТНИК», ПРИЕМ...»
на 12-й странице.

1 КОЛЛЕКТИВНЫЙ КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ:
РАБОТА В ТЯГОСТЬ. РАБОТА В РАДОСТЬ.
«ДИСЦИПЛИНА: ПОТРЕБНОСТЬ И НЕОБХОДИМОСТЬ».
Письма, статьи, высказывания.

7 «ЧУЖОГО ГОРЯ НЕ БЫВАЕТ».
Обсуждаем очерк Георгия БАЖЕНОВА «ДВЕ ЖИЗНИ».

8 Михаил РАДЗИВИЛИН, заместитель начальника
Главного следственного управления МВД СССР.
«ЛИЧНО ОТВЕТСТВЕН!».

9 Рассказ Юрия НАГИБИНА
«В ПЛАМЕНИ ЧИСТОМ И СВЕТЛОМ».

12 «Я — «ПУТНИК», ПРИЕМ...».
Фоторепортаж Владислава ЯНЕЛИСА
и Альберта ЛЕХМУСА.

15 К 75-ЛЕТИЮ М. А. ШОЛОХОВА.
Валерий ГАНИЧЕВ. «ПРЕДВЕСТНИКИ...».

16 ЖЕМЧУЖИНЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ.
«НЕМЕРКНУЩИЕ КРАСКИ СТАРИНЫ».
Фотоочерк Алексея НИКОЛАЕВА
и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.

18 «СЕРДЦЕБИЕНЬЕ ДНЯ». Стихи Владимира ЦЫБИНА.

22 МАЙСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.
Обзор зарубежной печати.

24 ОЛИМПИЙСКИЕ ЭСКИЗЫ.
Виктор КРОВОПУСКОВ, заслуженный мастер спорта,
чемпион Олимпийских игр 1976 года по фехтованию.
«АТАКА СТРЕЛОЙ».

26 ЭКСЛИБРИС «СМЕНИ».

28 Повесть Николая ОГАНЕСОВА
«МАЛЬЧИК НА КАЧЕЛЯХ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДНОСЦЕВ (ответ-
ственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ,
В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (глав-
ный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ,
О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. Г. Сорокин. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

рессоры, перекокс заднего моста, люфт двух шкворней, кардан, двигатель... Ты думаешь, у нас здесь капитальный ремонт делают?

— Понимаешь,— оправдывался шофер,— конец месяца, хотел выработать норму часов...

Поворчав еще, Юра приказал слесарям начать разборку «низа» автобуса — делать-то надо.

Мне как-то попала на глаза заметка в многотиражной газете «За отличный рейс». В ней говорилось о предприятиях, где заключены договоры сотрудничества между ремонтниками и водителями. На совместном заседании партбюро, цехкома и комитета ВЛКСМ нашего автопарка решили: дело стоящее, надо поддержать почин. Достали бланки договоров.

Бригада слесарей обязуется поддерживать товарищеские отношения с шоферами, гарантирует высокое качество ремонта. Ну, а экипажи автобусов гарантируют отличное обслуживание пассажиров, своевременную подачу заявок на ремонт, устранение мелких неисправностей своими силами. В идеале это не договор, а клад.

Обе стороны подписали договоры. В первый же месяц показатели колонны № 4 по выпуску машин на линию резко пополнили вверх, а количество возвратов по технической неисправности — вниз. Слесари и водители стали работать дружнее, дисциплинированней. В первый месяц призовое место присудили слесарям. Во второй — шоферам. А вот в третий месяц — ни тем, ни другим. Почему? У всякого соревнования должны быть стимулы, моральные и материальные. Пошли мы к главному экономисту автопарка В. С. Песковой. Мол, надо придумать, как стимулировать договоры. Но определенного ответа не услышали. Не получив должной поддержки, почин заглох. И теперь, когда шофер объясняет Юре Быкову, почему «привез» большой объем работ, бригадир безнадежно машет рукой и нехотя идет к машине. Что, мол, говорить, слова и есть слова. А ведь договоры могли заставить работать по-новому и ремонтников и водителей...

И еще раз о нехватке кадров, на которую так любят ссылаться начальники колонн. Однажды я разговорился с одним из них. И он мне откровенно сказал: «Если сейчас произойдет чудо и явятся 400 недостающих шоферов, то нам их просто сажать не на что будет. Очень много машин неисправных, поврежденных, «разграбленных». Вот ведь как хорошо, что так плохо получается».

А почему так получается? Как-то к одному пожилому слесарю поставили на практику ученика ПТУ. Парень оказался сметливым, но чересчур подвижным. Бывали случаи, разыграется и о работе забудет. «Зачем распускаешь парнишку?» — спрашивали товарищи. «Ничего, еще успеет наработаться», — отвечал наставник. Закончилась практика. По распределению парень попал к нам. Хватили мы с ним горя. Комитет комсомола не раз его разбирал за нарушения дисциплины, цехком им занимался. Так «доброта» или «жалость» дорого обошлись нам, пока не проводили парня в армию. С чего же все началось? Никого всерьез не обеспокоили даже те нарушения дисциплины, что происходили у всех на глазах. Тем более трудно говорить о профилактике нарушений, происходящих за пределами автопарка, — я имею в виду «отдыхающих» шоферов, «наездников», прячущихся от пассажира... Бесконтрольность сказывается и на выпуске, который у нас «с минусом», и на общей нравственной атмосфере в автопарке, бывшем когда-то в передовых...

Николай ЮРЧИХИН,
мастер ОТК
6-го автобусного парка,
Москва

На головной фабрике гомельского швейного объединения «Коминтерн» произошло «ЧП»: решением Госназора несколько моделей мужских костюмов были лишены Знака качества. Причины? Как отмечено в акте, нарушения технологической дисциплины.

Я приехал в Гомель спустя два месяца после суровой санкции Госназора. Но, видимо, вызванный ею резонанс был настолько силен, что психологическое потрясение не успело пройти:

— Никогда такого позора не было! До сих пор опомниться не можем. Какое-то чудовищное сплетение обстоятельств!

Владимир АНИСИМОВ

О НЕСОВМЕСТИМОСТИ
БОРЬБЫ ЗА КАЧЕСТВО
С НАРУШЕНИЯМИ
ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ
ДИСЦИПЛИНЫ

Не называю автора этих слов только потому, что слышал их в разных вариациях от многих.

Потом последовали подробности: мол, инспектор лаборатории Госназора осмотрела малое количество костюмов; примеряла не на тех манекенах; придиралась к сущим пустякам вроде двух-трех пропущенных стежков... В общем, как казалось работникам фабрики, велась проверка предвзято. Костюмы же хорошие.

И тут у нас возник простой с виду вопрос: если швейники считают наказание явно несправедливым, почему не записали в акте проверки свое особое мнение? Наконец, не обжаловали акт?

— Да мы как-то не подумали... Решили, что все равно ничего не изменишь... — так мне Зоя Михайловна Суханова ответила, главный инженер объединения.

Однако на собрании, которое состоялось вскоре после проверки, насчет несправедливости и речи не было, наоборот... Вот выдержки из стенограммы:

М. М. Березовская, начальник ОТК: «Ожидать такого положения можно было давно. Случившееся закономерное. Дефекты изо дня в день повторяются. Контролеры ОТК не могут принять с первого предъявления ни одной единицы. При таком качестве с ленты контролеры пропускают работу с дефектами».

Л. И. Цыбакова, заместитель директора по качеству продукции: «В настоящее время сложилась очень неблагоприятная обстановка с качеством... Трудности имеются, но это не дает права нарушать технологическую дисциплину».

Разговаривали об этом с З. М. Сухановой и ее заместителем З. И. Конюшенко.

— Если качество на должном уровне, как понимать выступления на собрании?

— Мы ведь должны были как-то реагировать на постановление Госназора...

Позиция руководителей фабрики вряд ли составляет секрет для кого-либо из работников. Отсюда и вывод делается: ну, поругали — так это для порядка, в «воспитательных целях», а серьезно беспокоиться не о чем.

Но если от эмоций вернуться к фактам, то именно после проверки были сделаны изменения в технологии про-

изводства: швейники улучшили влажно-тепловую обработку ткани, изменили способ втачки рукава, метод подгонки подкладки и так далее. Мне говорили, что все мероприятия плановые, они были бы осуществлены независимо от проверки. Это сути дела не меняет: раз требуются изменения в технологии — костюмы еще не безупречны. Впрочем, сколько ни совершенствуй технологию, сама по себе она гарантию качества не дает. Нарушить можно и самую передовую технологию — во всяком случае, в швейном деле, где почти все зависит от профессиональной подготовки швеи. Как выяснилось, от нарушений технологической дисциплины избавиться... почти невозможно. «Едва мы успеваем

вычки к дисциплине. А отсюда уже и все остальное — дефекты, возвраты на переделку. Молодые же и текучесть кадров создают».

— И чего они уходят? — искренне удивлялась швея Нина Васильевна Новикова. — Сейчас на фабрике просто рай, только работой.

Нине Васильевне есть, конечно, с чем сравнивать: двадцать пять лет назад она начинала не в таких светлых, чистых цехах, не на таком оборудовании. Ну, а если попытаться взглянуть на все глазами тех, кто поступил недавно?

Начальный этап в учебно-курсовом комбинате длится четыре месяца. Вернее, должен длиться. Едва здесь набирается группа, как начальники цехов

который, кстати, новичка больше всех и ругают. Чем могут помочь им наставники, если у них, как более опытных, проценты выработки должны быть еще выше?

Самими условиями производства нарушения производства как бы запрограммированы. Но нехватка квалифицированных кадров — это только видимая причина.

Здесь придется коснуться одной технической тонкости. На современных машинах есть ремень, соединяющий два шкива. Закончила швея шов — машина автоматически поднимает иглу, сама обрезает нитку. Очень удобно. Но... 80 процентов машин первого цеха, где трудится 900 человек, эту операцию не производят: ремни поизно-



ба». Не в упрек говорю, а к тому, что и наставников надо готовить — прежде всего психологически — к возросшим требованиям времени. Ведь наставник — пример для подражания.

Вначале поинтересовался в комите-

ВЫЖИВАЮТ КОНФЛИКТА

подготовить работницу, — жаловались на фабрике, — как она подает заявления об уходе. В последние годы текучесть доходила до 17 процентов! Отработав положенный срок, уходят и выпускники ПТУ. На их место садятся неопытные девушки, и все начинается сначала: ошибки, отклонения от технологии, стандартов, возвраты на переделку».

Надо оговориться, что обвинять в текучести кадров только гомельчан было бы действительно несправедливо. Большую часть вины должен принять на себя Минлегпром БССР: за то, что предприятие, после реконструкции численно выросшее втрое, имеет лишь 150 мест в новом общежитии, а сотням людей, в том числе и выпускникам ПТУ, приходится жить на частных квартирах; за то, что с бытовыми трудностями связано три четверти заявлений об уходе; за то, что затраты на профессиональную подготовку редко оправдываются...

Но тем не менее спросом гомельские костюмы пользуются. И у обычно придирчивых работников торговли отзывы неплохие. Значит, в принципе, можно шить хорошо? Основной костяк рабочих кадров сохраняется — это, как правило, те, кто проработал много лет и редко допускает брак. Получается, все беды от молодых происходят, в первую очередь от непри-

всеми правдами и неправдами стараются сразу забрать учениц на рабочие места, «борьба» со своим же учебным комбинатом идет за каждого человека. Трудно сказать, что выигрывают начальники цехов, сажая на конвейер... недоучек. Вроде бы облегчается положение с планом: больше рабочих рук на конвейере. Но каких рук? Неумелых, робких. А условия, в которые они попадают в цехе, требуют прежде всего полноценной профессиональной подготовки. Ритм производства здесь напряжен до предела, обычной выработкой никого не удивишь: нет ни одной швеи, не выполняющей сменного задания, а те, кто работает больше трех месяцев, выполняют нормы на 120—160 процентов. Говорят, такой ритм диктуют пустующие рабочие места... Но и его недостаточно, чтобы цех выполнял план, нередко приходится работать по субботам.

На первый взгляд высокие проценты — это хорошо. Но за счет чего все новички могут перевыполнять нормы? Профессиональных навыков у них еще мало — значит, в основном за счет физического перенапряжения. Подростки трудятся на час меньше, но в таком же ритме. Вот как выглядит фабричный «рай» для сегодняшнего новичка. А уставший человек не может всю смену работать без ошибок. Обратная сторона «рая» — это брак, за-

сились, а запасных нет. Начальник цеха рассказала: раньше изыскивали средства, заказывали ремни на одном из предприятий города. Сейчас это не делается. Почему? Отказали? Нет, не отказали, сами как-то упустили... Короче, надоело выкручиваться из положения, так я понял, — иного объяснения просто не было.

Вроде бы пустяк, работница может и вручную поднять ремень — для этого требуется одно движение руки. Пустяк... Из-за него швея теряет до 20 процентов производительности труда. Иначе говоря, у нее «отнимают» больше часа рабочего времени — может быть, именно этого часа швеи не хватает, чтобы работать спокойно, ритмично, без спешки, которая, как известно, к добру не приводит.

Требуя от работниц точного соблюдения технологической дисциплины, надо создать им необходимые условия — кто станет спорить? Но вот чем порой оборачивается даже мелкий, частный факт. Какой-то копеечный ремень...

Галия Лубкова, комсомольский секретарь фабрики, с увлечением рассказывала, как интересно проходят конкурсы мастерства. Вероятно, интересно, но каждый конкурс — это всего одна операция. Кроме того, повседневная работа требует не столько виртуозного мастерства, сколько обычной дисциплины (с которой, кстати, мастерство и начинается). Без блеска, но точно исполнить положенную операцию — вот, собственно, о чем речь. Разговор поневоле возвращается к наставникам. Да, трудно им, времени в обрез, но у кого же еще молодежи набираться опыта? Особенно если учесть скороспелую подготовку, непривычный ритм работы?

Я не к случайному человеку подошел в цехе — к лучшей наставнице объединения. И она мне сказала:

— Придрались к нам, что будто криво шьем... Главное, чтоб костюм хорошо выглядел, а если стежок-другой пропустишь или строчку на миллиметр в сторону уведешь — разве это важно? Чтоб совсем без дефектов работать — такого и быть не может.

Не в упрек наставнице привожу эти слова. Она-то помнит время, когда хороших костюмов не хватало, брали без особого разбора. Но времена-то меняются, меняются и требования к качеству так называемого «ширпотре-

те комсомола работой фабричного факультета наставников.

— Факультет наставников? — переспросила Лубкова. — Так это фабком организовывал... Как часто проводится? Точно не знаю, по-моему, раз в квартал. Сейчас уточню.

Снимается телефонная трубка.

— Нина Михайловна? Как часто собираются факультет наставников? Ну, а по графику?.. Где-то один-два раза в месяц.

План работы совета наставников я обнаружил сам, на стенде в коридоре. План на квартал, закончившийся... два месяца назад. Правда, на другой день появился новый, на квартал текущий, а старого, уверяли меня, я видеть не мог. Мистика какая-то... Откуда же он в моем блокноте очутился?..

Скажут, придираются к мелочам. Но и мелочи много могут сказать о стиле работы. Почему оказалось невозможно узнать в комитете комсомола о точном количестве уволившихся комсомольцев? О живущих на частных квартирах, об их бытовых условиях? О строительстве общежития? О работе факультета и совета наставников? О том, что помещало подшефной школе выделить летом ученическую производственную бригаду в помощь фабрике? Это все вопросы, прямо касающиеся жизни и работы комсомольцев, не раз называвшихся в качестве главных условий стабильности работы, прочной дисциплины.

Неинформированность — не мелочь. Любая система управления качеством начинается с информации. Качество комсомольской работы — тоже. Но, подчеркиваю, только начинается. Потому что бывает и наоборот: несколько лет назад комсомольцы фабрики начали серьезное дело, имея о нем полную информацию, представление о возможностях производства, а закончилось все... ничем. Задумано было неплохо: организовать сквозную бригаду качества, в которую вошли бы работницы подготовительного, раскройного и швейного цехов. Инженер по соревнованию специально ездила на Тираспольскую швейную фабрику, где этот опыт хорошо себя зарекомендовал. (Кстати, о нем неоднократно писала «Смена».) Но как ни старались бывший секретарь комитета комсомола Мария Кулябо и нынешний Галина Лубкова довести «до кондиции» сквозную бригаду, так ничего и не вышло.

Как поставлено дело в Тирасполе? В

Нам нужно беспощадно бороться с летунами... Приходит такой тип поступать на шахту и сразу спрашивает: «А как со спецодеждой? Как с квартирой? Как с подъемными?» Спрашиваешь: откуда пришел? Оказывается, что с другой шахты, откуда его прогнали. Он, значит, летает с шахты на шахту и срывает нам производительность труда, разлагает нашу работу.

Некоторые рабочие и даже ударники иногда говорят, что закрепление рабочей силы нас не касается. Что есть профсоюзная организация, есть, мол, хозяйственники — и они должны заботиться о закреплении. Нет, товарищи, не так нужно относиться к этому делу. Мы сами хозяева своих шахт. Ведь сам председатель союза не может охватить несколько тысяч рабочих, а когда мы будем ему помогать, мы ликвидируем текучесть, которая наносит колоссальный вред производству.

Никита ИЗОТОВ,
из выступления на Вседонском слете шахтеров-ударников.
Лето 1933 года

общем, ничего сложного. Работницы на всех отдельных операциях связаны обязательствами, они же сами контролируют друг друга. В ОТК изделие (в Тирасполе шьют сорочки) поступает с «сопроводителькой», в которой значатся все без исключения подписи «авторов» работы. Дефект, дошедший до контролера, — исключительный случай, а если такое и бывает, виновник обнаруживается сразу.

Если идея сквозных бригад во взаимной проверке и помощи, передаче своего опыта подругам, постоянных связях по технологической цепочке, то в «Коминтерне» эта идея потеряла всякий смысл. В Тирасполе в сквозных бригадах работают 20—25 человек. В Гомеле набралось... 720! Бригада — если ее можно так назвать — фактически неуправляема. Кто нарушил технологическую дисциплину, когда, по какой причине, узнать невозможно. Как же получилось, что она разрослась до невероятных размеров? Галия Лубкова растолковала: специфика иная, нежели в Тирасполе, подготовительный цех дает работу всем цехам, нельзя выделить конкретных людей, которые давали бы ткань конкретным раскройщицам. А раз так, зачислили в сквозную бригаду всех, чохом.

Ладно, условия производства не позволяют. Тогда зачем вообще огород городить? И что же — так дальше и мучиться с этой «бригадой»?

— Не знаю, — откровенно призналась Лубкова, — конечно, семьсот человек, это... да они даже познакомиться друг с другом никогда не смогут! Но совсем отказываться от нее не хочется...

Иногда собирается совет бригады, говорят о той же самой проблеме. Обсудить практическую роль, отдачу бригады невозможно — понятно, почему. Продолжаются попытки сохранить бригаду, тратятся на это время и силы — неужели только для отчетности, только потому, что тираспольский метод «в моде»? Интересно, что никто всерьез не рассчитывает укрепить дисциплину исполнения с помощью формального — а формализм здесь чистейшей воды — внедрения хорошего в первооснове опыта.

Между тем дефекты не перестают появляться. Однажды отчитывались на бюро комитета комсомола посты качества третьего цеха. Когда ритмично идет работа, дефектов меньше, когда «аврал» — больше; в среднем получается, что каждый пост качества возвращается за смену на переделку десять единиц — детали костюма. В масштабах фабрики это сотни изделий, то есть сотни нарушений технологии ежедневно. Плюс к этому какое-то количество брака проходит и через посты качества.

«Пост качества» — звучит внушительно. На деле это понятие весьма абстрактное. Мне показывали, что это такое: сидит девушка на конвейере, и если к ней попадет плохо сшитая деталь, отбрасывает ее на переделку. Но ведь то же самое сделает любая швея, назови ее «постом качества» или как-то иначе: зачем ей продолжать шить заведомо бракованный пиджак? Иначе говоря, реальную пользу комсомольских постов качества, как и сквозной бригады, нельзя ни ощутить, ни взвесить, ни проанализировать. И у комсомольского секретаря немало сомнений по этому поводу: «Сами чувствуем, что нет контроля за работой постов. А как их контролировать? Думали было завести специальные тетрадки учета брака, но боимся, что долгая из этого бухгалтерия получится... А все же надо, чтобы каждый пост хоть записывал номера возвращенных деталей. По крайней мере появилась бы какая-то возможность анализировать причины нарушений технологии, брака».

Возникает ощущение, что комитет комсомола пытается работать на

ощупь, вслепую. А так ли уж необходимо учиться на собственных ошибках? Казалось, проще найти родственные предприятия, познакомиться с их опытом, съездить туда, наконец (не так, конечно, как в Тирасполь). Правда, пытались, как рассказывала Лубкова: «Наш инженер по соревнованию была на других фабриках, но ценного опыта не привезла».

...Может показаться, что я нарисовал портрет комсомольского работника-формалиста, безразличного к тому, что происходит на его предприятии. В том-то и дело, что нет! Все, что делается на фабрике, Галия принимает близко к сердцу, расстраивается, когда уходит комсомольщица. Человек десять уговорила остаться, расселила по родственникам. Если потребуется, сама сядет за швейную машину, придет в субботу. Но личного участия во всех делах никогда не хватит, если не нашла своего места в общей системе управления качеством комсомольская организация. Скажу больше: комсомольцы сами нарушили «технологическую дисциплину». Потому что дисциплина подразумевает порядок, культуру работы. Во внедрении новшества, передового опыта, в контроле — да в любом деле.

Итак, история с лишением Знака качества вызвала много разногласий, выявила цепь причин нарушений технологической дисциплины.

Но где та грань, что отделяет мелкое нарушение от большого? Один неправильный стежок от кривого рукава? Хочу напомнить: речь идет о костюмах со Знаком качества. Суровость санкции Госназдора, если отвлечься от эмоций, объясняется просто: нельзя с обычными мерками подходить к изделиям, отмеченным высшей категорией качества, если мы не хотим превратить Знак качества в ничего не обещающий значок. Возможно, костюм сшит неплохо. Но до Знака качества, извините, не дотягивает. И есть угроза, если так можно выразиться, девальвации Знака качества: костюм со Знаком перестает отличаться от обычного. Так что дело не в частном факте: на такой-то фабрике забраковали такой-то костюм. Дело в психологической готовности к тому, что выражено в известном лозунге «Завтра работать лучше, чем сегодня». Такого требования времени, никуда тут не денешься. Этой готовности как раз и не хватило, если руководители фабрики считают, что все случившееся — досадное недоразумение, а кадровые швеи — что работать без дефектов невозможно.

Санкция Госназдора вызвала раздражение и обиду. Может быть, виноват случай, и приди инспектор чуть раньше или позже, все обошлось бы хорошо, как и прежде? Но даже в хвалебных отзывах торговли, которые мне показывали на фабрике, попадались критические строчки, своего рода тревожные сигналы. Вот хотя бы из письма В. Пасюкова, управляющего Минской областной базой «Белторгодежда»: «... в изделиях выпуска 1979 года очень часто встречается, что в пиджаках обужена пройма рукава... морщинистость рукавов; шов притачки не придерживается воротником, излишняя оттянутость края воротника...» То есть те же нарушения технологической дисциплины. Видимо, больше внимания обратили на хвалебную часть писем. Что ж, когда хвалят — это, конечно, приятно.

«Подытожил» сигналы торговли Госназдор... Акт проверки — это не только карающий меч, а как бы предложение разобраться, взглянуть на проблему с разных точек зрения. Проблема ясна: надо не только аттестовывать модели, а работать на высоком уровне качества изо дня в день. Последнее, как нетрудно понять, без дисциплины неосуществимо.



ПРИЙТИ К ЕДИНУМУ МНЕНИЮ ДАЖЕ В НЕБОЛЬШОМ КОЛЛЕКТИВЕ НЕ ВСЕГДА ПРОСТО. НЕ ПРОСТО ПОТОМУ, ЧТО КАЖДЫЙ В НЕМ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ, СО СВОИМИ ПОНЯТИЯМИ, ВЗГЛЯДАМИ НА МИР — НА ЖИЗНЬ И РАБОТУ. И, ОДНАКО ЖЕ, ДОСТИЖЕНИЕ ИМЕННО ЭТОГО ЕДИНСТВА ЛУЧШЕ ВСЕГО ГОВОРИТ О МИКРОКЛИМАТЕ В КОЛЛЕКТИВЕ...

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

Конечно, плохая организация труда, простоя — сильнейший стимул недисциплинированности... Но оправданием прогулов никак, с моей точки зрения, служить не может. Если ты чем-то недоволен, не держи кукиш в кармане, а выступи открыто. Примерно каждый месяц у нас бывают производственные собрания, где присутствуют все мастера и руководство цеха. На собраниях все, кто шумит в «курилке», молчат. Спрашивается, почему? Может быть, боятся критиковать? Да нет, наш начальник цеха на крючок за критику не берет. Я сам часто с критикой выступал — и ничего... Некоторые говорят: «У Чуева спина крепкая, ему можно критиковать, его не своротишь». Но я и молодым был и всегда старался говорить, что думал, а не молчать по принципу «моя хата с краю».

Но, думается, молчат не только из боязни мести за критику, а оттого, что у самих «рыльце в пушку». Молчат и на всякий случай — а вдруг, думает молчун, провинность, мне, мол, критика и аукнется. Что-то похожее нередко происходит на товарищеских судах, где обсуждают нарушителей трудовой дисциплины. Пожурят их, пожурят, да так вяло, а после еще какой-нибудь добротой подойдет к обвиняемому, хлопает по плечу... Это не доброта, а трусость. Этим «зарабатывают» прощение на будущее: я смолчу, и он, когда я прогуляю, смолчит. Короче: чтобы критиковать, нужно иметь моральное право и уверенность, что завтра тебя твоими же словами не уколют.

Считается, что некоторые профессии имеют свою этику, например, профессия врача. Мне кажется, существует общая для всех этика работника, работающего человека. Ее основа — уважение к труду, а это значит: полная отдача делу и самодисциплина.

Алексей ЧУЕВ,
токарь,

дважды Герой Социалистического Труда



яние и укрепление трудовой дисциплины они отвечают так же, как и за выполнение плановых заданий». Вот и сделайте отсюда вывод.

Но одно дело укреплять дисциплину, когда на это работает вся организация производства, и совсем другое — «подтягивать дисциплинку» вопреки тому, как организованы и идут дела на предприятии. А нас весь прошлый год именно лихорадило...

— Поставщики?

— Поставщики. Понимаю, что ссылки на них могут казаться банальными, но судите сами... Приводных станций с завода «Елгавсельмаш» мы в прошлом году за первые десять месяцев получили на треть меньше, чем было предусмотрено планом. Чего нам только недопоставляли! Обращались в министерство, в самые высокие организации Латвии, получали обещания помочь. А деталей все не было. В результате — корректировки в планах, нервотрепка и простои в цехах, судорожные попытки выбраться в последние дни года. А ведь «Елгавсельмаш» принадлежит к нашему объединению, так что мы для них как бы «свои»... Я могу их понять — им Целиноградский чугунолитейный завод поставлял 50—60 процентов заказов, но от этого нам было не легче. Мы вынуждены работать не так, как хотим, как нам удобно, выгодно, согласно плану, наконец, а по принципу: «Что дадут, то и будем делать». И все на заводе это знают...

Ведь до чего доводят! Полгода нам тот же Целиноград не поставлял «ролики». Что делать? Поехал на завод «Рожицеферммаш», поговорил с директором. Он говорит: «Пойдем в цех, с людьми потолкуем». Пришли в литей-

готовностью работать хорошо. Не стану уверять, что абсолютно все, но очень многие. И хотя вопросы трудовой дисциплины мы стараемся рассматривать на каждом совещании, подписывать грозные приказы мне приходится реже многих других директоров. Но мы, конечно, не считаем, что тут у нас полное благополучие.

— Мирон Дмитриевич, судя по всему, спрос на вашу продукцию есть?

— Не просто спрос, а спрос огромный. И это приятно чувствовать. Сознание этого мобилизует. Еще раз напомню, что у нас много людей из села, хорошо знающих, как нужны наши машины на фермах. А это знание, что твою работу ждут, что она помогает людям, это сочувствие тем, ради кого мы работаем, потребителям, — думаю, его ничем заменить нельзя. И еще обстоятельство. Производство становится все сложнее. А на таком производстве растет цена, которую приходится платить за каждый случай недисциплинированности, расхлябанности... И бороться с ними будем всем заводом.

Разговор второй.
НАЧАЛЬНИК ЦЕХА ШАФЕТА В. Я.

...Тогда у входа в цех несколько рабочих азартно резались в домино. Только что назначенный начальником цеха № 2 Василий Яковлевич Шафета невольно взглянул на часы — девять. Смена давным-давно началась.

— Ну вот, Василий Яковлевич, — сказал стоявший рядом с новым начальником цеха старый директор завода, — сами видите, с чего тут надо начинать. А теперь давайте по цеху пройдемся...

Разбрелись по местам «доминошники».

СМЕНА

Коллективный критический анализ: работа в тягость, работа в радость

телей в цехе было человек восемь — это они регулярно ночевали в выгрезвителе, опаздывали или раньше «смывались», или просто тихо-мирно сачковали. С них мы и начали. Не залугивали, не страшали, говорили, как дальше жить будем, объясняли, как не будем. И знаете, это ощущение противостояния коллективу, выделенности из него сработало. Правда, трое из них ушли — говорили, что не выдержат, а подводить людей не хотят. И все-таки мы верим, что для них это не было просто очередным переделом с места на место. А пятеро оставшихся работают, и работают неплохо, хотя ангелами не стали...

И вот еще что. Обычно все силы администрация и общественность «убивают» на тех, кого называют злостными нарушителями. Других же, нормальных работников, словно и не замечают. А это — громадная ошибка. Это — явная несправедливость. И люди, особенно молодые, ее остро чувствуют.

Я в двенадцать лет пришел в ремесленное училище. Время тогда было другое, жесткими с нами бывали до предела, но и добрыми — тоже до предела. И это запомнилось, отложилось в памяти. Отметь не только то, что сделано плохо, но и то, что хорошо, что нормально сделано. Люди любят и ценят внимание.

Оно их привязывает к коллективу, к работе — она им становится интересна.

РАЗЛАД И СОГЛАСИЕ

Порядок на производстве.

Он складывается из многих факторов.

«Роль коллектива здесь — решающая», —

утверждают директор завода, начальник цеха, бригадир

Разговор первый.
ДИРЕКТОР ТКАЧУК М. Д.

Он стоял у окна своего кабинета, откуда была видна чуть ли не вся территория завода. Она была тесно заставлена громоздкими ящиками с готовой продукцией, той, что уже не умещалась на переполненных складах и вывезти которую к потребителям в ближайшее время не было почти никакой надежды, хотя предпринято было вроде бы все возможное: грузчики готовы работать в любое время суток, уплотнили, насколько возможно, загрузку платформ, их даже наращивали для большей вместимости своим лесом — а это перерасход дефицитнейшего материала, из-за хронических недопоставок которого под тару уже стали использовать изношенные автомобильные шины... И все равно! Если управление железной дороги выделяет в сутки всего пять вагонов, своими силами и хитростями не выкрутишься — надо-то хотя бы пятнадцать. Всего несколько месяцев назад ставший директором завода «Ковельсельмаш» имени 50-летия СССР, что выпускает машины для механизации кормопроизводства и животноводческих ферм, Мирон Дмитриевич Ткачук вернулся к своему столу. Помолчал, потер лоб.

— А что касается дисциплины... Знаете, точнее, чем в постановлении, о дисциплине не скажешь: «При оценке деятельности руководителей подразделений исходить из того, что за состо-

ный: так и так, он говорит, кошельчане в беде... Я стою рядом, головой киваю. Ну, литейщики согласились нас выручить, сделали нам эти «ролики», хотя завод и не наш поставщик и продукция для них эта нефондовая.

Взаимовыручка, конечно, хорошая вещь, но ведь на одной такой взаимовыручке не уедешь. И потом, одно дело «ролики», а с другой деталью и при желании не смогут помочь. Да что «ролики», когда у нас с лесом самая настоящая беда! Вот и затрепыхались наши плановые обязательства. А это что значит? Что на всем заводе с плановой дисциплиной неладит.

— Но не подведи поставщики, транспорт...

— Да, думаю, план бы мы дали уверенно. Но я вовсе не хочу сказать, что сами мы беленькие, чистенькие и безгрешные. Поставы в самые выгодные условия работника неквалифицированного, ленивого, внутренне недисциплинированного — и большого проку от его «деятельности» не дожدهмся. Многие недостатки идут от нас самих. И чтобы исправить их, начинать надо с себя.

Разлад с трудовой дисциплиной возникает не по одной причине. К тому же надо помнить, что у каждого предприятия свое лицо, свои особые условия, и учитывать их.

Скажем, наш завод молод, очень молодые его люди — в прошлом году средний возраст работающих составлял 24 года. Большинство рабочих пришло из нашего ПТУ, людей со стороны мало. Это хорошо. Но порой нашим молодым бригадирам, мастерам, начальникам цехов не хватает опыта — и производственного и опыта работы с людьми. А для укрепления дисциплины такой опыт, такое умение совершенно необходимы.

Большинство наших молодых — ребята из сел. Они знают, что такое работа, и приходят к нам именно работать и с

Происходило это вступление в должность два года назад.

— С чего я начал? Да с того, что решил создать «мнение народное», — чуть усмехается над собственными словами Шафета. — Вернее сказать, не создать, а побудить. Чтобы не я единолично в цехе за дисциплину боролся, а весь коллектив.

Путь тут известный: нужен актив, костяк. И он в цехе сложился довольно быстро — в основном из ребят-комсомольцев, а их у нас из 106 человек 60. И когда мне приходилось даже с глазу на глаз с людьми говорить, ссылаясь я уже не на себя, не на распоряжения, а в первую очередь на коллектив, показывал, объяснял, что каждое нарушение дисциплины — это прежде всего удар по своим товарищам по цеху, что это оскорбление не мне, не дирекции, а опять же им — товарищам, что пренебрежение тут оказывается не мне, а нашему общему делу. И мне верили. Не могли не верить, потому что у нас уже не было такого, что, скажем, вынесет начальник цеха прогульщику выговор, а его в цехе по плечу хлопают, утешают: «Не бери в голову!». Не обращай внимания — ему положено.

А иначе, уверен, нельзя. Одному с этим делом, с дисциплиной целого коллектива, не сдюжить. Так что как поступить с нарушителем, мы теперь тоже решаем сообща.

Есть еще люди, которые пользуются гуманностью наших законов, спекулируют на ней, и разумная жесткость по отношению к ним необходима. Но не думаю, что надо гнать, выживать с завода. Большая ли польза выйдет, если наш прогульщик уйдет на другое предприятие, а к нам от них придет их нелюбитель дисциплины? Ведь уходят обычно «по собственному желанию». Кто на этом потеряет? В первую очередь государство.

Тогда, в начале, постоянных наруши-

она становится источником самоуважения. А это уже надежный барьер против недисциплинированности, текучести.

Шафета до прихода в цех долго работал мастером в ПТУ, учился в техникуме, занимался в Институте повышения квалификации профтехобразования, то есть обладает определенными педагогическими знаниями и навыками. Что, к сожалению, редкость. «К сожалению» — это его замечание. Он даже считает, что повышать мастерам и начальникам цехов в первую очередь надо не техническую квалификацию, а педагогическую. Пока же все заканчивается тем, одарила ли природа человека на этой должности педагогической жилкой или обошла. И обычно мастер справедливо считает, что он не Макаренко и не совсем справедливо приходит к выводу, что воспитывать-перевоспитывать — это и не его дело, его дело — план. И вот пошел рубить, ломать, подминать, давить там, где подход нужен.

— А как у вас с планом, Василий Яковлевич?

— А так, как положено: план — святая святых. Но добиваться его надо не любыми средствами. А то план-то выцарапают, при этом измордуют друг друга, а после этого в глаза друг другу посмотреть стыдно...

И поэтому мы не «гайки закручивали», уповая на прочность резьбы, когда за дисциплину брались, мы и производство старались по-другому построить. Люди должны были видеть, что меняются не только требования к ним, но и что у них появилась возможность работы по-новому, возможность по-другому себя на работе ощущать.

Помню, я тогда пообещал: каждый будет получать столько, сколько заработает, сколько внесет в общее дело. Не поверили. Привыкли к другому — мастер зарплату в случае чего подтянет. А зарплата должна быть реальной — за сделанное. Норм и расценок в цехе

ЧУЖДОГО ГОРЯ НЕ БЫВАЕТ

Очерк Георгия Баженова «Две жизни», опубликованный в № 24 за 1979 год, не оставил читателей равнодушными. Свидетельство тому — поток читательских писем в редакцию. В очерке автор рассказывает о судьбе двух молодых ребят — Федора Новикова и Михаила Журавля. Федор, проживший свою жизнь ярко и достойно, трагически нелепо погиб от руки Мишки Журавля. Журнал, как вы помните, обратился к читателям с предложением принять участие в заочном суде, чтобы выяснить причины совершенного преступления.

Большинство читателей выбрали для себя роль обвинителей Михаила Журавля.

По иронии судьбы в тот день, когда я прочитал очерк «Две жизни», меня избили. Я возвращался вечером с работы, думал о елке, которую предстояло вечером «наряжать», о радости детей, которым нес в портфеле новогодние подарки... Со мной поравнялись трое ребят, и меня оглушил неожиданный удар в лицо. Я упал, портфель отлетел далеко в сторону. Пока я поднимался, опомнившись от удара, парней уже было не различить среди других прохожих. Да если бы я их и увидел, то вряд ли бы побегал за ними — самому мне не справиться (хотя мне всего тридцать лет, я перенес операцию на сердце и поэтому, увы, не очень здоров), а на помощь прохожих рассчитывать приходится не всегда — я в этом имел возможность не раз убедиться... Выплюнув изо рта крошки зуба, я медленно пошел домой. Было очень больно. Но главная боль — в душе: как могли эти совершенно незнакомые мне парни, скорее всего старшеклассники, как могли они ударить человека просто так, может, на спор, а может, самоутверждаясь таким диким способом?! Сегодня они остались безнаказанными, а завтра, не исключено, совершат еще большую подлость. Как совершил ее Михаил. Наверняка за ним водились сначала такие же «мелочи», которые позже привели его к убийству человека. Поэтому надо судить не только его, но и его родителей и тех людей, которые были рядом с ним в тот вечер, но не предотвратили преступления.

И вот еще что хочу сказать: надо учить людей с младых лет ощущать ценность жизни другого человека, надо, чтобы каждый человек чувствовал чужую боль, как свою.

В. БОГДАНОВ, Липецк

Если бы такие, как Мишка, трудные подростки читали очерки, подобные очерку «Две жизни», они посмотрели бы на жизнь по-другому. Но вся беда в том, что они не читают не только очерков, но вообще ничего. Я живу по общежитиям более десяти лет и часто встречаю молодых ребят, которые считают, что читать классику, ходить в музеи, театры, на экскурсии — пустая трата времени. При этом самая большая для них проблема — чем заняться в свободное время... Есть деньги — хорошо, вечер пройдет в пьяном угаре, нет — дело плохо, но есть карты, на худой случай — телевизор (там три программы, где-нибудь да кино идет), а потом — можно привыкнуть и спать дольше, тоже выход из положения, или «прошвырнуться» по улице, поискать приключений. Вот так и появляются Мишки Журавля...

Л. УСМАНОВ, Ленинград

До каких пор подонки, подобные Михаилу Журавлю, будут отравлять жизнь людям? Чего скрывать, есть у нас еще молодые люди, не занятые общественно полезным трудом, — тунеядцы, которые в основном пьют, бродят по улицам, слоняются по подъездам. С ними ведут борьбу и милиция, и комсомольские оперативные отряды, и народные дружины. И все. А надо, чтобы Мишкам Журавлям противостояли самые широкие круги общественности. — вот тогда у хулиганов действительно будет гореть земля под ногами.

П. ФИЛАТОВА, пенсионер, участница Великой Отечественной войны, Уфа

Зло, предвещенное в образе Мишки Журавля, не родилось само по себе, это продукт человеческого безразличия, душевной черствости, безответственности родителей за судьбы их детей. Оборвалась жизнь замечательного человека. Комсомольцы, все наше поколение гордятся такими людьми.

Но давайте задумаемся, почему Мишка совершил свое преступление? И прежде всего: кто «воспитал» его преступником?

Семейные ссоры, драки, пьянство родителей не проходят бесследно для детей. Однако случается, и люди, окружающие подобные семьи, относятся к происходящему довольно равнодушно. Вот в этом равнодушии я вижу корень зла. Необходимо решительнее вести борьбу с такой антисоциальной формулой жизни, как «моя хата с краю — ничего не знаю». Нам, советским людям, до всего есть дело, и мы в ответе за все.

Р. КУРЫЛЕВ, студент МЭИ, Москва

Мне 50 лет. С первого года нашей совместной жизни муж пьет. Уговаривала его, делала все, что могла, ничего не помогало. Ответ был один: пью и буду пить, а не нравится — уходи. Уйти я нигде не могла, все думала: детям отец нужен. Хоть какой-то, но отец. Ошибалась, но поняла это слишком поздно. Мой сын совершил преступление и отправился в колонию. Жизнь остановилась для меня. Но я все чаще задумываюсь: почему дети должны расплачиваться за ошибки родителей? Ведь это я не смогла воспитать сына добрым, честным, порядочным человеком, и, значит, срок нужно дать мне, а не ему...

Письмо без подписи

У меня растет сын, и я, как мать, хочу, чтобы он вырос похожим на прекрасного человека Федора Новикова. В нашей жизни больше добра, чем зла, и потому хороших людей и дел будет всегда больше. Пусть знают об этом Мишки Журавля!

Лиза ПАВЛОВА, 24 года, Ангарск

Законы для хулиганов у нас слишком гуманные. Помню, когда я еще пацаном был, в нашем районе «верховодил» Валерка Назаров по прозвищу Сифон, отсидевший два года в колонии. Знаете, чем он ребят агитировал, когда подбивал их обокрасть ларек, вынуть у пьяного деньги, избить кого-нибудь? Колонией! Да, да, колонией! «Ну, — говорил он, — попадетесь, так вы же несовершеннолетние. Посадят в колонию, а там сейчас учеба в обязательном порядке, потом — работа в цехах, причем не как в школе — палочки-считалочки стругать, а настоящая. Можно профессию токаря, фрезеровщика, сварщика получить. Два раза в неделю — кино, в красном уголке — телевизор, даже артисты бывают». Не знаю, может, в чем-то Сифон и приврал, но то, что он получил в колонии профессию токаря и окончил восемь классов, — факт.

Вот и выходит: пока мы будем разбираться в психологических нюансах преступления, из-за таких, как Михаил, будут погибать Федоры. Слишком уж легко расплачиваются преступники за свои деяния...

А. ШАРЫГИН, Донецкая обл.

Михаил убил не просто человека, но отца двоих детей, мужа, любимого, опору семьи. Понятно, семью не оставят, ей помогут, но ведь как это страшно — детям и жене жить только воспоминаниями об отце и муже! За что им все это?! Если бы Федор погиб, спасая горящий автобус с людьми или при схватке на границе, было бы больно, но ясно: смерть его была оправдана. Горькая, но светлая

смерть. А эта? Ведь и Михаилу она не нужна! Не принесла она ему ничего, кроме еще большей пустоты. Убив Федора, он убил не только его, но и самого себя.

Супруги М. и Н. КУЛИКОВЫ, г. Ломоносов

Место отца Михаила — тоже на скамье подсудимых. Ибо он «примером» всей своей жизни — пьяной, беспутной, бесполезной — способствовал преступлению, которое совершил его сын. Значит, он соучастник преступления, и его надо судить вместе с Михаилом.

Е. В. МАМОНОВ, г. Владимир

А вот мнения тех, кто на читательском суде не торопится вынести свой приговор Михаилу, а по мере возможности пытается разобраться в мотивах совершенного им преступления.

Как-то довелось мне беседовать с детдомовской воспитанницей. Я спросила ее, как она попала в детский дом. То, что я услышала, поразило меня. Спокойным голосом девочка ответила: «Очень просто. Папа убил маму, и его посадили». Заметив мое изумление, вызванное к тому же равнодушным тоном сказанного, она добавила: «А ты думала, в детдоме только «брошенные»? У моей подружки мать, отца и брата судили за кражу. У другой — не одна, а две матери, но первую лишили материнства, а вторая, та, которая удочерила девочку, и не думает забирать ее из детдома. У одного нашего мальчишки отец — пьяница, избил человека, осужден, а мать умерла, когда сын был еще маленьким».

Вы скажете: Михаил Журавль не детдомовский, у него другая судьба. Но не лучше ли ребенку быть настоящим сиротой, чем сиротой при живых родителях? А ведь именно таким оказался Михаил. Полностью защищать его я не могу — он взрослый человек и должен отдавать отчет в своих действиях. Но, с другой стороны, как открыть человеку настоящий мир, с хорошими, добрыми, трудолюбивыми людьми, если он воспитывался в атмосфере пьянства, скандалов и драк? И здесь виноваты не только родители. Была ли директор школы хоть раз у Михаила дома, разобралась ли, откуда в нем жестокость, садизм? Мне кажется, дети — зеркало не только своих родителей, но всех окружающих людей, даже прохожих. И мы должны активнее вмешиваться в жизнь подростков, особенно тех, у кого она трудна и сложна. После школы я работала пионервожатой и старалась сделать все, чтобы ребята стали настоящими людьми. Скажу честно: два раза у меня уже были пусть маленькие, но победы. Первый раз, когда добилась того, что двоечник, хулиган исправился и стал нормальным школьником. Второй — когда упрямая, грубая девочка сумела понять, как отвратительно ее поведение. Мне кажется, каждый из нас должен лично сделать что-то полезное для других, а не просто абстрактно размышлять о добре и нравственности.

Валя КОРОЛЕВА, г. Дмитров

Я думаю, наша печать должна учить молодежь стратегии и тактике борьбы со злом. Злу должна противостоять сила, а не просто наши добрые, умные рассуждения. Федор не встал на путь борьбы со злом, и случилась трагедия...

Б. И. КУЗЬМИН, Ташкент

Если человек перешел на сторону зла, значит, добро, которое окружало его, было слабо. Значит, человека окружали слабые люди, которые так и не помогли ему...

С. КЛИТИН, Таллин

Сейчас мы часто ругаем подростков. Они, мол, «трудные», черствые, жестокие. Но ведь и мы, взрослые, тоже виноваты в жестокости подростков. Из Михаила, я уверена, не получился бы такой жестокий человек, если бы люди в свое время не отвернулись от него. Ну, допустим, все отвернулись. Но почему от него отвернулась даже его подруга? Вот уж кто первым должен был вытащить Мишку из неупутной жизни, поддержать в трудную минуту. Но ни Томка, ни комсомольцы, приставленные к Мишке, никто не смог стать ему другом. Вот Федор мог бы быть для Михаила другом, настоящим другом, только... если бы они встретились немного раньше. Потому что Федор не был равнодушным человеком.

Оглянитесь вокруг, люди! Посмотрите, может, кому-нибудь нужна ваша помощь?!

**Людмила Л.,
Красноярский край**

Посмотрите на судьбу Мишки внимательно — он всю жизнь был один. Один со своим скептицизмом, пренебрежением ко всему прекрасному, с неверием в любовь, в человечность, благородство. Если даже любовь не сделала его лучше, сможет ли потрясение от смерти Федора изменить его загубившую душу? Поздно. Никому никогда он не был нужен по-настоящему. А человек, воспитанный равнодушием окружающих, постепенно становится не человеком.

**Л. ОДИНЦОВА,
Павлодар**

Я не верю, что есть люди, которых невозможно исправить. По-моему, каким бы черствым ни был человек, все равно в нем остается что-то человеческое. В Михаиле накопилась обида на жизнь, и эта обида выплеснулась так нелепо, грубо, жестоко — оборвалась чужая прекрасная жизнь. И все-таки мне жаль Михаила, потому что в том, что он стал таким жестоким, больше виноваты обстоя-

тельства его жизни, чем собственный его характер. Мне хотелось бы верить, что Михаил сам разберется во всем случившемся, поймет свою вину перед окружающими — пусть даже очень жестокой ценой.

**Л. ЮНУСОВА,
Салехард**

В свое время я сам был подвергнут наказанию, отбывал срок в местах «не столь отдаленных», после освобождения вернулся к родным, устроился на хорошую работу, женился и живу счастливо. Однако часто задумываюсь над своим прошлым, и мне становится больно за потерянные годы.

Очень важен для преступника суд собственной совести... Мишка понесет заслуженное наказание, но ведь жизнь Федора уже не вернуть, не увидит больше и дети своего отца. Каков бы ни был приговор, предлагаю, чтобы Михаил ежемесячно выплачивал 50 процентов своей заработной платы на воспитание детей Федора вплоть до их совершеннолетия. Совесть его всегда будет беспокойна, потому что он будет вечно помнить, что именно он сделал этих детей сиротами...

**Н. КИСЛОВСКИЙ,
Ташкент**

Как нет двух одинаковых деревьев, так нет и двух одинаковых людей. Михаил относится к сравнительно немногочисленной группе людей, которые в детстве видели мало чуткости, добра, но много жестокости, зла. Отсутствие воли, недоразвитость мыслей (наследственность), злоба и зависть к окружающим характеризуют их. Отсюда и потребительское отношение к жизни. Такая жизнь часто приводит к преступлению. С другой стороны, погиб Федор — смелый, прекрасный человек. Общество потеряло сразу двух своих членов. Именно в этом должен разобраться суд.

**В. ГРИГОРЬЕВ,
Узбекская ССР**

Свои отклики на очерк «Две жизни» прислали также В. Савенков, Белгородская обл.; В. Засуха, Киевская обл.; В. П. Фролов, Донецк; Т. Бонарь, Уральская обл.; О. Я. Костюченко, Хабаровский край; Г. Леонтьева, Киев; С. Луханина, Новокузнецк; В. Ламбина, Тюмень; Р. Павлова, Челябинск; А. В. Рудина, Пенза; З. Иртекина, Саратовская обл.; О. А. Митенина, Арзамас; Л. А. Белозерова, Ярославль; Н. З. Чунина, Кемерово; Ф. Ш. Галилетдинова, Нижнекамск; М. Г. Клокова, Киргизская ССР; Р. Варди-кян, Тбилиси; С. Беликова, Семипалатинск; Г. И. Докшина, Архангельская обл.; М. Силкина, Астрахань; Т. С. Шерман, Барнаул; Р. И. Алчанова, Жданов; В. М. Панченко, Кривой Рог; Л. В. Спивак, Винница; Л. А. Васильева, Волгоградская обл.; семья Максимовых, Измаил; И. М. Корсаков, Славянск; Б. А. Исмаилов, Чимкентская обл.; А. А. Дёнскин, Армавир; Р. Русянова, Улан-Удэ; О. Г. Поте-хин, Свердловск; Л. Е. Аутухова, Енакиево; Д. Симанов, Смоленская обл.; В. И. Солоха, Норильск; Н. Кавеев, Казань; В. В. Афонин, Архангельская обл.; М. Н. Клименко, г. Ипатов; В. И. Скиба, Киев; М. Белозерцев, Курган; В. Пасниченко, Ровно; Б. А. Тибилов, Ленинград; В. В. Хотенко, Усть-Каменогорск; В. А. Крутько, Рязань; Ю. Н. Федоров, Ленинград; Н. С. Гюрджиянц, Ташкент; В. П. Гардин, Петрозаводск; Г. И. Сковоронский, Полтава; Д. А. Михайлин, Феодосия; Л. С. Невматулина, Якутская АССР; С. С. Соколов, Томск; Д. И. Ситдикова, Казань; М. Варшавская, Кемеровская обл.; М. Т. Верходанов, Целиноградская обл.; В. М. Ортенберг, Якутск; Н. А. Живодерова, Ульяновская обл.; Г. В. Чернова, Таллин; Л. Сайпулаева, Махачкала; А. Н. Афанасьев, Кабардино-Балкарская АССР; Л. Г. Вардишвили, Тбилиси; А. И. Беляков, Находка; Е. Пешехонова, Уссурийск; В. Сусин, Сызрань; В. Магана, Москва; Л. Мацко, Ташкент; Л. Б. Ленкевич, Омск; К. Атабаев, Ашхабад; А. Ф. Сухой, Владивосток, и многие другие.

Мы благодарим всех читателей, принявших заинтересованное участие в обсуждении непростых проблем, поставленных в очерке «Две жизни».

Суд справедливо расценил содеянное М. Журавлем как умышленное убийство из хулиганских побуждений, то есть как тяжчайшее преступление, которое строго карается по закону. Михаил понес суровое и заслуженное наказание.

Прокомментировать историю, изложенную в очерке, и письма наших читателей мы попросили заместителя начальника Главного следственного управления МВД СССР, генерал-майора милиции Михаила Терентьевича Радзивилана.

ЛИЧНО ОТВЕТСТВЕН!

Михаил РАДЗИВИЛИН, заместитель начальника Главного следственного управления МВД СССР, генерал-майор милиции

Каждый, кто прочитал очерк «Две жизни», не может, естественно, не задуматься над проблемами воспитания и профилактики правонарушений подростков, а, главное, над вопросом о личной ответственности человека за свои поступки.

Серьезно и взволнованно размышляют на эту тему читатели — как взрослые, так и молодые, — отклики которых публикует журнал. Это и понятно: наше государство всемерно охраняет жизнь и здоровье своих граждан, воспитывает их в духе высоких нравственных принципов, воплощенных в моральном кодексе строителей коммунизма. И когда встречается кто-то, идущий вразрез с этими принципами, мы не можем оставаться безучастными и спокойно внимать злу.

Случилась трагедия. От руки хулигана Михаила Журавля погиб замечательный молодой человек, передовой рабочий, комсомолец, активный строитель нашего общества Федор Новиков.

В этом преступлении, как в фокусе, отразились две жизненные философии: Федора, который писал своей любимой: «И опять, в который раз в жизни, я понял, что только так нужно жить — для людей и на людях», и Михаила, не привыкшего считаться с окружающими его людьми, с интересами общества, духовно нищего, эгоистичного человека.

Конечно, Михаил совершил свое преступление не вдруг, не в результате беспричинного, внезапно возникшего у него желания убить незнакомого человека. При встрече с Федором он цедит сквозь зубы: «Смелый, да? Комсомолец, да? Мне вот таких гадов, как ты, просто убивать хочется».

Именно в этих словах, на мой взгляд, заключены истинные побудительные мотивы убийства.

Автор очерка убедительно показывает, как Михаил из трудного подростка превращается в преступника. Он не хочет учиться, не желает работать, пьянствует, хулиганит. Михаил эгоистичен и жесток. Ему чужды наши мировоззрение и мораль. На суде, например, выяснилось, что он ни разу не был в театре, не прочитал ни одной серьезной книги.

В контрасте с ним показан Федор, молодой рабочий, комсомолец, успевший за свою короткую жизнь совершить подвиг. Федор вырос, в сущности, в той же среде, что и Михаил, но стал настоящим человеком с высокими нравственными принципами. Его жизнь, как и жизнь миллионов его сверстников, проходила интересно и содержательно.

Гневно осуждая Михаила за совершенное им злодеяние, некоторые читатели задают вопрос: как могло

случиться, что среди нас вырос такой человек? Где были родители, школа, общественность? Нельзя согласиться с теми читателями, которые непомерно выпячивают отрицательную роль имевших место упущений в воспитании Михаила в семье и преуменьшают значение его личной ответственности за свои поступки. Например, Валя Королева из Дмитрова, Л. Юнсова из Салехарда, Людмила Л. из Красноярского края считают: в том, что он вырос таким жестоким и бездушным человеком, в большей степени виноваты окружающие его люди, чем он сам. Эти читатели хотят нас убедить, что Михаил всегда был одиноким, обделенным со стороны других вниманием. Тем самым они волею или неволею умаляют его вину за совершенное убийство.

Верно, что пьянствовавший отец, вероятно, оказывал сильное отрицательное влияние на сына. Но ведь у Михаила была еще и мать, которая, как выяснилось на суде, как могла, пыталась противостоять вредному воздействию отца на Михаила. Однако силы оказались слишком неравными.

Были вокруг Михаила — там, где он жил, в школе, где учился, и на заводе, куда поступил на время работать, — хорошие, честные люди, с кого он мог брать пример. Они тоже выступили на суде в качестве свидетелей и рассказывали, сколько усилий прилагали к тому, чтобы Михаил жил, как все советские люди, честно и с пользой для общества.

Из очерка мы знаем, что Михаил стоял на учете в органах милиции, что его воспитанием занимались и общественность и комсомол. «Доказали его эти районные комсомольцы, — читаем мы в очерке, — проходу от них не было ни днем, ни вечером, — то отряды дежурят, то наставники приставят. Жизнь настала как в кино: бери и перевоспитывайся». Но Михаил перевоспитываться не хотел. Методы убеждения для него оказались неэффективными. Нравственно и психологически он уже вплотную подходил к страшной черте.

Как показывают многочисленные исследования юристов, социологов, педагогов, положительные результаты в воспитании и перевоспитании подростка без применения принудительных мер могут быть достигнуты только в том случае, если со стороны такого подростка есть стремление к восприятию такого воспитания. Чем старше подросток, тем большей становится его личная ответственность за результаты воспитания.

Этот фактор учтен и в нашем законодательстве: исходя из способности несовершеннолетних отдавать

отчет в своих действиях, а также тяжести такого преступления, как убийство, уголовная ответственность за такие виды преступлений установлена уже с 14-летнего возраста, а с 16-летнего возраста ответственность наступает за все виды преступлений.

Многие читатели в своих письмах правильно указывают на целый ряд причин, которые способствуют совершению преступлений: это и пробелы воспитания в семье и школе, пьянство и туеядство, безразличие окружающих к антиобщественным проявлениям отдельных подростков и другие. Думается, что одной из главных причин, способствующих преступлению Михаила Журавля, как правильно указывает читатель В. Богданов из Липецка, стала безнаказанность Михаила за совершенные им ранее правонарушения. В. Богданов приводит случай, когда его беспричинно избил подросток, а затем скрылся. Далее он пишет: «Сегодня они остались безнаказанными, а завтра не исключено, совершат еще большую подлость. Как совершил ее Михаил. Наверняка за ним водились поначалу такие же «мелочи», которые позже привели его к убийству».

Практика борьбы с преступностью показывает, что обычно человек свой преступный путь начинает с совершения мелких правонарушений. И если ему удается избежать ответственности за свои противоправные действия, это порождает в нем «психологию безнаказанности» и приводит зачастую к совершению более тяжких преступлений.

Так было и с Михаилом. Еще задолго до совершенного убийства он часто пил, дрался, хулиганил, «устраивал гонки на ворованных мотоциклах». Если бы за эти антиобщественные действия Михаил своевременно понес заслуженное наказание, возможно, он сделал бы для себя надлежащие выводы. К сожалению, он ушел от ответственности за ранее совершенные правонарушения, в чем, бесспорно, видно явное упущение соответствующих административных органов.

В заключение хотелось бы привести одну очень правильную мысль из письма читательницы П. Филатовой из Уфы: «...Есть еще у нас молодые люди, не занятые общественно полезным трудом, туеядцы, которые в основном пьют, бродят по улицам, бездельничают по подъездам. С ними ведут борьбу милиция, комсомольские оперативные отряды и народные дружинники. И все. А надо, чтобы Мишкам Журавлям противостояли самые широкие круги общественности — вот тогда у хулиганов действительно будет гореть земля под ногами».

В ПЛАМЕНИ ЧИСТОМ И СВЕТЛОМ

РАССКАЗ



Рисунок
Геннадия
НОВОЖИЛОВА

В Калькутте на маленькой киностудии я познакомился с Раджем. Эта студия делает фильмы о простых людях для простых людей. Но вот беда — простые люди почему-то любят фильмы про богатых, а про бедных, то есть про самих себя, не жалуют. И студия, стремящаяся создать народное кино, едва сводит концы с концами.

Я так и не понял, кем является Радж на студии. Прежде всего он сценарист. Кроме того, он отыскивает годные для экранизации произведения, заказывает сценарии, помогает не слишком опытным авторам, редактирует, правит диалоги. Но это далеко не все. Радж выступает и в качестве режиссера, администратора, играет эпизодические роли, а коли надо, становится к осветительным приборам, монтирует декорации, если же в фильме оказывается опасная погоня, рассеянный, погруженный в свой мир, близорукий Радж берет в руки баранку — ведь настоящий каскадер так дорог! Раджу хочется, чтобы фильм был снят, и ради этого он станет кем угодно.

Энтузиазм Раджа приносит ему много хлопот и забот, много шишек и синяков — физических и душевных — и совсем мало денег. Он очень бедный человек. Конечно, Радж не спит на улице, как многие его сограждане. У него есть комнатуха, в кармане бренчит несколько грошей, чтобы угостить приятеля пивом, сам Радж пьет только чай, его внутренней раскаленности противопоказан алкоголь, хватает ему и на порцию рыбы с красным перченым соусом в закускойной, и на чашку риса стоя на улице, и на темные вонючие сигареты — в изумляющем количестве. Никотин почему-то щадит его большие, ровные, белые как кипень зубы. На худом лице Раджа не хватает кожи, при самой легкой улыбке кожа мгновенно оттягивается к ушам, и великолепные зубы его обнажаются в опасноватом оскале. Ему трудно упрятать их назад под тонкие губы, людоедская улыбка подолгу гостит на лице этого добрейшего человека. У Раджа блестящие, словно набриолиненные, волосы, черные и тоже блестящие глаза, сухая смуглая кожа, он высок, костляв, длинные руки далеко высовываются из рукавов чесучового пиджака, некогда белого, а сейчас расцвеченного всеми красками жизни своего беспокойного хозяина: здесь земля и песок, зелень

травы, радужные разводы смазочных масел, чернильные пятна, ржа перченого соуса, глубоко въевшийся пепел сигарет, также расцвечены и узкие, национально-ногоу' кроя, штаны, ниспадающие на разношенные сандалеты, из которых доверчиво и трогательно торчат изящные пальцы с удлинненными ногтями. Если б Радж хоть сколько-то следил за собой, за одеждой, выражением лица, жестами, он был бы хоть куда. Но и в своем не слишком презентабельном образе, к тому же осложненном легкой сумасшедшиной, проглядывающей в затяжных улыбках, ломаных странных жестах, лицевых тиках, внезапных приступах рассеянности, он привлекал к себе внимание женщин, что его ничуть не занимало. У Раджа была подружка, такая же чокнутая, как и он, но только не на кино, а на живописи (Радж называл ее мрачноватые видения «индийским неореализмом»). Она то и дело возникала на нашем пути: в павильоне, в кино, в кафе, на базаре, просто в уличном потоке возле такси, безразличная к чудовищному движению, как священная корова, но отнюдь не столь защищенная, и так же внезапно исчезала, не обменявшись с Раджем и двумя словами. Казалось, ей нужно лишь убедиться, что Радж еще существует, да ему показать, что она тоже жива. Я, не улавливая ни мига ее появления, ни мига исчезновения, не мог понять, как высчитывала она наше местонахождение, и меня это нервировало, но Радж оставался невозмутим.

Он заставил меня посмотреть несколько фильмов, сделанных на его студии, один из них про сельского таксиста мне определенно понравился, остальные показались скучноватыми при всей добротности замыслов.

— Вот видишь — и тебе скучно! — Радж в отчаянии ударил себя по костлявым коленям. — Но ведь это настоящая жизнь. Неужели тебе нравится слащавая галимаття, которой кормит зрителя коммерческое кино?

Я сказал, что совсем не нравится. Но чем объяснить громадный успех этих фильмов у индийских зрителей? Ведь их должны раздражать, оскорблять дворцы, сусальная роскошь, белые лимузины, подобострастные слуги, томные красавицы и поющие молодые люди — наследники богатых отцов, весь этот бредовый пир во время чумы, который выдается за современную индийскую действительность.

— Да что ты! — вскричал Радж. — Не только не раздражает и не оскорбляет, а чарует, манит, кружит голову. Бедняки отказывают себе в лепешке и чашке риса, чтобы пойти в кино и погрузиться в сладостный сон наяву. Никто не завидует, не возмущается, и никто не соотносит эти видения с жизнью. Обездоленные, лишенные крова, пищи, одежды люди погружаются в дивную сказку. Этот уже не уличный попрошайка, а наследник миллионера, которого похитили в детстве бродяги, а та — не посудомойка, а возлюбленная младшего Капура, горбатый карлик — не рыночный шут, он — живущий во дворце прокурор, наделенный прозорливостью и властью бога Вишну. Больные, калечные, нищие, изломанные жизнью чувствуют себя героями, красавцами, богачами, победителями, и это дает силу толкать дальше свою тачку. Отними у них сказку, что останется?..

Я сказал Раджу, что удивлен и несколько подавлен этим гимном воинствующей пошлости. Радж болезненно поморщился. Высокие души часто обделены чувством юмора.

— Ты меня не понял. Я ненавижу коммерческое кино, но сознаю его силу. Все филиппики в его адрес ничего не стоят. Зрелище можно побить только другим зрелищем, лучшим. Вот мы и пытаемся это сделать. И сделаем, можешь не сомневаться. Ведь коммерческое кино при всей своей очевидной глупости вовсе не безвредно. Это усыпляющее, расслабляющее, деморализующее...

— Демобилизующее, — подсказал я, потому что всегда любил перечисления, недаром же «Гаргантюа и Патагрюэль» с детства моя настольная книга.

— Совершенно верно: демобилизующее, затуманивающее мозги и душу, лишающее воли к борьбе, уводящее из действительного мира в обманный чертог псевдоискусства — своего рода наркотик. Так же разрушающий личность, как опиум, хотя несколько медленней. А мы хотим создать кино, которое будило бы, тревожило, заставляло вглядываться в себя самого и окружающее, рождало бы в людях неведомые им силы. Мы не собираемся ни развлекать, ни радовать зрителей, пусть они мучаются, страдают, тоскуют, плачут...

— Но не скажут, — вставил я.

— Да, — чуть упавшим голосом согласился Радж, — скука — это смерть. Но как же не просто ее избежать, когда говоришь о серьезном! В фильме о таксисте это удалось. На него ходили, и студия поправила свои дела. Может быть, причина в том, что он не до конца серьезен? Как ты думаешь? Фильм грустный, как грустна наша жизнь, но герой улыбается даже в самые тяжелые минуты, он не верит в окончательность зла. Наверное, это и привлекает. Людям нужен хоть крошечный просвет, хоть лучик надежды. Кинокоммерсанты все мажут золотом, а мы — серой краской печали. В этом наша ошибка. И потом — мы снимаем очень дешевые фильмы. А сейчас время дорогого кино. Даже фильм о бедняках должен дорого стоить, ты понимаешь меня? Совершенная достоверность в кино достигается путем затрат. А мы стараемся снимать подешевле. Зрителя не проведешь. Дешевое зрелище унижает зрителей, особенно таких требовательных, как бедняки. Коммерсантам не откажешь в знании человеческой психологии...

...Я вспомнил об этом разговоре через неделю в Бомбее, когда перед поездкой на остров Элефант, где находится знаменитый храм Шивы, заглянул в Приморский отель попить кофе. Вызывающая пышность громадного караван-сарая показала мне странно знакомой. А потом я увидел надписи над высокими резными раззолоченными дверями, выходящими в широкий сумеречный коридор: «Золотой зал», «Серебряный зал», «Алмазный зал». Поочередно заглянув во все эти залы, я узнал интерьеры душераздирающих мелодрам «из жизни» индийских судей, врачей, инженеров, перед которыми, если верить бомбейским фильмам, ассирийские цари и американские миллиардеры — оборвыши. Конечно же, нужны сильные средства, чтобы вытянуть из цепкой ручонки маленькой нищенки последний грош. Золотые, серебряные, алмазные покои воюют с плотью бедняка, с его урчащим от голода желудком, с его сбитыми в кровь босыми ногами, тоскующими по мягким чувякам, с его заматыми на асфальте ребрами, мечтающими о подстилке, с его небом, алчущим сладкого холодка мороженого, и неизменно побеждают. Вместо горсти риса, чувяка, тряпки, стаканчика с ядовито-красной благодатью бедняк получает полтора часа золотой, серебряной, алмазной грезы. Радж и его друзья хотят отнять у бедных людей их игрушку, короткую нирванну, чтобы всегда бодрствовало, томилось, искало поступка сознание, чтобы старая, отнюдь не волшебная сказка о безволии нации не обернулась бэльзо.

На Элефант мы плыли на стареньком колесном катере, настолько перегруженном туристами, что спицы лишь пахали воду, но не рождали движения. Если смотреть с палубы вниз, то вода вроде бы обтекала дряхлый облупившийся корпус, но берег за кормой не отдалялся, а поросший высокими, тонкими пальмами островок впереди не становился ближе.

Я задремал, не теряя ощущения катера со всем его мощно озвученным старческим бессилием, с ненужно хлопотливой жизнью пассажиров, а когда меня растолкали, сперва отозвался гусиной кожей на прохладную тень, а затем лишь обнаружил прямо по носу ее источник — зеленое двухолмие, разделенное узкой долиной, — Элефант, Слоновый остров. Катер не прибавил хода, спицы колес с той же яростной тщетой взбивали воду, а долгий путь остался позади, похоже, я проспал чудо, сотворить которое мог только могучий джинн.

Мангровая растительность покрывала изножие холмов до песчаной, с намывами грязи береговой кромки. У деревянных сходней толпились туристы, возвращающиеся на большую землю.

До этого мой рассказ шел от «я», сейчас появится «мы». Это «мы» — маленькая киноделегация, состоявшая из двух известных актрис и двух куда менее известных сценаристов. Поскольку спрос на нас в индийской кинодержаве был велик, мы часто действовали поврозь, а потом вновь соединялись для какого-нибудь важного мероприятия или развлекательной поездки, на что не скупилась наша тороватые хозяйка. Вот и сюда мы приплыли всей четверкой.

На берегу нас поджидала статная, ярко и уверенно красивая женщина лет под сорок, в розовом сари и серебряных туфельках, ее унизанные кольцами пальцы придерживали на груди края долгого бледно-сиреневого платка, накинутаго на плечи. Небольшая аристократическая голова, горделиво сидевшая на высокой, необыкновенно стройной шее, и подчеркнутая прямизна стана придавали ей обескураживающую величественность. Мы смутились и слегка пали духом, узнав, что эта торжественная женщина прикомандирована к нам гидом на весь день. Нам бы чего-нибудь попроще. Несоответствие значительного облика скромной профессии неизбежно толкает мысль ко всяким печальным догадкам. Прекрасная женщина чутко уловила наше смущение и сочла нужным сообщить, что она не профессиональный гид, а преподаватель и администратор балетной

школы, где учится ее дочь, и сотрудница отдела искусств в одном из бомбейских журналов, кроме того, связана с кинокомпанией, построившей новую студию на окраине Бомбея, где нас ждут сегодня к вечеру. И хотя все сказанное ею звучало более чем скромно, мы догадывались, что получить такого жоака — немалая честь. Тревога была снята, но некоторый налет загадочности остался.

Вслед за гидом мы стали подниматься по очень крутой и высокой лестнице, ведущей к пещерам, где находилось святилище Шивы. В обгон нас дочерна пропеченные носильщики в набедренных повязках возносили наверх в открытых портшезах состоятельных туристов, не желавших утруждать себя подъемом. Я провозжал их завистливым взглядом. Как ни тош был мой кошелек, на портшез хватило бы. Но не хотелось распыляться в своей немощи перед богиней, притворившейся гидом. И, чувствуя сердце у самого горла, я карабкался по крутой лестнице, закрыв глаза, чтобы не видеть бесконечных, уходящих в перспективу ступеней. А достигнув вершины и не умерев, возблагодарил небо и собственное упорство. Громадные скульптуры, высеченные с дивным искусством в каменных пещерах, о которых так сладко поет Индийский гость, ошеломили, смяли и вознесли душу, и на какое-то время я стал видеть в нашей прекрасной спутнице только гида, обратив к ней не жадный взор, а правое, еще слышащее ухо.

Раннее средневековье создало этот храм, запечатлевший превращения загадочного Шивы, чья страстная и трогательная любовь к дочери Гималая, застенчивой, пленительной, пугливой, порой кокетливо-капризной Парвати, придает грозному многорукому богу неожиданную человечность. Хотя в пещерах есть изображение триликого Шивы — разрушителя, создателя, охранителя, — первый и главный образ неистового бога в остальных скульптурах не воплощен, так же, как и страшный, зловецкий образ жены Шивы, когда она — Дурга, кровожадная, мстительная, отвратительная ведьма. Бог и богиня представлены здесь, по терминологии нашего гида, в «благожелательном аспекте».

Поразительный символ — Шива как Натараджа, король танцев. Неистовым танцем Шива раскручивает Вселенную. Скульптура сильно пострадала от времени: отбиты по колени ноги, обе правые руки — по локоть, одна из левых — до кисти, но это лишь усиливает ощущение бешеного вихревого движения, подобно той смазанности, что бывает на фотографиях, изображающих народные пляски. Невозмутимо погруженное в свою тайну лицо танцора с сомкнутыми веками.

История Шивы не просто чувственна, как и все легенды древней Индии, она пронизана безудержным эротизмом. Этот бог, чьим самым распространенным символом является каменная лигма, не мог остаться внешней силой в отношении женского начала, должен был узнать его изнутри, заключив в собственную суть. Шива как Арджанаришвара — это полумужчина-полуженщина: справа он Шива — воин, слева — полногрудая Парвати. Так узнал Шива высшую чувственность — двойное вождение к самому себе.

Наша прекрасная и стыдливый гидесса, рассказавшая легенду с благородной простотой и сдержанностью, мягким, серьезным взглядом положила предел нашей любознательности. Но индуизм так тесно повязан с необузданной эротикой, что суровой матроне все же трудно было сохранить свинцовую невозмутимость. Защитная оболочка плавилась на глазах. Стараясь спасти ее, гидесса налегла на цифровые данные: глубина пещер, высота скульптур, параметры постаментов...

Но и сквозь сухую цифирь пробивалась чувственность древних, этих далеких предков гидессы, наделивших небожителей सदогонами своей неумолимой плоти. И она на глазах становилась земным воплощением Парвати: нежность и строгость, сознание долга и напор сильной жизни, напрягающий плоть, цветение глаз, и рта, и волнующейся под сари груди. Лишь громадная внутренняя дисциплина позволяла ей сохранять расстояние между собой и окружающими. И было в этом что-то странно печальное.

— Не на меня надо смотреть, а на скульптуры, — тихо сказала женщина, когда мы переходили из одной пещеры в другую. — Это чудо неповторимо.

— Ваше — тоже, — сказал я.

Ответ напрашивался сам собой, и можно было пропустить его мимо ушей, но ей зачем-то понадобилась гримаса оскорбленного достоинства: профиль натянулся, и в сужившихся по-кошачьи зрачках расплосилось мое отражение.

...Вернувшись на большую землю, мы отправились на двух машинах — у гидессы был свой маленький «фиат» — через весь дивный, сверкающий, сияющий, пальмовый, цветочный, фонтанный Бомбей к знаменитым «висячим садам».

К нашему разочарованию, оказалось, что висячие сады вовсе не висят как некогда, а прочно стоят на земле, и под ними находится городское водохранилище. Не знаю почему, я ожидал увидеть что-то вроде экзотическое и таинственное — густой, влажный, душно-благоуханный рай, а попал в индийский Сан-Суси — в расщепленное, строго организованное в чопорном французском стиле парковое пространство. Вдоль прямых посыпанных красным песком дорожек выстроились кусты, превращенные искусством садовников-скульпторов в фигуры зверей: слона, буйвола, тигра, дикой свиньи, тапира. На круглых клумбах и длинных грядках цветут огненно-красные цветы, высоченные ухоженные пальмы держат небосвод на своих сильных кронах. И странным контрастом в левом углу парка поднимаются темные бетонные здания без окон, над которыми кружат грифы на широких неподвижных крыльях. Птицы парят очень высоко, порой вовсе исчезают в блистании неба, затем вновь обнаруживаются лезвистым прорезом в лазурном тугом шелке. И человек уж так устроен: когда слишком много красоты вокруг, он тянется к уродливому. Среди диких зверей, огненных цветов, стройных пальм нас больше всего заинтересовали бетонные, тюремного обличья здания.

— Это башни молчания, — своим глубоким, спокойным голосом сказала гидесса. — Вы, наверное, слышали о них?

Мы и впрямь что-то слышали, но ни один из нас не мог вспомнить, что именно.

— Вы что-нибудь знаете о зороастризме, или парсизме, проще — об огнепоклонниках?

Вроде бы что-то знали, но, убей бог, не вспомнил.

— Пойдемте туда, по дороге я расскажу вам об этой религии.

И она рассказывала. Подавленные индуизмом, мы не были настроены на восприятие нового головоломного способа самосохранения несчастнейшего из всех творений природы — человека, которому лишь одному дано знать, что он смертен. Нас поразило обряд исхода огнепоклонников. Впрочем, возможно, что так принято лишь в парсизме, индийском варианте зороастризма. Огнепоклонники считают, что все остающееся от человека после смерти должно служить

Владислав ЯНЕЛИС.
Фото Альберта ЛЕХМУСА.
Специальные
корреспонденты «Смены»

Мы шли по своей земле. По самому ее краю. Еще не дойдя до того места, где китайская пограничная вышка подступает к дороге почти вплотную, заметили направленные на нас из черного квадрата окна окуляры приборов, отсвечивающих на солнце двумя полыхающими точками. Какое-то время мы шли, не поднимая глаз к вышке, приходилось смотреть на дорогу: она была очень скользкой да еще взбиралась наверх. А когда мы посмотрели в ту сторону, на вышке, облокотившись локтями на барьер, уже стояли два китайских пограничника. Расстояние между нами все сокращалось, и скоро мы могли разглядеть друг друга без оптики. Среднего роста, коренастые, с непроницаемыми, словно окаменевшими лицами. Они были одеты в короткие зеленые куртки, такие же штаны и кепи. Мы рассмотрели даже красные звезды на их головных уборах, звезды, чей революционный цвет был предан пекинскими заправилами.

Я-«ПУТНИК» ПРИЦЕЛ...

В ОХРАНЕ ГРАНИЦЫ
ВОИНАМ ПОМОГАЮТ
УМНЫЕ ПРИБОРЫ.



УМЕТЬ РАЗОБРАТЬ И СОБРАТЬ АВТОМАТ ВОИН ОБЯЗАН В СЧИТАННЫЕ СЕКУНДЫ.

Потом один из китайских пограничников ненадолго скрылся в будке и появился на площадке уже с автоматом. Он положил его на барьер и навел на нас. Второй что-то закричал, коверкая русские слова, и ткнул кулаком в нашу сторону.

Клацнул передергиваемый затвор. И следом — вопль, ударивший в затылок: «Бах, ба-бах». Те двое на вышке смеялись, и дуло плясало и дергалось в такт смеху.

Это был только один из провокационных эпизодов. Мы видели совсем свежие окопы и ходы сообщений, пулеметные гнезда и наблюдательные пункты, оборудованные недавно. Их строят обычно по ночам, и настолько близко к

нашей границе, что слышно, как лопаты и заступы врезаются в землю.

Не очень давно офицер погранвойск КНР избил китайского мальчика только за то, что он осмелился слишком близко подойти к границе и попросить у наших бойцов, дежуривших на вышке, хлеба. Офицер бил его на глазах китайских крестьян, и те молчали. Боялись.

Нам рассказывали на заставе, как однажды загорелся тростник (пожары в этих местах нередки), загорелся на склоне сопки, по гребню которой проходит линия границы. В огне был южный склон, уже чистый от снега, тогда как на северном снег еще лежал. Для китайских крестьян, делающих из тростника циновки, перегородки и множество ве-



щей домашнего обихода, пожар, разразившийся с каждой минутой, был подлинной катастрофой. Они бросились тушить его. Но вода была далеко, а снег, который мог бы ее заменить, — в нескольких метрах, но уже на территории другого государства. Две пожилые китайские женщины подбежали к нашей вышке и жестами попросили советских пограничников бросить им снега. Этим женщинам часто видели на склоне срезающими тростник, и, когда поблизости не было китайских пограничников, они приветливо улыбались и махали руками нашим бойцам.

Позвонив на заставу, воины спустились вниз и принялись за дело. Снег перебрасывали через КСП пожарными лопатками. Пламя постепенно отступало. Но вскоре появились китайские военные и прогнали крестьян, предоставив огню выжечь тростник едва ли не на всем склоне.

Если есть факты необъяснимые, не поддающиеся никакой логике, то это

что спокойствие его вовсе не напускное, а исходит от уверенности в собственных силах и правоте. Так же думают на заставе все — от начальника до недавно прибывших новичков. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в трехстах метрах от границы весело играют дети начальника заставы капитана Политыкина и его заместителя капитана Слепцова, что вообще продолжается нормальная жизнь со всеми, понятными каждому человеческими радостями, проблемами и заботами. А в трехстах метрах отсюда китайские военные, обучаясь приемам штыкового боя, прокалывают чучело, одетое в форму советского солдата.

Впрочем, спокойствие и самоуверенность — далеко не одно и то же. Застава — это всегда выдвинутый вперед форпост, первая линия обороны. Здесь, в непосредственной близости от черты, разделяющей порой не просто страны, но и само понимание добра и правды, человеческого счастья и его будущего,

граница спрашивает с каждого своего часового по самому высокому и строгому счету. Спрашивает как с солдата, как с гражданина. Ежедневно, ежедневно. Поэтому так напряжены пограничные будни, так мало в них мгновений, когда можно забыть об огромной ответственности, возложенной на тебя страной. Поэтому так часты здесь учебные поиски и тревоги.

...К исходу ночи, с которой, по сути, начался тот день, опять потянул хунчун. Так называют в здешних местах крутой, резкий, холодный ветер, прилетающий с севера из-за горбатов синих сопок. Постоянство, с которым хунчун взметывается в это время года над степью и пологими склонами невысоких гор песчаную пыль, сухой лист и желтую палую траву, сродни постоянству курьерского поезда, прибывающего на станцию всегда в одно и то же время. И тогда под его тяжелым, долгим дыханием до земли гнется тугий камыш, охают и трещат ветви коротких мускулистых дубов, жалобно кричит вспугнутая болотная и озерная дичь. В такие часы старожилы и те предпочитают отсиживаться дома, зная коварный нрав хунчуна, способного свалить с ног неосторожного человека, измотав его силы, выстудив холодом.

Пограничные же наряды с той же неуколебательной точностью во времени «становятся под приказ» и уходят в ночь. Так же, как вчера, как год назад, как уйдут завтра. Этот порядок незыблем, и изменить его природа не в силах. Разве что чуть больше времени понадобится пограничникам на то, чтобы пройти привычный маршрут, и чуть короче будет интервал между бойцами на тропе: мало ли какая неожиданность может произойти в такую ночь, как эта.

Вместе с заместителем начальника заставы по политчасти капитаном Николаем Ивановичем Слепцовым мы провожаем наряды до ворот заставы и стоим на ветру, придерживаясь за железные прутья руками до тех пор, пока отблеск последнего фонаря не пропадает за поворотом.

— В такие ночи кажется: если б мог, в каждый дозор сам с ними ходил. Все-таки легче было бы, а то, как капитанская жена, сиди дома и переживай.

Еще не успев привыкнуть к дальневосточному времени, мы заснули только под утро прямо в кабинете, на жестком, как его называют, «тревожном», диване, потому что толком отдохнуть на нем еще никому не доводилось. В десять утра в окна ударило щедрое, полыхающее во все небо солнце. Ничто уже не напоминало о неистовом разгуле ночного ветра, казалось, что тишина и покой навечно укутали коричневые, уходящие в синеву горизонта сопки, нежно-желтые заросли тростника, устилающего их

склоны, золотым венцом окаймляющие озеро Хасан.

Как-то на встрече с нынешними часовыми границы полковник в отставке Петр Федорович Терешкин сказал, вспоминая о событиях, происшедших здесь в июле — августе 1938 года: «Тогда эта крохотная частичка советской территории олицетворяла для нас всю необъятную страну нашу, и каждый камень на Заозерной, каждая горсть земли на ней были для нас несказанно дороги, дороже, чем собственные жизни». Петр Терешкин, бывший тогда начальником заставы, 29 июля 1938 года возглавил оборону высоты Заозерной. До последней возможности он и его товарищи сдерживали натиск десятикратно превосходящих сил японских самураев. Изнаненные, ослабевшие от потери крови, с пустыми патронташами, оставив на склоне сопки несколько сот сраженных врагов, пограничники покинули позиции только после приказа командования. За свой подвиг Терешкин и еще четверо героев Хасана были удостоены звания Героя Советского Союза. Первыми среди пограничников. Застава сейчас носит имя Петра Терешкина.

Мы поднимались на Заозерную, лазали по осыпавшимся старым окопам, пулеметным гнездам и воронкам. Там и сейчас можно отыскать почерневшие осколки, изъеденные ржавчиной ружейные гильзы, обрывки телефонного кабеля и погнутые пуговицы. Боевые реликвии хранятся в музее заставы, который понемногу пополняется. Каждое поколение воинов оставляет рядом с вещественными доказательствами мужества героев Хасана свидетельства своей пограничной доблести. В нескольких метрах от старых окопов на Заозерной начинается территория соседнего государства. Всего несколько шагов — и Китай.

Днем на заставе тихо. Здесь вообще тихо, исключая мгновения, когда сигнал тревоги срывает людей со своих мест и наполняет заставу грохотом сапог, лязгом оружия, резкими, как хлопки, командами.

...Это произошло в 18.06. Время в таких случаях всегда фиксируется абсолютно точно — не только потому, что отсчет его потом уже идет на секунды: это поможет в дальнейшем при разборе поиска проанализировать действия всех подразделений и служб. На связи был Михаил Романов, несколько медлительный и очень уравновешенный в обычное время, он все еще не мог привыкнуть за уже немалый срок службы к этому, самому тревожному пограничному сигналу.

— Товарищ капитан!

Политыкин, научившийся по одному только стуку в дверь определять характер доклада, быстро спросил:

— Какой?

— Девятый правый.

Включая сигнал зуммера, поднимав-



один из них. Но все это уже отголоски, побочные явления той самой истерии, которую усердно раздувают в Пекине. Именно оттуда миллионам китайцев внушают, что каждый по ту сторону границы — враг и любые контакты с ним — политическое преступление.

Впрочем, не любые. Допустимы, больше того, поощряются угрозы в адрес «врагов», ругательства, провокации. Поэтому почти всякий раз, встречая на границе советских воинов, китайские пограничники наводят на них оружие, выкрикивают бессвязные, лишённые всякого смысла фразы на ломаном русском языке. Пограничники заставы имени П. Ф. Терешкина рассказали об одной из таких встреч. Вскинув оружие, китайские военные с искажёнными лицами закричали: «Колеса, бежать на базу». Вероятно, в любое русское слово они вкладывают ругательный смысл. Только потому, что оно русское. И так, что кричать — неважно, важно, чтобы это выглядело угрожающе. Так им велят. Велят уже много лет, залугивая мнимой советской угрозой, сбивая в военизированные, отравленные шовинистической ложью массы.

В интересах кучки оголтелых ревизионистов вытравить из памяти своего народа все, что напоминало бы о временах, когда между нашими странами существовали добрососедские отношения. Все чувства к Советскому Союзу в людях пытаются заменить ненавистью.

На вопрос, как реагируют на провокационные выпады китайских пограничников наши воины, сержант Андрей Нечитайлов ответил:

— Никак. Делаем свое дело, и все. Их выходы рассчитаны на слабонервных. По тому, как он это произнес, я понял,

СЛЕД УХОДИЛ К ОЗЕРУ.



ПРЕСЛЕДОВАНИЕ.

ПРЕДВЕСТИИКИ...

«В дымчато-синих сумерках дремала лазоревая степь, на круговинах отцветающего чеборца последнюю за день взятку брали пчелы. Ковыль, белообрый и напыщенный, надменно качал султанскими метелками. Овечья отара двигалась под гору к Тополевке. Дед Захар, опираясь на чокучку, шел молча. По дороге, на заботливо расшитом полотнище пыли, виднелись следы: один — волчий, шаг в шаг, редкий и разлапистый, другой — косыми полосами кромсавший дорогу — след топовского трактора.

Там, где летник вливается в заросший подорожником позабытый Гетьманский шлях, следы расстались. Волчий свернул в сторону, в яры, залохматевшие зеленой непролазью бурьяна и терновика, а на дороге остался один след, пахнувший керосиновой гарью, размеренный и грузный». Так, по-своему знаменуя утверждение на Дону нового, отступление звериного, старого в яры, в чащу, откуда нет хода к людям, заканчивается рассказ М. А. Шолохова «Лазоревая степь».

Невиданная по размаху, жесткая социальная схватка втянула в смертельную битву миллионы людей. Гражданская война... Война между гражданами одного государства, одного Отечества — жесточайшая классовая война.

Революция взломала иерархию старого мира, и из глубин общества к свету, творчеству, созданию вышли миллионы непонятных старому миру людей, утверждавших свое право не только на существование, но на свободу, равенство и братство, когда-то провозглашенные и забытые буржуазией. Отстаивая это право, новый мир казался жестоким для тех, кто лишился привилегий и богатств. И старый мир цеплялся за все, что было в прошлом в его руках: за землю, за власть, за души людские. И его слабеющая когтистая лапа оставляла глубокий кровавый след по стране.

На Дону, как и по всей России, белая и красная власть схлестнулись насмерть. Сюда не только накатывались и отходили валы революции, здесь в каждом городе, станице, хуторе ежедневно вспыхивали классовые бои. Гражданская война проходила через классы, семьи, сердца. Уйдя в яры и закоулки, старый мир тешил себя надеждой на приход англичан, французов, немцев, на всеобщее восстание против «ненавистной красной заразы».

Тяготно. Хотя еще немало лет стреляли на Дону, бродили бандитские шайки, забивали рот зерном и землей сельским активистам, но это уже была агония уходящего. И в такое трудное, пропахшее порохом и залитое кровью время родился и набирал силу великий писатель, человек, подаривший миру «Тихий Дон», — Михаил Шолохов.

Гражданская война прервала его учебу. «С 1922 г., — пишет он, — служил и мыкался по донской земле. Долго был подработником. Гонялся за бандами, властвовавшими на Дону до 1922 г., и банды гонялись за нами. Все шло как положено. Приходилось бывать в разных переплетах, но за нынешними днями все это забывается. Пишу с 1923 г., с этого же года печатаюсь в комсомольских газетах и журналах. Первую книжку издал в 1925 г. С 1926 г. пишу «Тихий Дон».

Так в гуще жизни, при становлении Советской власти, среди героев будущих книг жил «как положено» в те 20-е годы Михаил Шолохов. В этих просторах, в проинспекторских делах, в учительстве, в делопроизводстве в станице Каргинской уже отсеивал в память писательский талант будущие образы и слова, конфликты и видения для своих творений. Перебивая в этом процессе почти не было. Уже в 1923 году появляется первый его рассказ и фельетон в комсомольской газете. А через два года выходит сборник «Донские рассказы», автор которых уже работает над «Тихим Доном».

Критик П. Палиевский, анализируя художественный мир Шолохова, пишет, что он как никто в мировой литературе «допускает нажим на человека». Общая атмосфера жизни и ее давление у Шолохова приняты намного суровее, чем у других классиков. «Именно принятая, а не с ужасом, отвращением или злорадством отражена».

Шолоховский «нажим» проступает со всей видимостью в «Донских рассказах». Горит пламя борьбы на тихом Дону, гибнут люди, создаются новые связи, более прочные, чем казавшиеся незыблемыми вековые семейные узы. Красные для многих станичников «вторглись в казачий исконный быт врагами, жизнь дедову, обычную, вывернули навизанку, как порошний карман» («Чужая кровь»). Но уже пробивались и утверждались, крепки новые чувства. С обидой горькой, «как польнь в цветут», живет старик Гаврила. Кажется, все рухнуло, «ломала скотина бэзы, гнили строила раскрытого бурей катуха».



Ясно стало, что не вернется сын, погиб, отступая с воинством Деникина возле Новороссийска. И тонкая нить от спасенного и выхоженного подражателя пробуждает отцовское чувство к большевику-рабочему, скрепляет с новой жизнью даже стариков, находившихся, по существу, в прошлом.

Еще мечется между старым и новым Анна, увидев человечность и смысл в коллективе. Нравится ей там и дома у Арсения — нового ее мужа, председателя этого кооператива. Но не сразу рвется связь и с вернувшимся из врангелевской эмиграции ее первым мужем Никандром. Возвращается она к нему с «коммунальным семейством». Быстро пережив в старой семье «пугливую радость», потаенными слезами отметила «жалость по привольному житью в коллективе» и уже не могла остаться в том доме, где господствовал старый дух насилия и жестокости, «где баба не человек». Неизбежен ее уход в коллектив, поэтому-то Арсений с тихой лаской укорял и, как бы извиняясь, что не предпринял решительного шага, сказал:

«Я потому и не шел к тебе... знал, что ты вернешься в коллектив, и вернешься скоро».

Совесть приводит Степку в ряды комсомольцев (рассказ «Червоточина»). Она мучает его, когда он видит несправедливость отца, его жадность и злобу. Их пути все больше расходятся, «откололась от него семья». И чувствует он, что нет «в сердце у него ни прежней кровной любви, ни жалости к этому беспощадному дёру — человеку, который зовется его отцом». Гибнет Степка при своей святой вере во всеобщее счастье. «Под сердце бей», — кричит ослепленный звериной злобой и ненавистью отец. Под то, уже не родное сердце, где родилась новая любовь и новая неистребимая вера.

Свирепым назвал шолоховский реализм один из зарубежных критиков. Да, реализм его на первый взгляд жесток и прямолинеен. Он не приукрашивает события романтикой, не набрасывает на них флер интеллигентского терзания, не подкашивает героя лучшим выходом — он видит жизнь такой, какая она есть, человека в его истинном измерении.

«Создается впечатление, что перед нами род какой-то особой трезвости, не той трезвости, которая без мечты — цинизм, но трезвости в мечте, порыве и полноте сил. Новый шаг мужества, способности взглянуть правде

в лицо и выдержать встречный взгляд» (П. Палиевский «Пути реализма»).

Да, уже в шолоховских «Донских рассказах» жизнь существует на самой своей последней грани и нередко уходит за нее. Логика классовой борьбы жестока, а битва за новое разводила по разные стороны баррикад родственников, взламывала семьи, не щадила родственных чувств.

Так, в схватке гибнет от руки белогвардейца-отца командир эскадрона Николка («Родника»), убивает предвзвешенную конноармейский отряд женщину — мать своего сына — красную казачку Яков Шибалок («Шибалково семья»), расстреливает брата и отца, перешедших к большевикам, хорунжий войска донского Михаил Крамсков («Коловерть»), утверждает смертельный приговор своему отцу продкомиссар Бодягин («Продкомиссар»), поразил свою возлюбленную в злобой мести дезертир Васюка («Кривая стежка»).

Распадалась старая семья, рушились вековые устои, отступал хищник и эксплуататор, породивший эту схватку. Но шла навстречу новая жизнь и новая общность. И новая власть рождала новых людей.

Батраку Федору после измывательства кулака Захара Денисовича рабочий-машинист советует:

«Жарь к комсомольцам. Там в обиду не дадут. Там твоя кровная родня. Такие же голыки, как и мы с тобой».

И верно, босые ребята устроили судьбу Федора, оградив от кулацкого лихоимства и эксплуатации, призвав на помощь непривычный своей справедливостью для батрака советский суд и закон.

После встречи с комсомольцами «Федор шел, не чувствуя усталости. Бесконечно родными и близкими казались ему эти грубые на вид, загорелые ребята». «Кровной родней» становятся пробудившиеся к жизни тысячи молодых, объединенных святой целью революции, мирового коммунизма, напористых и убежденных ребят-комсомольцев. С добрым и сердечным чувством относится М. А. Шолохов к ним, потому что близки они ему по возрасту, духу и времени. И поэтому, наверное, и пришел он с первыми своими рассказами в комсомольские издания, где все было ему понятно и близко, где был он сверстником и соратником: в «Юношескую правду», журнал «Смена», «Журнал крестьянской молодежи», журнал «Комсомолец».

Правда, сам Михаил Александрович комсомольцем не был.

«Рано повзрослел: продкомиссар — это «взрослая» должность... Потом уже вступил в партию», — рассказывал он в 1965 году перед открытием Ростовской областной комсомольской конференции. Делегатам конференции он направил многозначительную, полную любви и требовательности телеграмму: «Мы — старшее поколение коммунистов — крепко любим вас и потому, что видим в вас нашу милую, но уже ушедшую боевую революционную молодость».

В те, теперь уже далекие, двадцатые вся наша страна переживала эту революционную молодость.

Разрушались остатки старого мира, возводились первые социалистические предприятия, создавались новые отношения братства и солидарности, пробивалась к народу, крепла и давала первые плоды литература, литература, рожденная революцией. И в ней свое достойное место заняли «Донские рассказы» — входящего в творческую силу писателя. В книге «Пути искания» доцента Горьковского университета Н. Фортунатова анализируется ранний период творчества Шолохова (подзаголовок главы «М. Шолохов на пути к своим романам»). Сопоставляя ранние рассказы с «Тихим Доном», автор исследует однородный образный материал в них, имеющий в каждом случае иные качества, который становится частью новой эстетической системы. И в этом смысле критик справедливо отмечает: «Работа Шолохова над рассказами действительно была школой мастерства для начинающего автора; но это, однако, такие первые опыты, в которых не только угадывается художественный гений автора «Тихого Дона», но и даются совершеннейшие образцы законченной, тщательно отшлифованной формы, в самих особенностях которой мы узнаем, чувствуем руку оригинальнейшего самобытного художника».

Сегодня для вступающих в мир литературы «Донские рассказы» — источник богатейших жизненных впечатлений, образец высочайшего художественного мастерства, воплощения глубоких идей и умения овладеть вниманием читателя, ибо в них совсем юный писатель уже явил тот могучий талант, который вершинно проявится в эпопею «Тихого Дона», «Поднятой целине», в романе «Они сражались за Родину».

Жемчужины отечественной культуры

Алексей НИКОЛАЕВ.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
Специальные корреспонденты «Смены»

Экспозицию этого музея можно уподобить геологическому разрезу пластов русской истории, и стоит только коснуться воображением музейного экспоната — история населяется живыми людьми, события обретают стереоскопичность. Резной наличник деревянного дворца с замысловатым и наивным узором зовет за собой образ безымянного посадского мужичка-резчика; перо и чернильница хранят тепло торопливо писавшей руки приказного; бердыш стрельца кажется занесенным в смертоносном взмахе; кажется, не оборвался еще резкий свист, провожающий ядро, и не развеялся по ветру желтоватый пороховой дым над вытянутым стволом старинного литья пушки; от тяжелых венцов сруба крепостной башни тнет смолистым запахом и звенит топор круглоплечего плотника в потемневшей от пота посконной рубахе; слюдяное решетчатое оконце помнит дыхание пугливой, тайком выглядывающей во двор царицы; белый каменный столп как бы возносится к облакам, провожаемый синим взглядом глаз своего строителя-чудодея... Так — через музей — выходим мы на пути давней и живой нашей истории.



Вечный источник вдохновения.

Едва минуло время младенчества, загудела Русская земля под копытами нашествий. Злобно, жестоко, как дикого коня, усмиряли ордынцы Русь — в узду, в седло, под ханский сапог!

С батыевых тех времен, из самого пекла истории идет начало и селу Коломенскому, а имя его то ли теряется в легендах, то ли отыскивается в них...

Коломну ордынцы Батяга осадили летом 1237 года. Город выжгли до пепла, жителей перебили, стар и млад, а кому выпало уцелеть от кривой вражеской сабли, кинулись к реке и малым числом ушли от погони. Днем — месяц целый — хоронились в прибрежных лесах, ночью выводили из тальников челны и, в кровь сбивая руки, гребли — шли вверх по Москве-реке. Стали на холмистом берегу, верстах в десяти от Кремля, тут и срубили жилище.

Верна ли легенда — теперь гадать. Но так ли, иначе, только, как опаленный осколок средневековой трагедии, брошено было на подмосковную землю новоявленное поселение и в горькую память наречено пришельцами Коломенским. Но хоть и просторна земля под русским небом и тесниться на ней нужды издавна не велось, не долго, однако, пожить досталось коломенским мужикам в покойном одиночестве. Высокое место, в вековых лесах, с покосами и заливыми дугами на заречной стороне приглянулось скоро московским великим князьям, отойдя в наследную их собственность.

В документах впервые упомянуто Коломенское под 1339 годом — в духовной Ивана Калиты. Пре-



восходя предков и многих потомков своих даром дипломатическим, иными статьями был им князь равен, и потому не волею одного лишь случая оказалось Коломенское в пределах великокняжеской вотчины. Были тому причины, по тем временам понятные: хозяйская сметка, первым московским правителям свойственная, охотничья страсть, сильная и неизбывная у русских князей, как родовой инстинкт, да и не последним делом расчет государственный — военный. Грех было миновать близ стольного города обильных зверем и дичью угодий, а к ратному делу нуждой приученный, не мог князь не оценить и стратегического положения Коломенского на ближних к Москве подступах.

С тех пор ни одна другая подмосковная достопамятность не сплела так круто исторической своей участи с судьбою Москвы, как Коломенское. Вплоть до начала XVIII века, четыре столетия истории Древней Руси едва ли не в главных своих потоках протекали через небольшое сельцо на правом берегу Москвы-реки. Иные потоки с кровавым были румянцем.

Уже и отгорело на Русской земле иноземное иго, а смириться с утерей власти не могли южные ее соседи: как кость поперек горла стала им хлебнувшая свободы Московская Русь. Жестоко битые и после Куликовской сечи, не хотели забыть они веками накопленной Ордынской дороги. В последней ярости кидались под стены Москвы и снова кровью и огнем адели те года в русских летописях. Не миновал кровавого пламени и год 1532-й.

Спавив посады Рязани, двинулся Сафа Гирей к Москве знакомой дорогой, спешил налететь вихрем. Но как ни торопился хан, а впереди — тропами лесными, скрытными — еще скорее скакали, загоняя лошадей, к великому князю в Москву гонцы. Встречать крымцев в Коломенское вышел Василий III не с хлебом-солью — с полками. И ударились, сшиблись насмерть две рати в великой сечи... Много голов полегло в подмосковных густых травах, только не по зубам вышел ордынцам на этот раз орешек — отбили Москву.

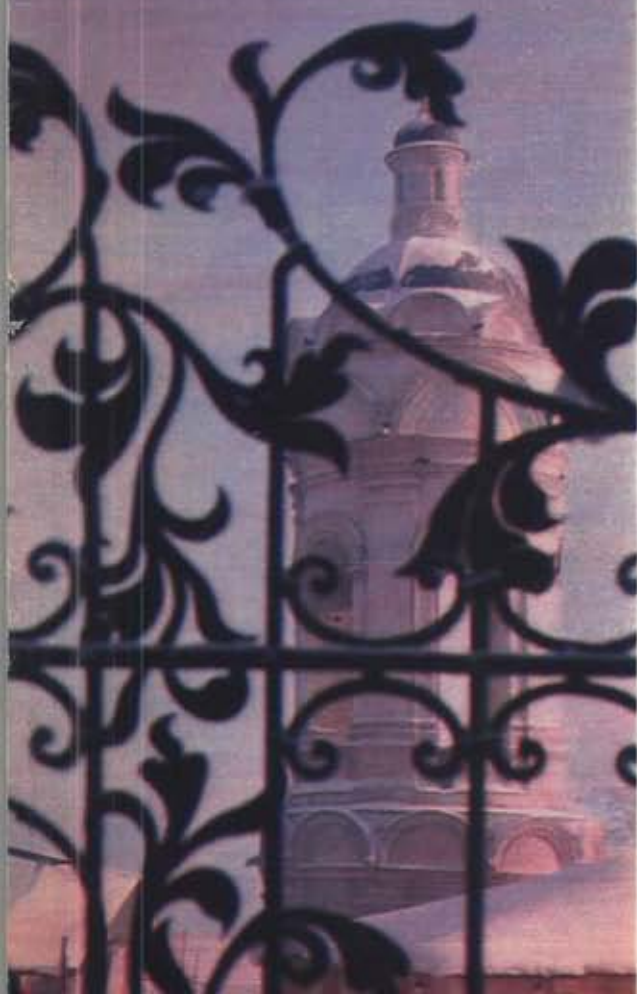
Событие это донесла до нас летопись под 1532 годом. Но в свидетельствах летописцев о тяжелых временах Древней Руси поражает нас не одна только ратная стойкость народа. Стоит глубже вникнуть в историю, а за событиями разглядеть русского человека во плоти и духе его, чтобы еще более поразиться тому, как смог этот народ не исчерпать в битвах, сохранить могучею художественно-творческую свою силу и явить ее в создании памятников такой высоты взлета человеческого гения, которые у иного народа являться могли





«Ничто меня так не поразило в жизни, как памятник древнерусского зодчества в селе Коломенском... Тут предо мной предстала красота целого. Во мне все дрогнуло. Это была таинственная тишина. Гармония красоты законченных форм. Я видел какой-то новый вид архитектуры. Я видел стремление ввысь, и я долго стоял ошеломленный».

Гектор БЕРЛИОЗ



лишь в эпохи великого национального возрождения!

Под тем же 1532 годом оставила летопись свидетельство о создании в Коломенском храма Вознесения, события, как видно, значительном настолько, что оно заставило летописца воскликнуть: «Бе же та церковь вельми чудна высотой и красотой и светлостью, яко не бывало прежде сего в Руси!»

Но дело не в том только, что вот уже четыре столетия ни одна, даже самая краткая, история искусств не минует этой жемчужины русского зодчества. Подумать следует о другом. Случайно ли, что памятник искусства, отмеченный в главных своих особенностях чертами полной раскованности, ликующей силы, свободного полета человеческого духа, создан в годы страшных национальных бедствий.

Чудо? Загадка истории? Возможно. Однако если верно называют архитектуру каменной летописью мира, а каждый великий памятник есть отголосок своего времени, то храм в Коломенском и в этом ряду должен будет занять особое место, ибо представляет собой нечто более значительное, чем свидетельство о времени.

Но не стоит ли поискать объяснение историческому этому феномену не столько в возможных отклонениях от культурно-традиционных закономерностей, искусство в разные времена свойственных, сколько в нравственно-психологическом строе самой природы русского человека? На такие размышления наводит сравнение Коломенского храма с Успенским собором Московского Кремля, созданным полстолетием раньше, в пору первых решающих побед Руси, когда народ наш только начинал чувствовать свою силу.

Мощь этой силы поражает в облике Успенского собора. Но сила эта не столько видна, сколько предугадывается; она как бы вобрана внутрь стен, скована ими и твердо вросла в землю, оставаясь хотя и могучей, но неподвижной. Чувствуется, что сила эта ждет своего часа, чтобы прийти в движение, а пока исполин спит...

Архитектурный образ Успенского собора в полной мере выражает идею именно этого этапа русской истории и вместе с тем — присущую этому этапу нравственную степень духа народа. Даже некоторая зависимость архитектуры собора от византийских традиций еще больше подчеркивает его место в русской истории, как, впрочем, и эстетические представления, свойственные русскому человеку в эту пору его истории. И, называя архитектуру «каменной летописью мира», в данном случае вполне можно доверять ее «показаниям».

Но если Успенский собор Кремля можно срав-

нить со спящим исполином, храм в Коломенском нужно уподобить исполину пробудившемуся. Час настал — сила скованная пришла в движение. И это не метущаяся стихия, а сила, устремленная к цели.

Что же произошло в истории народа, в духовном его росте за полстолетие, разделяющее даты создания двух шедевров русского зодчества? Да, были победы над извечным врагом Руси, но это были, если можно сказать, этапы борьбы скорее количественные (для полного национального освобождения еще не наступил час), хотя и не за горами, но впереди были Казанский и Астраханский походы. Однако и в этих победах народ ощутил свою силу настолько, что мог предчувствовать будущее...

И вот в этот момент нашей истории произошло в русском искусстве то, что нужно будет назвать чудом, не боясь при этом преувеличения. Именно чудом объяснить можно, что, опередив события истории, создан был на Русской земле памятник, всем обликом своим как бы прозревший будущее. Воплощенная в камне полная раскованность устремленной ввысь могучей и ликующей силы опередила идею времени, тогда еще не свершившуюся, но едва подымавшуюся от самых глубинных корней национального самосознания.

С точки зрения чистой архитектуры это был полный разрыв с византийской традицией крестовокупольного храма. В Коломенском был создан первый каменный шатровый храм-монумент, предвосхитивший и начавший новый этап русской национальной архитектуры будущего столетия. Не менее, пожалуй, поразительно и, хочу подчеркнуть,



Взглянуть на прошлое можно сегодня и с высоты птичьего полета.

символично, что, смело порвав с зависимостью, обусловленной неумолимыми историческими обстоятельствами, строитель Коломенского храма не ломал шапки перед заслуженным авторитетом архитектуры Запада, но обратился к традициям деревянного зодчества домонгольской Руси, к тем временам свободы, когда древние наши горододеицы возводили из дерева могучие восьмигранные шатровые башни, связывавшиеся в сознании народа с образом Родины, с духовной ее и военной мощью.

И уж так судила история, что созданием Коломенского храма перекинут был мост из Руси изначальной, вольной, через годы безвременья — в будущее.

Так ли, иначе, но коломенское чудо, воплотившее с поразительной силой идею национальной свободы, опередило события нашей истории, ибо пришлось еще Московской Руси хлебнуть лиха страшного от извечного врага. Да и своя грызла Русь беда...

Всегда выходило так в истории народов, что сплеталось добро со злом и под одним годом означались события полярные. Не миновало такое соседство и русской истории. По преданию, воздвигнут был знаменитый Коломенский храм в честь рождения наследника престола, будущего царя Ивана Грозного. «Не к ночи будь помянут», как сказано Пушкиным, оставил Грозный кровавый след своего царствования и в истории Коломенского...

3 декабря 1565 года увидел москвичи «необычный подъем» царя. Выехал из Иверских ворот Кремля санный поезд, потянулся через посады и слободы на Ордынскую дорогу. За ратниками ехали сани с царем, царицею и царевичами, а еще — вели-

СЕРДЦЕБИЕННЫЕ ДНЯ

Голоса

Все сильнее остужая мой пульс,
на дыбы поднимая потемки,
на больших сквозняках мое тело в морозе каля,
хлынул в уши внезапно,
вдавился в мои перепонки
голос выюги, вонзенной в молодые снега декабря.
Голоса окликают меня,
голоса отшумевшего лета,
сквозь удушье земли выполз шепот глубинных корней.
Голоса разрывают меня,
кувыркаются звуки нелепо —
белый голос земли,
черный голос замерзших камней.
Окликает меня
лес, просветами веток расцеляясь,
голоса, голоса пеленают
в текучий, рассыпчатый шелк.
Словно наглухо я замурован
и в шепот, и в шорох, и в шелест,
в соловьиные трели, в пересвисты дроздов, перещелк.
И наполнено сердце,
назвучено яркими звуками мира,
состоит моя память и нежность из теплых,
земных голосов.

В них лиловые отзвуки вдоха,
в них — тучи, шуршащие сыро,
с черным эхом обвалов слитый грохот и гул поездов.

— Я тебя остудил. Я недвижим,
как память твоя!..

(Это камень!)

— Хочешь, все замети, все забудешь ты? (Это метель.)

— Ты еще не устал? Отдышись,—

слышу голос заботливый мамин.

— Я тебя разбужу! — под окном мне трезвонит капель.

Голоса окликают меня,
то горниста труба, а то встрепы
листьев, брошенных в заметь,
отошедших людей голоса.
Голосами давно заросли
моей памяти горькие тропы,
хоть еще по пролетью вслед за тишь струится роса...



Вот звонким своим копытом ударил в закат скакун,
и он, дребезжа, разбился
на сорок зеленых лун.
Качаются эти луны, как по ветру зеленя,
и звезды рассыпаны в небе, как будто осколки дня.
И я гляжу неотрывно в стылую эту слепь,
и Млечный Путь вымерзает,
словно под выюгой степь.

Я снова вживаюсь в ветер, в округлую его дрожь,
и я на себя вызываю ту песню, что помнит дрозд,
и я на себя вызываю память живых корней,
навстречу тебе выбегаю
я из ушедших дней.
Я выношу навстречу, я в горле своем несу
несказанную на свете, безвестную даль — грозу.
Гляди, вон какие луны стекают сквозь ночь с высот,
и гаснет звезда былого, что жгла мне давно висок.
И жду я, устав от скачки,
ударившись о небосвод,
что сердце прошедшей юности в небе звездой взойдет,
и я гляжу неотрывно в стылую эту слепь,
где Млечный Путь вымерзает,
словно под выюгой степь...



Сквозь облака, сквозь молодой снежок
день проступает новый, как ожог.
И от походки торопливой дня
с деревьев иней сыплется, звеня.
Я чувствую, горя в крутом огне,—
его черты оттиснутся во мне.
Ищу я в нем свои черты, свой лик —
то — маска,
то — гримаса,
то — двойник.
Все радости и горести земли —
все стали мною,
все в меня вросли.
Когда-нибудь, души разрушив склеп,
в свои пределы я вступлю, в свой след —
и даль в душе
прорежется, как боль,
и все же страшно стать самим собой.



Окраина года

Засыпана ветром окраина года,
и шелест завел боры наугад,
настояна в хвое,
прогоркла погода,
и настезь распахнут в поля листопад.
Синь
льется безудержно в эти прорубы,
и, сердцем своим холода преступив,
к тебе я тяну воспаленные губы,
как будто согрел их протяжный мотив.
И чтобы назвучиться гулом стоустым,
распевом взмятанным, хочу я опять —
прижаться к морозу
застуженным пульсом
и дрожью своей дрожь пурги перенять.
Меня обступило разлук захоластье —
не зря ж ты прошла по окраине сна
неслышно и зыбко,
как в пересьоле грусти
по листьям умолкшим бредет тишина...

И все же я рад,
что осыпались грозы,
в овраги стекла, в глухомань сушняка,
качаются, как снегириные гнезда,
забывшись меж веток косых, облака.
Затем,
чтобы мог я вломиться упруго
в окраину года, о прошлом забыв,
мне сердце настроила стылая выюга
на песню
и бросила в заметь, в прорыв.
Когда же минует последняя вежа,
замечу — январь раскален добела,
что вновь по окраине сердца, как эхо,
во всем отразившись,
ты звонко прошла.
Прошла без ожога, и нету исхода:
расставшись с теплом, ожидаю тепла.
Засыпало снегом окраину года —
меж тишь и эхом
живу без тебя.



То сомненья, то боль —
разорву ли я замкнутый круг,
если ввергнут тобой
в непокорное рабство разлук.
Все, как призрачный дым,
все отныне не вижу в упор,—
под наркозом твоим
не очнусь я никак до сих пор.

кое множество возков с пожитками царскими, со всем царевым обиходом, с древними реликвиями да и с казной государственной в придачу. По всему не похоже было, что ехал царь, как бывало, на богомолье, хотя и держал поезд путь в Коломенское. Вопль прошел по Москве: «Бросил нас батюшка-царь! Кто теперь будет нами государить!» И невдогад было народу, что горевать-то пристало об ином.

Три недели оставался царь в Коломенском «из-за беспутья», потому что неожиданно пала в ту зиму оттепель, а с нею началась на Руси «стужа лютая» на долгие годы. Три недели царева сидения в Коломенском кануном стали событий, для народа русского страшных, — вынашивал здесь Грозный дикий свой замысел. А как подморозило и стали дороги, кинулся царь из Коломенского на север, минуя Москву, к Александровой слободе... С недоброй той поры настала на Руси опричина. В рысьих шапках с парчовым верхом, со знаком песьей головы и метлы, пошли душегубствовать по своей земле в великом множестве «царские люди»...

Но давно сказано: одна беда не ходит! Своего лиха расхлебать не успели, ударило новое. Ударило как гром с ясного неба — весной 1571 года.

Хотя и ждали, хотя и знали москвичи, что опасен давний враг, как смертельно раненный зверь, а нагрянул Девлет Гирей неожиданно: по скрытой лесами дороге вышел к Коломенскому. Не успели там ударить в набат; известило Москву о беде зарево подпаленного Коломенского.

С высокой галереи храма шурил хан раскосые глаза на новый, после пожара отстроенный город. Яркие по-весеннему, зеленели среди Москвы рощи.

Поля с луговинами перемежались узкими, деревом мощенными улицами, с деревянными по обе стороны домами, отчего улицы были похожи на желоба без верха. Среди рощ, полей, садов, готовых к цветению, подымались над тесовыми крышами колокольни больших и малых церквей. На Яузе и Неглинной мельницы вертели колеса. По Москве-реке — без свай, на канатах и лодках — лежали на воде плавучие мосты, перекинутые от Заречья к поросшему свежзеленой травой Кремлевскому холму. Золотились между мостами на реке купола соборов, гляделись изукрашенные кровли Грановитой палаты и теремного дворца. Золото Кремля слепило хана. Отсвет пожара не мог погасить блеска чужого города в его глазах.

Из Коломенского ветер доносил до Москвы едкий запах гари и варившейся в больших котлах конины. Слышны были и звуки чужой речи и звона стремли нерасседланных лошадей.

Еще не остыло пожарище в Коломенском, кинулись крымцы к Москве с факелами.

Прогибались, тонули в воде и рвались мосты под тяжестью бежавших к Кремлю людей. Укрыться за кремлевскими стенами успели не многие.

Ударивший, на беду, ветер разметал пламя. Занялись, вспыхнули разом московские посады. Из горевших домов кидались люди в узкие улицы, сгорали заживо на бегу — как в огненных трубах. Спасения не было и в каменных церквях — от смертного жара плавилась, стекали к земле колокола.

В страшном смоляном треске через несколько часов Москва выгорела сплошь, до кремлевских стен. Обугленные, темнели над пожарищем коло-

кольни. Торчали на месте домов печи с черными трубами. Живое все разметало огнем, унесло пеплом. Хоронить было некого.

Как звери, ошалевшие от крови, метались по окраинам ордынцы, грабили церкви. Тысячами задыхались в дыму, сгорали под рухнувшими балками. ...И тогда не выдержал ада сотворивший его — с остатками рати поскакал Девлет Гирей назад, в Коломенское.

Стал на высоком холме, глянул в последний раз на Москву. Страшно светилось пламя пожара в ханском прищуре. Страшен был хан, и страшно было хану. Будто в разбое своем почувал язычник судный себе день. В ту же ночь ускакал из Коломенского в Крым.

Как ни страшен был этот набег, а скоро отстроилась Москва, взошла, как Феникс, из пепла. Последнего на Москве ордынца, хана Казу Гирей, встретили в окрестностях Коломенского через двадцать лет, но встретили так, что, не урвав и малой добычи, растеряв войско, в панике бежал он той же дорогой. В Бахчисарай въехал ночью, в простой крестьянской телеге и «со срамом великим».

Тем и закончился на Московской земле век шестнадцатый, и, казалось, пришла пора ступить истории на иные, покойные пути. Да не суждено ей было безмятежных столетий, и последний век русского средневековья ворвался в нее событиями бурными...

Отжили свой век на русском престоле Рюриковичи, взошла и разом погасла звезда Годунова, сел на Москве Василий Шуйский, боярин породы хоть и давней, да мало кому по сердцу. И немудрено — на



То моля, то кляня —
на коленях мои мятежи.
Ты изгнала меня
из моей безглагольной души.
Не взбунтарить тоской,
не откликнуться мне наугад,
а взбунтарить тобой
подневольную тягу назад.
Я без эха, я пуст
от моих неудач и потерь,
пресмыкается грусть,
боль моя
пред тобою теперь.
Принимая беду,
не пройду от тебя стороной.
Я всегда тебя жду,
даже если ты рядом со мной.



Начало звезд — скончанье дня
предзвездной грустью сердце сводит:
в потоках времени меня
все больше в прошлое отходит.
Отходит все — и явь и сон
становятся мечтой, хворобой,
и страшно мне, что усыплен
любовью я, как несвободой.
И мир, в мою вошедший грудь,
подъятый дерзко мною с ложа,
напрягая — горестно вздохнуть,
и боль на счастье так похожа.



Вдох почек слышу за версту...
А я в себе, как в колокольне,
живу и все расту, расту
и в тишь вытягиваю корни.
И стала боль моя права,
та боль,
что медленно стихала,
пока покорная листва
по веткам на землю стекала.
Тянусь я к ветке, как к веслу,
чтоб плыть,
чтоб слышать дрожь в ладони,
чтоб прошлогоднюю весну
опознавать в воскресшем звоне...

Первые капели

Стоит капельный гвалт,
обзванивая лес,
вытаскивает март,
как будто леденец.
Я в эту даль расту
и в эту сень теперь
распахнут на весну,
распахнут на капель.
Не жить мне с сердцем врозь,
вбирая свет и грусть,
здесь, где капельный воск
весь день тягуч и густ.
И звенчатую рань
и немоту свою
я, словно сердца дань,
капелям отдаю.
Неужто остужу
на них себя до дна?
Тревогой я бужу
сердцебиенье дня.



Пройдя по острию
полжизни наугад,
прошу я жизнь свою:
— Пусти меня назад,
туда, где на току
половы терпкой дым;
пусти меня в тоску,
в тоску, что нелюбим;
где жду сердечных пут,
где сам себя казнию,
где только начат путь
по солнечному дню...
Пусти меня, пока
я знаю в гонке дней —
плоть времени зыбка,
не прикоснешься к ней.
В твердь прожитых годов
в упор уперся взгляд —
вдаль бросил свой я зов:
— Верни меня назад.
В избу, где рядом спит
теленочек на полу,
тот самый, что не сыт,
пять лежинок на лбу;
в тот поезд, что увез
в разлуку, в маету...
Воспоминаний воск
течет в мою тоску.
Спокойней в гонке дней
с самим собой разлад,
и даль еще верней,
когда она — назад.
Но как себя верну
туда, всю боль забыв?
Бросаюсь в тишину,
в былое, как во взрыв...

После марта

На рассветы настроился черными гнездами лес.
Слева — утро, а справа — закат в перевес,
влево, вправо качаются суток весы,
распечатаны тесные почки теплом,
и читает торжественно

депешу весны
нагулявший басы по заказникам гром.
Расползли после марта по оврагам давно холода...
Приложу свое ухо я к ветке любой,
чтобы выслушать, как в капиллярах тугая вода
нежно дышит, как льется в них день голубой.
У меня, как сумятицей песенных слов,
перевязана звенью тугою гортань.
Снова ливень ударит

по натянутым струнам ветров,
лопнет синь — и прольется на паводки рань.
Над землею зависли галактики грузной края,
дышит медленно сонная звезда вдалеке,
Потянувшись суставами всеми,

проснувшись заря,
отославшись в тепле у меня на затекшей руке.
На окраине марта, закутанной в талость и дым,
собирается оттепель перелиться под утро в росу.
Это я окликаю простор, становясь молодым.
Выйду в чистое поле

и закутаюсь в гул и грозу.
Я закутаюсь в ливень, завернусь я в него потеплей,
я укутаю горло молодыми ветрами полей.
Даль ко мне подползет и прилипнет к глазам,
Соболиные шлейфы

метеоры протянут с высот.
И рассыплет веснушки апрель по песам,
и гроза мне неожиданною радостью

грудь пережмет.
И, закутанный ливнем, я дверь распахну и внесу
на осколки рассыпанный день и весну.
На окраине гроз наступает весны перелом,
на окраине марта нам надо
остаться вдвоем...



Рисунки Владимира Делбы

виду был «послужной список» Шуйского: исправный в молодые годы опричник Грозного, стал врагом Годунова, потом верным его слугой, предавшим его для Лжедмитрия и, наконец, изменивший последнему для скипетра и державы в нечистых своих руках. Терпела «новоцарствующего» Русь, да, видно, до поры.

Такое начало нового века не сулило Руси покойного его продолжения. Сила копилась, зрела изнутри, а поздней осенью 1606 года, сметая на пути заслоны царских войск, подошли к Москве и стали в Коломенском отряды крестьянской армии Ивана Исаевича Болотникова.

Успех стремительного этого похода, популярность восстания среди низов быстро пополнили силы болотниковцев отрядами казаков, стрельцов и «иных разрядов служилыми людьми». Примкнули к ним и крупные дворянские полки воевод Истомы Пашкова и Прокопия Ляпунова. Последним, конечно, не мог быть по душе «холоп Ивашка Болотников», но общее недовольство «новоцарствующим» скрепило на время этот союз.

Под стенами Москвы собиралась грозная сила. Иного выхода, как «сесть в осаду», у Шуйского не было. К характеристике нового правителя добавим, впрочем, что было это ему в привычку: сживал в осаде за кремлевскими стенами, обороняясь от собственного народа, и раньше; для пущей безопасности ставил пушки у ворот, разбирая мосты через ров, окружавший Кремль. Нынешняя осада была пострашнее. Болотников отрезал главные дороги, окружив Москву почти полностью. Начинаясь голод торопил события, вот-вот бунт должен был вспыхнуть изнутри. Болотников готовился к пос-

леднему сражению, и участь Шуйского, казалось, решена...

Здесь и произошло то, что неизбежно должно было случиться. Предвидя, кажется, все, искусный полководец Болотников допустил трагическую ошибку. Приняв под знамена крестьянской армии дворянские полки, не взял он в расчет выстраданной народом мудрости: господам с холопами не столкнуться. Союз оказался временным. В решающую минуту войска под началом Ляпунова и Пашкова изменили восстанию. Предательство было страшным ударом в спину.

Имея теперь преимущества явные, Шуйский двинулся на коломенский лагерь. Но и в этих условиях Болотников, человек ратный и не робкого десятка, не захотел быть в положении осажденного. Он вышел из Коломенского дать встречный бой. Говоря словами Карамзина, Болотников «сразился как лев», но силы были явно неравными — восставшие отступили в Коломенское.

Осада лагеря в Коломенском — особая страница его истории. Даже летописец, болотниковцам не симпатизирующий, должен был признать, что «острог учинен зело крепок». В самом деле, фортификационная идея Коломенской крепости Болотникова поражает предельной простотой и необычайной эффективностью. Несколько сот обозных саней Болотников поставил вокруг лагеря в три ряда — одни на другие. Все это плотно набили сеном, соломой и несколько раз облили водой. Неприступный круговой вал смерзся как камень. Несколько отчаянных попыток взять Коломенское штурмом окончились безрезультатно. Не удалось поджечь лагерь и с помощью огненных ядер — болотников-

цы гасили их сырыми яловичными шкурами. Три дня маленькая Коломенская крепость держала осаду правительственных войск. Только выведав от «языка» секрет, острог начали обстреливать особыми зажигательными снарядами («учиниша огненья ядра с некою мудростью против их коварств», — говорит современник). Острог удалось зажечь.

С небольшим отрядом ушел Болотников из Коломенского по Калужской дороге. Расправа над пленными была страшной. По приказу Шуйского захваченные болотниковцы должны были быть «посажены в воду». Страшная эта казнь заключалась в том, что пленных выводили на лед Москвы-реки, били дубинами по голове, как скот, и спускали в прорубь...

Финал «Смутного времени», оборона Москвы и разгром нашествия не минули Коломенского, а пришедшие за этими событиями Романовы сделали его главной своей резиденцией. Особо «радел» Коломенскому царь Алексей Михайлович. Были тому и причины особые.

Царское величие — категория, конечно, довольно скользкая и, как показало время, недолговечная; недаром из долгой чреды русских правителей один только Петр оставил по себе в памяти истории этот титул. Впрочем, красноречивый столь эпитет применить можно и к отцу его, с той лишь оговоркой, что был Алексей Михайлович великий... охотник. И тут, как говорится, ни убавить, ни прибавить. Да и мы миновать этого факта в нашем разговоре не можем уже потому, что царские охоты, почитавшиеся с давних веков на Руси особой доблестью, без коей многое от государя убудет, при Алексее Михайловиче сделались заботами едва ли не государ-



Богатство фантазии, изящество пропорций, поразительное чувство материала и виртуозное мастерство слились воедино в этом творении русского древодела.

ственной важности. А кроме того, царская эта потеха занимает особое место и в истории Коломенского.

В окрестностях любимой своей подмосковной, поросших дикими буреломными лесами царь Алексей зимою «тешил на зверя» — досей, оленей, волков, лисиц, в одиночку умел поднять и медведя на рогатину, но особо чтил охоту соколиную. В сохранившихся письмах Алексея Михайловича легче разглядеть охотника, чем царя: «И zelo потеха сия полевая утешает сердца печальные и забавляет веселием радостным охотников сия птичья добыча. Красносмотрителен же и радостен высокого сокола лет».

Что и говорить, знал царь толк в соколиной охоте и, скаред в ином, не жалел тут казны государственной. Мало сказать, не жалел. Мало сказать, что учреждена была для этого дела в Коломенском целая армия сокольников, пожалованных, кроме денег огромных, платьем богатым и отменными поместьями. Мало и того, что ловчих птиц везли в Москву с Севера, с великим бережением, в возках, обитых войлоком, и по зимней непременно дороге, чтобы не тряско. А вот как сказано современником: «Персидский шах те птицы принимает за великие подарки и ставит ценою рублев по 100 и по 200 и по 500 и по 1000 и больше, смотря по птице». Скажем только, что годовое жалованье дьяка составляло тогда десять рублей. И добавим: в Потешном дворе Коломенского содержалось таких птиц более трех тысяч!..

Тут, кажется, самое бы место рассказать о соколиных охотах в Коломенском, о красочном этом зрелище, обставленном с пышностью необыкновенной и европейским дворам не снившейся, но по обилию материала вынуждены предоставить это воображению читателя или отослать его к специальной о том литературе. Скажем только, что, тешась охотою в Коломенском, встречал здесь царь всякую весну и провожал лето. Разве только молитве отдавался Алексей Михайлович с такою же страстностью. За молитвой в Коломенском застали его и события 1662 года, известные в истории под именем «медного бунта».

А было так. Предпринятая перед тем финансовая реформа не удалась, привела к выпуску медных денег, принудительно ходивших по курсу серебряных. Рынок сильно вздорожал, а это, как водится, ударило по народу. Недовольство перерастало в бунт. В Москве появились на столбах и заборах «изветные листы»; в них прямо назывались «заводчики всей беде» бояре Ртищев и Милославский. Листы громкогласно читали с Лобного места.

Ранним утром 25 июля возбужденная толпа, тысяч в пять народу, двинулась с Красной площади по мостам через Замоскворечье и Калужскую заставу в Коломенское — к царю, искать управы на изменников-бояр.

В тот час Алексей Михайлович стоял, по обыкновению, обедню в храме Вознесения, когда услышал шум толпы и голоса, требовавшие принять челобитную и выдать для расправы изменников. Сметнуть нетрудно было, чем пахнет дело, и, прежде чем выйти к народу, царь велел Ртищеву и Милославскому спрятаться в хорах царицы, а тем временем звать из Семеновского стрельцкие полки. Затем, выйдя на паперть, спустился государь к толпе и «тихим обычаем» стал уговаривать воротиться в Москву, говоря, что, отслушав обедню, сам будет туда и «учинит сыск и указ». Царь лукавил, но дело сладили, и «один человек из тех людей с царем бил по рукам».

Успокоенная царским словом толпа поутихла и воротилась было в Москву, но, встреченная у

заставы другой, более возбужденной толпой с дубьем и кольями и узнав, что бояре-изменники скрываются в Коломенском, повернула с криками назад. Оттеснив стражу и подступив вплотную к царскому двору, народ грозил уже государю, говоря: «Буде он добром им тех бояр не отдаст, они учнут имать сами по своему обычаю».

Готов уже был грянуть бунт в полную силу, и неизвестно, какая карта выпала б царю, но в это время подоспели к Коломенскому два стрельцких полка и по государеву приказу кинулись на восставших, оттеснив толпу к реке.

«Осьмым чудом света» называли современники деревянный дворец в Коломенском. Судить об этом феномене отечественного зодчества дает возможность модель дворца, созданная русским мастером в прошлом веке.



Предметы повседневного быта наших предков, отмеченные печатью высокого искусства, по праву занимают сегодня место в экспозиции музея.

Скор оказался «тишайший» на расправу, и расправа была лютая. В тот же день его приказом повесили в Коломенском сто пятьдесят мужиков «устрашения ради». Остальных — а ведь их тысячи были! — наложив на лицо клеймо «Б» («бунтовщик») и бив кнутом, сослали в Казань, в Астрахань, в Сибирь...

И снова потекла в Коломенском царская жизнь подобру-поздорову, и снова тешился царь соколи-



ной охотой, но оставил по себе здесь память строительством небывалого деревянного дворца.

Сомнения нет, вошло бы в наше искусство это «осьмое чудо света» наравне с Коломенским храмом Вознесения, но — увы! — судить о нем можем мы лишь по воспоминаниям современников да по старинным гравюрам: в XVIII веке разобран был дворец за ветхостью.

И все же представить можно это чудо и по отголоскам, до нас дошедшим. Сами масштабы

Минули столетия, а творение безмянвного пушкаря заставляяет нас и сегодня помнить о героическом прошлом Родины.



Тысячи ратников — конных и пеших — выходили навстречу врагу через древние эти ворота.

дворца для деревянной архитектуры поразительны: он занимал площадь сто на восемьдесят метров, поднимая кровли на сорок — пятьдесят. Было во дворце двести семьдесят помещений и три тысячи окон. Но не магия цифр, весьма, надо сказать, красноречивых, поражает нас сегодня. Быть может, самое удивительное то, что дворец представлял собой гигантскую архитектурную импровизацию. В сложнейшем этом сооружении не было и намека на традиционную симметрию. Палаты и хоромы, светлицы и терема строились обособленно друг от друга и где бог на душу положит, и только потом фантазия строителей (а были ими «стрелецкий плотник Ивашка Михайлов да Сенька Петров — плотницкий староста») соединяла их затейливыми переходами, крыльцами, сенями, галереями, гульбищами. Яркие расписанные кровли — шатры, кубы, шлемы, луковицы, бочки, сплетаясь на фоне неба в причудливые узоры, еще более подчеркивали мотив импровизации.

Все лучшее, чего достигло на протяжении веков русское деревянное зодчество, воплотил в себе Коломенский дворец. Украшенный затейливой резьбой, позолотой, расписанный ослепительными красками, он сверкал и искрился в любую пору года и, по словам иностранного посла, посетившего Коломенское в 1670 году, был «как драгоценная игрушка, точно только что выпущая из ларца».

Вообще говоря, послам при русском дворе мы во многом обязаны подробным описанием дворца. «Осьмое чудо» так поражало воображение иностранцев, что, нарушая традицию приема посольств в Грановитой палате Кремля, построив дворец, царь назначал аудиенции в Коломенском. Впрочем, были на то и другие, интимного свойства причины.

Дело в том, что русским царицам выходить к послам не позволял строго соблюдаемый с давних пор обычай, но время шло к перемене нравов, да и поглядеть «живого посла» царицам страсть как хотелось, тем более, что посольские приемы в те

времена ставились и разыгрывались, как спектакли. Первой сподобиться этому зрелищу удалось Наталье Кирилловне, и событие оказалось, как видно, настолько значительным, что даже дату — 26 августа 1675 года — сохранила история.

В тот день принимал государь в Коломенском царское посольство. С аудиенц-залой покои царицы разделяла дверь, оказавшаяся в тот момент не плотно притворенной. Забавляясь на своей половине с маленьким сыном, царица видела всю церемонию. Дело, конечно, так бы и осталось тайной, не распахни маленький царевич дверь в залу... Царевичем, заметим однако, был будущий Петр I. Выходит, что впервые, трех лет от роду, и открыл реформатор России «окно в Европу», хотя и была это дверь Коломенского дворца!..

Позволим уж тут себе, раз к слову пришлось, и другую историческую догадку. Не с юности ли Петра пошла гулять в русском языке поговорка о коломенской версте? Ведь это отец его, Алексей Михайлович, велел поставить на Коломенской дороге верстовые столбы много длиннее обычных, и, рассказывают, тогда уже про молодого, но ростом завидного царевича говаривали втихомолку, что, дескать, вымахал тот с коломенскую версту.

Не одними, впрочем, историческими анекдотами оставил по себе Петр память в Коломенском. Здесь начал ломать он старую Русь. Первыми указами велел привозить в Коломенское не соколов тысячных — порох, свинец, ружья. С неодобрением и страхом глядели бородатые старики на странные игры юного царя, на дружбу его с иноземцами.

Не до собак, не до соколов было новому русскому царю, иная лежала на сердце забота...

И когда с Петром, по слову поэта, «померкла старая Москва», закатилась звезда Коломенского. Закатилась, чтобы снова взойти в наши дни — музеем русской истории.

В октябре 1918 года ленинским декретом памятники старины были объявлены достоянием Республики. Народ бережно охраняет сокровищницу отечественной культуры.

И нынче сюда, в Коломенское, идут люди. Идут, чтобы сердцем прикоснуться к великой истории народа, чтобы в душе своей связать воедино день прошлый, настоящий и будущий.

О временах, «когда Россия молодая, в бореньях силы напрягая мужала...», рассказывает домик Петра I, перевезенный в Коломенское из Новодвинской крепости.



МАЙСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Всем канонам вопреки

Маленькая Карина появилась на свет, имея вес... 450 граммов и длину 27 сантиметров. Считают, что ребенок, родившийся с весом меньше 600 граммов, всегда умирает. Карина первой опровергла это правило.

После реанимации девочку — «самого маленького и самого легкого новорожденного в мире» — поместили в специальный инкубатор. Началась борьба польских медиков за сохранение ее жизни. В первые сутки удалось устранить основную угрозу для жизни — неполноценное дыхание. В последующие сутки появилась новая опасность — неспособность пищевода принимать пищу. Решено было подавать пищу через каждые два с половиной часа через катетер непосредственно в желудочек, поскольку ребенок не проявлял способности сосать и глотать пищу. Начали с миллилитра материнского молока и — через определенный промежуток времени — с небольших доз пятипроцентного раствора глюкозы. Выяснилось, что Карина нормально переносит эти «кушанья».

Постепенно дозу увеличивали, что полностью покрывало потребности девочки. Наряду с кормлением периодически проводилось переливание крови.

На восьмые сутки вес девочки спал до 360 граммов. Начался кризис. Врачи приняли все необходимые меры и восстановили вес. Через каждые три дня сменялись инкубаторы. Малышку оберегали от инфекции.

На шестой месяц девочку вернули родителям. В полтора года Карина стала ходить, а два месяца спустя произносить отдельные фразы. Быстро нормализовались все функции организма. Всесторонний анализ крови показал, что состав ее опасений не вызывает. Девочка стала развиваться без каких-либо отклонений.

Случай уникальный! Польские врачи могут с полным основанием говорить о беспорном успехе. Карина уже ходит в первый класс и ничем не отличается от своих сверстников. Никому не догадаться, что в свой день рождения она была в десять раз легче их...

«ПАРАЛЕЛИ», БОЛГАРИЯ

ОЛИМПИЙСКИЙ ЛАГЕРЬ

Одна из традиций последних Олимпиад — проведение в столице игр Олимпийского молодежного лагеря, в котором юноши и девушки со всего мира получают возможность встретиться, познакомиться, обменяться впечатлениями о грандиозном празднике спорта. Такой международный лагерь будет организован и в Москве. Ожидается, что в нем примут участие 1500 представителей молодежи из многих десятков стран земного шара. Готовятся к поездке в Москву и представители молодежи ФРГ — их будет 70. В интервью представителям печати участники будущего лагеря заявили о своем осуждении попыток помешать успеху Московской Олимпиады. «Мы требуем от федерального правительства не поддаваться американскому давлению и не превращаться в вопросе об Олимпийских играх в подручного картеровской внешней полити-



ки» — говорится в заявлении, подписанном многими видными спортсменами.

Западногерманское издательство «Вельткрийт-ферлаг» выпустило мини-плакат: портрет Миши-олимпийца сопровождается подписью «Я — за Олимпиаду-80 в Москве!».

«ЭЛАН», ФРГ

Судьба старых автопокрышек

В морях и океанах человек уже долгое время пытается устроить свалку. Но, как ни странно, есть такие отходы человеческой деятельности, которые благоприятствуют жизни обитателей моря. К таким отходам относятся, в частности, автопокрышки, отслужившие свой век. На морском дне они образуют целую систему лабиринтов, щелей и укрытий, в которых находят себе пристанище рыбы и другие обитатели моря. Токсичны ли покрышки? Вероятно, да, но в очень небольшой степени, причем следует иметь в виду, что морская вода обладает дезактивирующим действием. Отмечено, что в тех местах, где в море лежат покрышки, улов рыбы обычно бывает больше. Рыбе легче находить себе там убежище.

В прибрежных водах США возникло на дне моря уже более двух тысяч подводных утесов, основу

которых составляют старые покрышки. Карл Шнайдер, сотрудник известной фирмы резиновых изделий «Гудйар», утверждает, что когда-нибудь гигантские подводные склады автопокрышек станут источником важных видов сырьевых ресурсов. Так, например, «автопокрышечный» утес из 11 миллионов покрышек может после соответствующей переработки дать 60 миллионов литров нефти, 4 миллиона килограммов стали, 10 миллионов килограммов углерода в виде сажи. Одна такая свалка автопокрышек могла бы служить в течение года источником энергии для города в 15 тысяч человек, полученная сталь может быть израсходована для изготовления 5 тысяч новых автомобилей.

«МАДЬЯР ИФЬЮШАГ», ВЕНГРИЯ

Загадка пигмеев

Легенды о дальних странах, населенных низкорослыми людьми, встречаются уже у Геродота, Плиния, Аристотеля. Гомер был первым, употребившим слово «пигмай», происходящее от названия меры длины у некоторых племен.

В эпоху великих географических открытий европейцы встретили племена людей, различавшихся и по росту и по цвету кожи. Предания о карликах перестали быть уделом сказителей, на смену им пришли антропологи и этнографы.

Кто же на самом деле пигмеи?

Речь идет о людях, проживающих в бассейне реки Конго. Их рост достигает всего 1,41 м. Для сравнения скажем, что средний рост европейцев — 1,85. Было установлено, что пигмеи — совершенно здоровые и вполне нормальные люди, причем маленький рост является типичным для них, тогда как карлики, за которых их иногда принимали, были низкорослыми по причине серьезных патологических отклонений в организме. Известны племена пигмеев бабинга, ака, эфе, батва... Каждое из них насчитывает десятки тысяч человек. Пигмеи хорошо сложены, они храбры, являются замечательными охотниками и хорошо приспособлены к условиям жизни в тропических джунглях Центральной Африки. Они создали самобытную культуру, музыкальны и еще со времен фараонов известны как отменные танцовщики.

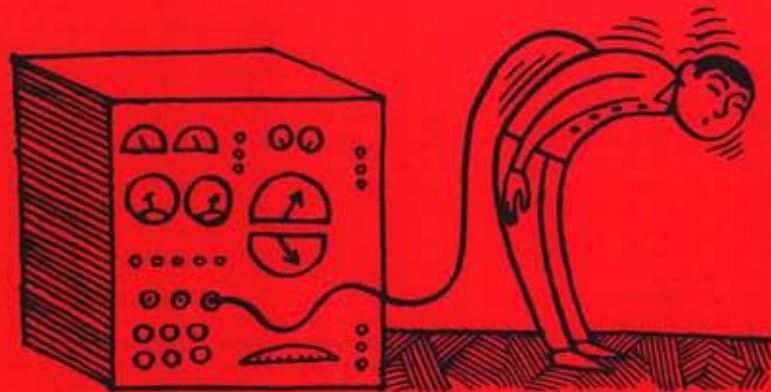
Экваториальная Африка не является единственным местом на земном шаре,

где живут пигмеи. Достаточно пересечь Индийский океан, чтобы встретить других «лиллипутов» на Малаккских островах, на Филиппинах, в Новой Гвинее.

Племена пигмеев населяют отдаленные острова, живут в тропических лесах, питаются дичью, рыбой и фруктами. Количество пигмеев Индонезии и Полинезии пока неизвестно. Возможно, их на земном шаре гораздо больше, чем принято считать. Некоторые ученые конца прошлого века, проанализировав данные об антропологии пигмеев, а также подметив их привязанность к местам труднодоступным и отдаленным, высказали идею, что пигмеи относятся к древнейшим из народностей, существующих в настоящее время. Эта идея вызвала оживленную дискуссию среди специалистов. Оппоненты утверждают, что пигмеи — относительно молодая народность. В Африке, например, ученые относят пигмеев к неолиту, а то время как негры и бушмены ведут свою родословную из палеолита.

Несмотря на множество высказанных суждений, пигмеи остаются загадкой для ученых. До настоящего времени нет достаточно веских доказательств о наличии генетических связей между африканскими и азиатскими пигмеем. Не найден ответ на вопрос: мигрировали на восток предки африканских пигмеев или же восточные и западные племена имеют различное происхождение?

«ФЛАКЭРА», РУМЫНИЯ



Поклон, еще поклон...

Технический прогресс и дух изобретательства в Японии нередко поставлены на службу стародавним традициям — к примеру, в случае с «Обитзи-рэнсюки». Так называется механическое тренировочное устройство, разработанное по заказу сети универсамов фирмы Кинтэцу в Осаке. Назначение его — приучить новичков из персонала к «углу поклона», в точном соответствии с социальной «табелью о рангах». Светящиеся кнопки позволяют выбирать между поклоном в 15, 30 и 45 градусов — именно на такой угол аппарат с помощью специально-

го приспособления наклоняет верхнюю часть туловища обучаемого. Легкий поклон адресуется коллегам, более глубокий — входящим клиентам и, наконец, самый глубокий — всея покидающим магазином покупателям или же господам с директорского этажа.

Пока «Обитзи-рэнсюки» выпускается небольшими партиями. Кинтэцу поставляет «тренажер» отелям, училищам и другим учреждениям, имеющим отношение к сфере услуг.

«ЮНТЕ ВЕЛЬТ», ГДР

ТЕМНЫЕ ДЕЛА В ХАЙДАРАБАДЕ

Умерший в 1967 году седьмой пизам (правитель) Хайдарабада считался одним из самых богатых в мире людей. По осторожным оценкам, его состояние составляло два миллиарда долларов. Одна только коллекция ювелирных изделий, которую его наследники сдали в банк на хранение, стоила 70 миллионов долларов. Многие из этих уникальных произведений искусства признаются шедеврами ювелирного дела и были в свое время собственностью древних индийских королевских родов.

Наследники пизам Хайдарабада продали некоторые сокровища иностранцам. Общественность Индии с возмущением узнала об этих темных махинациях, прозвучали многочисленные протесты против того, что из страны уходят ценности, составляющие часть куль-

турного наследия Индии. Однако сделки продолжались — с тех пор уже, разумеется, в полной секретности.

Недавно, по всей вероятности, опять была продана часть украшений Греческой судовладельца Нирархос и выступавший по поручению какого-то неизвестного шейха из Объединенных Арабских Эмиратов банкир Абдул Вахаб Гал Ахад вложили в бомбейский банк в сейфах которого хранится коллекция, около 200 миллионов рупий. Сделка, однако, не состоялась. Индийское правительство запретило распродажу.

Более чем 500 индийских феодалов были лишены политических привилегий в 1947 году, с провозглашением Индией независимости. Однако огромные ценности остались в их собственности. Большин-

ство индийских князьков, как и пизам Хайдарабада, были необыкновенно богаты. Только в начале 1972 года была принята поправка к конституции, предусматривающая, в частности, значительное сокращение их уделов. Многие из этих князьков тем не менее располагают крупными средствами, которые они, как правило, выгодно вкладывают в промышленность. И все же то один, то другой из «бывших» обвиняется в том, что сбывает драгоценности за рубеж, ибо при этом удается получить наибольшую прибыль. Многие уникальные произведения искусства могут оказаться потерянными для Индии навсегда.

«ТАЙМС ОФ ИНДИЯ»,
ИНДИЯ

ВАШ ПИСТОЛЕТ, ПОЖАЛУЙСТА...

Владельцы ресторана «Юбилейный» в Лас-Вегасе (штат Невада), известном городе игорных домов и ночных притонов, установили в холле магнитный детектор огнестрельного оружия, такой, какие обычно стоят в крупных аэропортах. Все посетители ресторана должны пройти проверку на этом детекторе. Не совсем обычная мера предосторожности вызвана тем, что штат Невада все еще остается «диким Западом», где масса людей носит при себе оружие — и иные с легкостью пускают его в ход...

«ПАРЕЙД», США



А виноват ли садовник?

В одном из парижских судов долгое время тянется процесс, по поводу которого французская пресса отпускает немало иронических замечаний.

Чтобы уразуметь причины возникновения этого курьезного дела, следует припомнить, что французы ненавидят отставать от своих соседей-англичан в любви к привычкам и традициям. Так, например, хотя денежная реформа во Франции («утяжеление» франка) была проведена уже очень давно, многие жители страны и по сей день пользуются старым масштабом денежных единиц, прекрасно помня, конечно, при этом, что старый франк ровно в сто раз «легче» нового.

Для большинства все это особых сложностей не создает. Но вот произошла история, которая связана с владельцем многих промышленных предприятий мультимиллионером Леонардом Иперти. Ему вдруг задумалось без объяснения причин уволить своего давнего служащего Леона Бати, многие годы работавшего у него садовником. В качестве отступного миллионер решил одновременно выплатить Бати семь с половиной тысяч франков (новых). Однако эту сумму на бланке чека он указал в старом масштабе цен, то есть 750 тысяч франков, полагая, что в банке разберутся. Но в банке, естественно, на совершенно законном основании выплатили бывшему садовнику 750 тысяч новых франков.

Обнаружив оплошность, миллионер тут же подал в суд, обвинив Бати в обмане и мошенническом присвоении не принадлежащих ему денег. Однако заинтересовавшийся делом известный парижский адвокат Пьер де Курвиель выступил в защиту садовника и доказал, что его клиент не совершил никакого преступления, поскольку всего лишь реализовал чек, добровольно



выписанный прежним его работодателем. Кроме того, адвокат подсчитал, что подобная сумма является вполне справедливой компенсацией за долговременную безупречную службу Бати, которому, кстати говоря, вряд ли снова удастся получить работу — ведь ему уже под шестьдесят. Помимо всего прочего, отметил адвокат, миллионер нарушил взятое ранее обязательство держать у себя на службе Леона Бати пожизненно.

Итак, процесс тянется. Мультимиллионер Леонард Иперти, не желая потерять, хотя бы кроху богатств, готовит новые аргументы против своего бывшего садовника...

«ПУЭН», ФРАНЦИЯ

СВЕТЛЯКИ-КОРМИЛЬЦЫ

Каждый вечер с 21 июня по 31 августа жители штата Миссури Берни Крейвли, его жена Нанси и трое их детей отправляются на охоту, вооруженные сачками из плотной материи. «Дичь», которую они выслеживают в окрестных дугах и рогах, — светляки. Поздно вечером изрядно уставшие «охотники» с добычей возвращаются домой. Семья Крейвли не единственная, которая сделала ловлю светляков своей профессией. — в США таких «семейных бригад» насчитывается свыше 200. Все они объединены в особый профсоюз «искателей светлячков», деятельность которого вызывает протесты у Американского общества охраны природы. Но ничего не поделаешь — светлячков ловить все же приходится, ведь на жизнь зарабатывать нужно, а какую-либо другую работу найти не так-то легко.

Для чего нужны светлячки? Их покупают химические заводы ради получения люциферина в люциферазы — вещества, используемых при производстве препаратов, которые помогают ставить диагноз раковых и иных заболеваний.

«ВЕДА А ЖИВОТ»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

РЕКОРДЫ ЛА-МАНША

За двенадцать с половиной часов преодолел пролив Ла-Манш двенадцатилетний англичанин Кейвин Андерсон. Он проплыл расстояние более чем в 21 миль, опередив при этом тринадцать взрослых пловцов, начавших с ним вместе этот марафонский заплыв.

Однако Кейвин Андерсон только один день носил титул самого молодого пловца, одолевшего «ламань». На другой день этот титул отнял у него другой юный английский пловец — Маркус Хупер, оказавшийся на три месяца моложе Кейвина. Правда, Кейвин идет вперед по времени, поскольку Маркус затратил 14 часов 37 минут на преодоление пролива.

Еще одно сообщение: Джеймс Коупсвилмен тоже переплыл Ла-Манш и тоже стал рекордсменом. Ему пятьдесят восемь лет, и он старше всех тех, кто когда-либо одолевал пролив, ширина которого в самом узком месте равна 32 километрам.

«ИНТЕРНЕЙШНЛ ГЕРАЛЬД
ТРИБЮН», США

Обзор зарубежной печати.
Материалы печатаются в изложении.





скажут, что в фехтовании в отличие от многих других видов спорта во всех крупных турнирах (скажем, на мировых чемпионатах и олимпиадах) разыгрываются комплекты медалей и в личном и в командном зачете.

Разница между тем есть, и очень существенная. В борьбе за свою индивидуальную победу нам приходится сражаться и со своими товарищами по команде, а очки идут в твою личную «копилку». В борьбе же за общую, командную награду ты, хоть и оказываешься один на один с соперником, тем не менее все время чувствуешь себя членом сплоченной дружины, ни на секунду не забываешь, что обязан добыть победные очки для «копилки» командной. Для спортсменов нашей фехтовальной школы эта, коллективная, борьба всегда носила характер более принципиальный. Так мы воспитаны.

Нас, входящих сейчас в сборную страны по сабельному фехтованию, называют обычно «друзья-соперники». Это очень точная формулировка. Владимир Назлымов, Виктор Сидяк, Михаил Бурцев — с них начинается список моих главных «конкурентов». Миша Бурцев, Витя Сидяк, Володя Назлымов — с этих имен начал бы я и перечень ближайших моих друзей. И не случайно в принятом выражении слово «друзья» стоит впереди. Да, мы соперники, но прежде всего друзья. Одна команда.

Четыре года назад я вместе со всей командой советских фехтовальщиков летел в Монреаль на свою первую Олимпиаду. В хвосте самолета болтались мешки с нашим оружием, а мы так шумели и веселились, будто встретились после долгой разлуки.

В аэропорту Шереметьево лег рубеж, оставивший за собой и предолимпийские отборочные ступени, и совместные тренировочные сборы, и волнения по поводу «возьмут — не возьмут». Летим!

За шутками все мы прятали тревогу. Добиться права стать олимпийцем — уже счастье. А победить... Недаром экс-чемпионов Олимпийских игр не бывает: этот титул — на всю жизнь. Мы знали: борьба будет до крайности напряженной. И все-таки мы летели побеждать!

К тому времени фехтовальщики СССР уже около двадцати лет подряд побеждали в общекомандном зачете на всех мировых первенствах и Олимпийских играх (вот только в Мюнхене венграм удалось нас обойти). Нам, саблистам, можно было гордиться своими предшественниками. Первое поколение — Яков Рыльский, Лев Кузнецов, Давид Тышлер и другие — в свое время отважно арубилось в стройные ряды тогдашних хозяев фехтовальных дорожек: венгров, итальянцев, поляков, французов. Эта блестящая команда сменилась другой, развившей победные традиции: высшие титулы завоевывали Умар Мавлиханов, Борис Мельников, Нугзар Асатиани, Марк Рахита...

Поначалу нашим сабельным дружинам приходилось очень трудно. Но уже на чемпионате мира в 1955 году они завоевали бронзу, Олимпийские игры 1956 года — и снова у советской команды саблистов третье место. Наверное, они смогли достичь успеха там, в Мельбурне, лишь потому, что были не собранием «звезд первой величины», а сплоченным коллективом бойцов. Как сыска

глядели на наших ребят зарубежные знаменитости! Как скептически относились судьи! И все-таки им удалось выстоять. Впоследствии, на Олимпиадах в Токио и Мехико, советские команды саблистов завоевали золотые медали, а в Мюнхене — серебро.

В Монреале мы обязаны были продолжить эти традиции командной борьбы. И все же, когда для одного из важных поединков за золотую медаль командного первенства на помост был вызван Владимир Назлымов, мы все — Виктор Сидяк, Эдуард Винокуров, Михаил Бурцев и я — замерли, не отрывая глаз от Владимира, капитана и комсорга нашей сборной. А он выглядел собранным и даже не очень уставшим, хотя позади было уже много боев. Не знаю, как другие, а я тут же успокоился. Кто-кто, а Назлымов не подведет. Из 32 поединков за команду он уже выиграл 29. Этот обязательно будет 30-й.

Его противник — Микеле Маффей, чемпион мира, один из сильнейших в итальянской команде. На костюме крупная надпись: «МАФФЕЙ». Необходимости в ней нет: саблистов не нужно отличать, как хоккеистов, когда они мелькают на поле, стремительно меняясь местами. Но он, видимо, считает, что лишний раз позаботиться о своей популярности не повредит. Он тоже собран до предела: знает, что сейчас легкого боя не будет. Четверо судей застыли по углам помоста. Еще несколько секунд — и они тоже придут в движение, чтобы все время быть в удобной для наблюдения позиции.

Звучит команда, и Назлымов первым начинает бой. Он делает несколько быстрых шагов вперед, теснит итальян-

Виктор КРОВОПУСКОВ, заслуженный мастер спорта, чемпион Олимпийских игр 1976 года по фехтованию

Один из моих спортивных «трофеев» — старинный обоюдоострый палаш, приз за первое место на чемпионате мира среди юниоров. Тускло поблескивая, он лежит в бархатной коробке. На покое. Мне нравится думать, что когда-то он, возможно, был «в деле» и славно послужил своему хозяину...

Каждый день я прихожу в зал, опускаю на лицо маску и вступаю в бой. Моим оружием никого нельзя убить и даже ранить трудно. Но как и в старые времена сабельных сражений, чтобы победить, ты должен биться. Ни на секунду не ослабляя внимания, защищаться и нападать. Предугадывая поступки противника, стараться перехит-

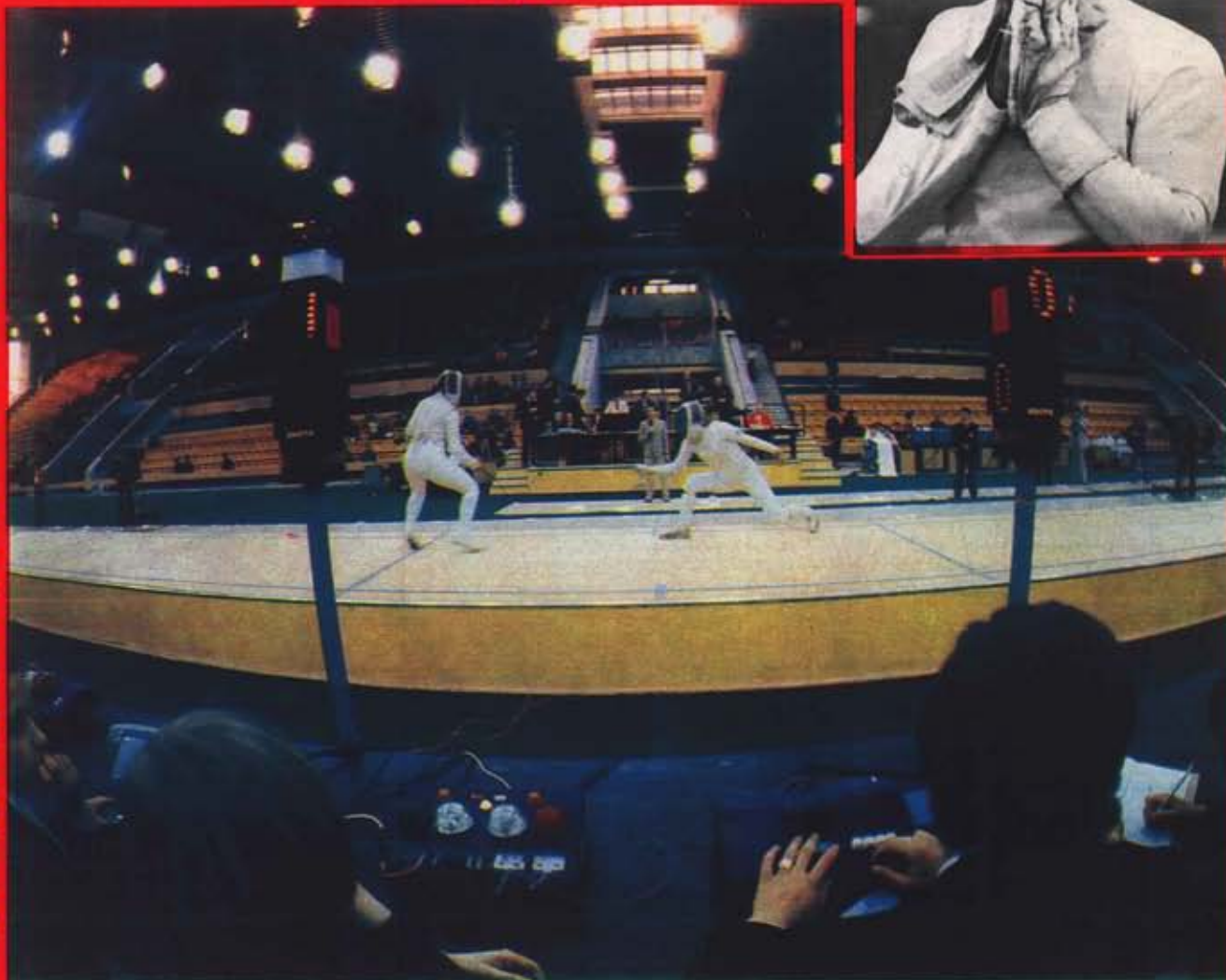
АТАКА СТРЕЛОЙ

рить его. Он человек, а значит, его можно вывести из равновесия, сбить с толку... Но он сопротивляется: он тоже хочет выиграть!

Спортивная сабля — гибкий стальной прут, тоньше мизинца, закругленный на конце. Кисть руки защищена от ударов гардой. Если в спортивных перчатках и шпагах, которыми можно только колоть, гарда похожа на опрокинутую пиалу, то в сабле — оружие и колющем и рубящем — она прикрывает кисть еще и снизу, соединяясь с рукояткой. На вооруженную руку мы надеваем перчатку. У меня она левая. Я не левша в обычном понимании, я только фехтую левой рукой. По узкой дорожке мы передвигаемся назад и вперед, повернувшись почти боком друг к другу, — ведь в отличие от героев рыцарских сражений для защиты у нас нет ни щитов, ни кинокалов. Саблей наносятся удары, саблей же и отражаются.

Может быть, я пристрастен, но мне кажется, что фехтование совершенно особенный, не похожий на другие виды спорта. И не только из-за оружия, но и из-за того, как здесь определяются победители. На узкой дорожке, лицом к лицу встречаемся мы друг с другом, и, как говорится, пусть победит сильнейший! Причем так проходят и личные и командные соревнования. Непосвященный зритель может не заметить разницы между теми и другими, даже если ему и

«Публичное одиночество» — этим театральным термином можно обозначить состояние спортсмена, когда он оказывается лицом к лицу с соперником, в перекрестии сотен внимательных взглядов, посреди ярко освещенной, подиумной на возвышении фехтовальной дорожки. Это трудно. Но еще труднее сражаться за победу не свою собственную, а командную...



Виктор Кривопуков после боя.

ца. Маффей сначала уступает ему часть дорожки, но потом короткими нападками отвоёвывает ее обратно. Ему нужно быстрее уйти из опасной двухметровой зоны у линии предупреждения на задней границе поля боя. За нее переступать нельзя — засчитают штрафной удар. Несколько мгновений они быстро передвигаются «челноком». Это и разведка и маскировка одновременно. И вдруг Владимир бегом, как по команде «марш!», бросается на Микеле. И как тот ни настроен, атака заставит его расстроиться. Панически отступая, он, однако, успевает резко выбросить вперед руку, отчаянно пытаясь нанести удар «в темп» по маске («Эх!» — слышу я рядом. Кажется, Сидяк...) И тут оказывается, что как раз на это и рассчитывал Назлымов. Почти не замедляя бега, он перехватывает клинок соперника и наносит первый удар. Счет 1:0. Дебют хорош, но до пятого, последнего, удара еще так далеко...

И снова они на середине дорожки. Маффей немного пятится, наверное, опасается такого же бурного нападения. Шаг назад, еще один... Он отступает все глубже... Ну, вот — он сам бросается вперед, в мощную атаку с «финтами», с глубоким скачком и выпадом! Владимир задирается, бьет в ответ... Но угловые судьи единодушны в своем решении. Они считают, что итальянец его «достал» — защита Назлымова запоздала. «Туше» — заключает старший судья и указывает на Назлымова, как бы ставя точку в завершившейся фехтовальной «фразе» — 1:1.

Бой возобновляется дистанционной игрой. Чего же наш комсорг ждет? Надо идти вперед, а то Маффей на радостях кинется «добивать». Но Владимир все выжидает. Он бдительно сторожит каждое движение итальянца, уходя от опасных моментов, быстро отступает, когда тот пытается развить атаку. Итальянец, я вижу, процоуливает «глубину» этого отступления... Комбинация шагов, скачков, полувыпадов, и — вот оно — Маффей снова бросается в стремительную длинную атаку. Но... с разбега натывается на конец сабли! Назлымов поймал-таки его в ловушку: не отступил, как рассчитывал Маффей, а лишь изобразил отступление. А сам остался на месте, направив острие сабли в грудь соперника.

Маффей потрясен, сразу видно. Вот он прозевал выход Назлымова в атаку, и арбитр снова присуждает туше Маффейу. 3:1. Ну, теперь наш капитан окончательно становится хозяином положения. Противник сломлен, а значит, будет повержен. И хотя Владимир, увлекшись тактической игрой, получает еще один удар, все остальные достались только итальянцу. 5:2.

Мы завоевали в Монреале все награды, какие только можно было получить за фехтование на саблях: золото за командную победу и три медали — за личные. Серебряную — Назлымов, бронзовую — Сидяк, а золотая стала моей.

Что сказать? Счастливы я был безмерно. Весь пьедестал почета был наш, мы, вечные друзья-соперники, стояли там втроем, слушали, как исполнялся Гимн Советского Союза, и — я уверен — чувствовали одно и то же. Только я, наверное, больше всех. Ведь это была моя первая Олимпиада. Лишь когда сам участвуешь в ней, по-настоящему понимаешь, что это такое.

Иногда встречаешь в газетах формулу: «Личная ответственность спортсмена». На Олимпиаде груз этой самой ответственности — вещь нешуточная. Надпись «СССР» на тренировочном костюме ощущаешь кожей. И я думаю, что каждый советский спортсмен знает: его победа нужна не только ему, она нужна всем его товарищам, всем любителям спорта, нужна стране. И радость и горечь с тобой разделяют тысячи и тысячи людей.

Спорт прекрасен своей справедливостью: награда — за результат. Свообразие фехтования состоит еще и в том, как здесь проявляется справедливость.

Надо сказать прямо, судьи у нас, когда судят бой, учитывают, пусть иногда непроизвольно, спортивную биографию фехтовальщика. Как бываешь, что умеешь — ничто не забудется, все накопится на твоём личном счету, который и называется репутацией саблиста.

Вот прозвучала команда «Алле!» (на всех крупных соревнованиях команды подаются на французском — международном языке фехтования), и я начинаю с простой атаки — прямого движения вооруженной руки вперед. Естественно, с выпадом, скачком или быстрыми шагами, чтобы догнать уходящего противника. Противник перехватывает мой клинок, берет защиту (парад) и дает ответ (рипост). Все вместе — простейшая фехтовальная «фраза», логически завершённый кусочек поединка. Не более двух секунд.

Поэтому и стоят со стороны каждого бойца по двое угловых судей с единственной задачей — наблюдать, был ли удар. И все же они видят это не всегда. И в сомнительных случаях на чашу весов кладется твой авторитет в фехтовальном мире. Вот здесь судья и может подумать: «Такой-то? Не может быть, чтобы он в своем «коронном» приеме промазал!» А «такой-то» еще и «поможет» судье составить выгодное для себя мнение — часто фехтовальщики что-нибудь кричат, нанося удар. Как правило, это получается произвольно и как-то помогает «выложиться» в нужный момент. Но ведь можно крикнуть и вполне сознательно, в расчете, что судья подумает: «Попал!», когда там и близко не было.

Угловых судей четверо, старший же — один. Каждый из старших — знаменитый в прошлом спортсмен, опытный специалист. И угловые не имеют права его поправлять, даже если он ошибся: его власть единолична. Он пристально следит за смыслом боя, определяет тактическую правоту и присуждает удары. Нагрузка у него огромная — поединки идут весь день напролет. За его действиями следят тысячи глаз: зрители, другие судьи, сами бойцы. Он весь в напряжении. Бывает, порою расслабится на мгновение и пропустит решающий момент.

Вот, я помню, так было на международном турнире «Московская сабля», когда я дрался с Эдуардом Винокуровым. Счет 4:4. Все решит последний удар. Команда — к бою! Эдик бросается в атаку, я парирую. Но не с шагом назад, как это бывает обычно, а наоборот: делаю шаг вперед, даже полувыпад. А старший судья, видимо, отпавшись на долю секунды. Мой ответ с движением вперед он видел, а парад — нет. И решил, что я просто колот навстречу атаке противника, а значит, как атакующий прав он. В результате победу присудили Винокурову. Даже заваление Эдика, что судья неправильно разобрал эту фразу, во внимание не приняли.

На соревнованиях за рубежом иногда сталкиваешься и с заведомой предвзятостью судей. Как-то перед началом финала международного турнира рядом со мной сидел один судья-иностранец. Не помню, почему так получилось, но там я был один, никто из наших в финал не попал. «Как вы хорошо готовы сегодня» — с ухмылкой говорит мне этот судья — у вас в полуфинале три победы со счетом 5:0, 5:0, 5:1. Да вы так всех за собой оставите. «Ну, начался финал, первый же бой судит он. Я бы — он не засчитывает. Второй раз — то же самое, третий — опять говорит «нет!». Обидно мне стало ужасно! Так до конца и не смог собраться: почти все бои проиграл и занял лишь четвертое место. Ведь проигранный бой сидит в памяти, как заноза...

На Олимпиаде в Монреале я не был уверен, что мой опыт достаточно весом в глазах знаменитых судей, хоть мне было тогда уже 27 лет. И в финале личного первенства я больше всего опасался товарищеской команде — Назлымова и Сидяка. Оба они были опытными бойцами тогда, когда меня еще только включили в сборную. По правилам а

финальной пулке встречаются сначала представители одной страны. Значит, я сразу должен был решать самую трудную задачу.

Поединки с двумя главными соперниками складывались драматически. Достаточно сказать, что победить мне удалось со счетом 5:4 и 5:3. Но вот что важно: проиграв мне, мои именитые и самолюбивые друзья по команде нашли в себе силы сражаться за общую победу так, как если бы от этого зависела вся жизнь. Ни малейшего уныния и душевного спада не ощущалось в их атаках на дорожке, хотя и Сидяк и Назлымов пелели в Монреаль с вполне реальными надеждами на золотую медаль в личном зачете. Я бы сказал даже так: после весьма огорчительных для них поражений они и проредомстрировали во всей яркости свои подлинно бойцовские качества. Мы победили со значительным перевесом.

Много раз возвращался я вместе с ребятами с зарубежных соревнований. И всегда первые минуты на московском земле волнуют невероятно. В дружеских объятиях как бы заново переживаешь радость победы. И она самая хорошая, эта «вторая» радость. Уже спало напряжение ответственных поединков, забылись неизбежные обиды на «несправедливые» удары, на коварство соперников, а главное, на собственные просчеты... Будни впереди, а сейчас — праздник! Рядом друзья, близкие, дорогие люди. И вот уже пять лет я сразу ищу глазами Марка Семеновича Ракуты, моего тренера. Тогда, после Олимпиады, его лицо было счастливым.

А через год в нашем спортивном диспансере на улице Чкалова я увидел его совсем другим. Меня привезли туда из Киева, где я получил серьезную травму — разрыв ахиллова сухожилия. Он ворвался в палату с таким видом, что я даже испугался: «Да что вы, Марк Семенович, да не волнуйтесь вы так! Ничего, мы еще попрыгаем!» Вроде бы это я его утешал.

Месяц провел я в больнице. Каждый день приходили друзья, товарищи по команде, просто знакомые. Народу в палате битком набивалось. Но с шести до восьми у меня был только один посетитель. Тренер. И ободял, и развлекал, и чуть ли не сказки рассказывал. Такая травма при современном уровне медицины должна была пройти бесследно. Но, как говорят медики, человек после этого инстинктивно щадит больное место. Могло появиться недоверие к себе, так сказать, «психологический шрам».

После первого же разговора с врачами Марк Семенович повторял мне каждый день: «Будешь целее, чем прежде!» А я не помню случая, чтобы он меня обманул. И, между прочим, через год в Гамбурге я стал чемпионом мира.

Марк Семенович... Уже пять лет я называю его по имени-отчеству. А до этого еще пять лет он был для меня просто Марком, товарищем по команде, учеником того же тренера — Д. А. Тышлера. Правда, товарищем старшим. И не только по возрасту (он на десять лет старше меня). Чемпион Олимпийских игр, мира, страны и прочая... Титулов у него хватает. Но не в них дело. Вы бы посмотрели на него в бою! Я впервые увидел его, еще когда был мальчишкой, на чемпионате мира в Москве. И сразу понял, что он интереснее всех. Хоть он там и не занял первого места.

И вот он стал тренером. Поначалу спорили мы с ним до бесконечности. А теперь не бывает дня, когда бы не шел у нас интересный диалог на фехтовальной дорожке. Каких только он не придумал для меня упражнений и приемов! И еще — я благодарен Марку Семеновичу за мой «звездный» час. Наверное, очень нескромно признаваться, что в глубине души «чувствуешь себя в силах выиграть у любого? Конечно, если «то», если «это» и если повезет. Тогда, на чемпионате СССР в 1975 году, перед самой

Олимпиадой, все эти «если» помог мне разрешить он, мой тренер.

И сейчас ясно помню: Дворец культуры в Минске, бесконечные дожди... И слова тренера, которые обычно говорят перед поединком и которые, к сожалению, часто тут же вылетают из головы. А тогда — запомнились. Я сказал тренеру, что никак не пойму, почему в полуфинале мне не удавались некоторые моменты боя. Очень раздражает, прямо бесит, когда чувствуешь, что ты в прекрасной форме, а все равно ничего не получается.

Мне явно изменяло чувство дистанции. Дорожка, как живая, то вдруг удлинялась, то укорачивалась... Марк Семенович послушал-послушал, стал в конце помоста (финалы обычно проходят на приподнятом от пола помосте), за задней границей, уже на пандусе, и говорит: «Беги на меня! Не бойся, я подвачу, если споткнешься. Атакуй!» Так непривычно было пробегать запретные зоны! Ведь если атакуешь, а противник отходит к задней линии, ты знаешь, что бой будет остановлен. К этим линиям начинаешь относиться, как к недопустимой преграде. А тут Марк Семенович говорит: «Можно!»

И вот ведь что оказалось: мне мешала именно «слишком хорошая» реакция на эту символическую преграду! Я прекращал атаку на долю секунды раньше, чем надо, и никак не мог понять этого. Понял Марк Семенович. Я выиграл тогда в финале все бои со счетом 5:1 или 5:2. А ведь там были и Назлымов, и Сидяк, и Винокуров.

Суметь «настроить» ученика — это тонкое дело. А вот наш общий с Ракутой тренер, воспитавший еще очень много спортсменов, «настраивал» целые команды! Про Давида Абрамовича Тышлера рассказывают легенды. Этот человек, мне кажется, о фехтовании знает все. И очень многое — о людях. Однажды автобус с командой саблистов, ехавших на соревнования во время Олимпийских игр в Мехико, застрял в уличной «пробке». Если бы ребята опоздали к началу, их отстранили бы. Залас времени еще был, но кто знал, когда автобус выберется из затора? А он выбрался из него через полтора часа. И когда открылась дверь, из машины вышли не издерганные ожиданием неврастеники с трясущими руками, а хладнокровные бойцы, уверенно побеждавшие в тот день! Все полтора часа Тышлер что-то рассказывал им, не отпуская ни на минуту их внимания, не давая ребятам волноваться и глядеть на часы.

В 1968 году, когда я победил на чемпионате мира среди юниоров и решил, что в фехтовании для меня уже нет тайн, мой самый первый, «юношеский», тренер Лев Серафимович Корешков привел меня в манеж ЦСКА на «смотрень» к Давиду Абрамовичу. Дальше я занимался уже у него и, едва приступив к тренировкам, понял, что в этой «школе» я гошусь еще только в «первый класс». А Лев Серафимович... он вернулся к ребятам, в детско-юношескую спортивную школу.

В фехтовании я остался только благодарен ему. Так сложилось, что, когда я окончил десятый класс, начала приходить мама, а материальной помощи ждать было неоткуда. Я пошел работать

на почту: разносить по утрам газеты. Летом сдал экзамены и поступил в институт (это был технический вуз, тогда еще делил свое время между увлечением техникой и спортом, спорт оказался сильнее, и позже я стал учиться в институте физкультуры). Осенью, когда начались занятия, приходилось тяжело. Вечером на тренировках я просто спал на ходу. Чем-то нужно было жертвовать. Взрослые советовали — фехтованием.

Лев Серафимович убедил меня, что все будет хорошо, что трудности можно преодолеть. А главное, помог мне устроиться на работу полегче — здесь же, при спортзале, кладовщиком. Следил, как я питаюсь, помогал материально. И ведь нельзя сказать, что я тогда поражаюсь к кому-нибудь своими фехтовальными достижениями... Уже за то, что в самую важную пору — годы юношеского становления — я оказался возле такого человека, как мой первый тренер, можно быть благодарным судьбе и спорту.

Моя жена тоже занимается фехтованием. Недавно нашему сыну Алешке исполнился год. И Таня решила снова начать тренироваться. Как же мне ее не понять? Хотя мы живем отдельно от родителей, а у меня начался олимпийский сезон (да и вообще-то я ей плохой помощник — ведь все время в разъездах), однако все проблемы можно решить, если есть у тебя цель, к которой стремишься. В конце концов на то и голова на плечах, чтобы решить, что важнее. Без чего сможешь жить, а без чего — нет. Без накрахмаленной рубашки Алешка проживет. А вот каково ему придется, если его мама будет считать себя несчастным, несостоявшимся человеком? Сможет ли стать счастливым он?..

Все готовятся к Олимпиаде-80. Разумеется, с математической точностью предсказать состав нашей команды и особенно результаты соревнований очень трудно. Но фавориты, главные претенденты на первые места, всем поклонникам сабли известны. Вот, скажем, Виктор Сидяк. Мне нравится его ненасытная жажда боя. Он просто не может быть вторым! По-моему, ему все равно, где драться: на первенстве мира или на первенстве жэка — на его настрой это не влияет. «Опа-на!» — кричит он, загоняя отступающего в панике противника в самый конец дорожки. Ему по нраву лихая рубка, чтобы только перья летели. Едва на лицо опускается маска: вперед — и бон кураж! Смелая атака, дерзкий прием — и чистый удар! Маска сорвана, усы встопорчены — все увидели, как я могу? Подождите, то ли еще увидите!

И в тренировочных боях не отпустит, пока не выиграет, обидится, если откажется продолжать. А посмотрите на его спортивную биографию: чемпион страны и обладатель Кубка СССР, чемпион мира и Олимпийских игр в личном и командном зачете, и Универсиаду он выигрывал и различные турниры, а в 1973 году был призван Международной федерацией лучшим фехтовальщиком года. И, однако, на каждый новый бой он выходит с новым азартом.

Владимир Назлымов славится другим качеством. Его сила — в несгибаемой воле, поразительном упорстве, умении приказывать себе бороться до конца. Для него, я думаю, нет «удобных» и «неудобных» противников. Грозный фехтовальный опыт капитана нашей команды, ветерана сабельных поединков позволяет ему равно успешно противостоять соперникам и осторожным, и лихим, и агрессивным, и относительно миролюбивым. Никакими титулами и заслугами его не смутить — да и странно было бы это, ведь Назлымов сам обладает таким перечнем побед и наград, какому может позавидовать любой фехтовальщик мира.

Владимир знает излюбленные методы ведения боя почти всех саблистов, и я горжусь, что в монреальском финале выиграл у него своим коронным приемом — атакой «стрелой». Я левша и

часто бью не в маску, не в бок, а в руку чуть выше запястья, и уже так отрабатывал этот удар, что всегда попадаю в один и тот же участок руки, длиной не больше пяти сантиметров. «Эх!» — как со стороны услышал я тогда свой победный крик, хотя вообще-то кричу редко...

Каждый день я вижу, как тренируется Миша Бурцев. Это будут его первые Игры, ведь в Монреаль он ездил запасным, хотя предварительные бои провел очень неплохо. А ему тогда не было и девятнадцати, для сабли это прямо-таки младенческий возраст. Прошло четыре года, и стоит посмотреть, как он фехтует сейчас! Я имею в виду не только технику и тактику — это, как говорится, при нас, на то мы и члены сборной. Мне кажется, что в его манере боя теперь, как никогда прежде, проявляются его прекрасные человеческие свойства.

Он тихий. И голос у него негромкий. Но пусть он хоть 4:0 проигрывает, все равно драться будет, будто только начал и все у него идет нормально. «Проходных» боев для него просто не бывает. Думаю, что еще немного, и он в силе воли Назлымову не уступит. А при этом Бурцев сражается, я бы сказал, интеллигентно, с тонким пониманием психологии противника, творчески. С ним всегда интересно и биться на соревнованиях и тренироваться.

Вот эти три спортсмена и, хотелось бы думать, я вместе с ними — ядро нашей будущей олимпийской команды. Мы, что называется, несем солидарную ответственность за честь советского сабельного фехтования. И, понимая всю меру этой ответственности, готовимся сейчас к предстоящим Играм, не сходя с себя.

Современный спорт вообще требует серьезнейшего труда. Мы, кажется, дошли до упора: наращивать количество часов тренировочных занятий уже просто некуда. На сборах день у нас начинается с часовой тренировки-зарядки. Вторая тренировка длится около трех часов и третья, вечерняя, — около двух. Почти все тренировки — специально фехтовальные, и только два-три раза в неделю по два часа отводится на общефизическую подготовку, когда мы занимаемся спортивными играми. Я считаю, что это очень полезно для фехтовальщика, хотя некоторые и эти часы стараются проводить на дорожке.

Готовятся все... И у нас и за рубежом саблисты устремлены к одной цели — олимпийскому пьедесталу почета. Наша команда проверена в сражениях, но это вовсе не значит, что призовые места заведомо будут разделены «между своими». Во многих странах есть очень сильные фехтовальщики. В первую очередь это наши традиционные соперники — венгры. Пал Геревич, Имре Гедевари — спортсмены экстра-класса. Имре только что победил в турнире «Московская сабля». Очень хорошо фехтуют и молодые братья Небалды, тоже входящие в венгерскую сборную. Потом, конечно, итальянцы: кроме Микеле Маффея, вернулся в спорт и снова выступает двукратный чемпион мира Марио-Альдо Монтано. К числу серьезных соперников следует прибавить и Арчидиаконо, который был третьим на чемпионате мира в Буэнос-Айресе. Нельзя не упомянуть и очень способных польских саблистов: молодых Яблоновского и Карфанте, старого бойца Яцека Берковского. Никак не сбросишь со счета и румын Иона Попа, Аурела Марина, которые в последние годы буквально наступают на пятки...

Все они, как говорится, точат сейчас клинки на соперников. Некоторые делают это в самом прямом смысле. Только не для того, чтобы они были острыми, а для того, чтобы стали легкими. Что ж, дело хозяйское. Я же люблю саблю потяжелее. Рука привыкла, уверенности больше... Мне даже кажется порою, что я держу тот самый старинный палаш — и биться мне нужно во имя самой высокой цели.

Записали Татьяна ЛЫКОВА
и Олег МОВШОВИЧ



ПУБЛИЦИСТИКА

ВИТАЛИЙ ОЗЕРОВ

ТРЕВОГИ
МИРА
И СЕРДЦЕ
ПИСАТЕЛЯ

О дружбе и братстве
всех народов

Ф

Творческий диалог

Мы живем в такое время, когда нельзя оставаться в стороне от событий, происходящих на планете Земля. К миру стремится каждый советский человек, и одинаково остро и больно в сердцах рабочего и ученого, крестьянина и писателя отзывается все то, что угрожает миру. Именно так — через сердце — идут горячие и тревожные токи событий, происходящих в мире. Именно так — «Тревоги мира и сердце писателя» — назвал свою книгу литературный критик и публицист Виталий Озеров («Советский писатель», 1979 г.), книгу статей и очерков о борьбе за мир, которую ведут неустанно советские писатели и прогрессивные писатели всего мира.

«Опираясь на социалистическое содружество, укрепляя его, углубляя свои связи с прогрессивной художественной интеллигенцией всех стран, советские писатели стремятся объединить на платформе борьбы за мир и сотрудничество людей доброй воли, пусть у них разные политические, религиозные, эстетические взгляды. Мы твердо убеждены, что творческий диалог — властная потребность времени, что постоянное взаимодействие деятелей культуры и искусства — норма современной духовной жизни». Эти слова из книги В. Озерова можно считать точкой отсчета, той позицией, с которой он ведет рассказ о деятельности СП СССР по развитию международных контактов.

Открывает книгу дневниково-публицистическая статья о международной писательской встрече в Софии, о подробностях ее подготовки и проведения. Писатели социалистических стран и прогрессивные писатели многих стран мира собрались на эту встречу, вдохновленные духом Хельсинки. И как же всполошились идеологические противники! Но сорвать встречу не удалось. Писатели единодушно пришли к выводу, что словесная перепалка, в которую их пытались втянуть, не должна и не может помешать главному делу — созданию произведений, «которые ставят нравственный барьер злу, угрозе войне, внушают читателям веру в человека, чувство активности в борьбе за мир».

В. Озеров много поездил по миру, много повидал и во встречах — не только с коллегами по перу, но и простыми людьми далеких и близких континентов — говорил о том, что больше всего его волнует: о мире. Он

видел, как отмечали ленинский юбилей в Барселоне, бывал в гостях у Кобо Абэ, содействовал укреплению дружеских связей с литераторами жаркого африканского континента, встречался с давним другом нашей страны финским писателем Пааво Ринталой на его родной земле — обо всем этом увлеченно и тепло рассказывает автор.

Одна из интереснейших глав книги, на мой взгляд, — глава о деятельности Иностранной комиссии Союза писателей СССР, этого рабочего органа, с помощью которого руководство Союза писателей осуществляет свои международные литературные связи. Спокойно, доказательно говорит автор о принципах коллегиальности работы Союза писателей на всех участках, давая тем самым отпор разного вида «советологам», которые не устают «разглашать» свои тайные измышления о том, что Союз-де писателей — угрозный оплот бюрократизма, о грубом администрировании, о давлении на литераторов.

В книге нет приглаживания действительного положения в литературных делах, автор не боится сказать о просчетах некоторых литераторов. Но он не боится прямо и открыто говорить о том, что «выступления советских писателей разных манер, разных поколений с политически точными, художественно совершенными вещами оставались не замеченными на Западе. Однако стоило кому-нибудь оступиться, подвергнуться справедливой критике — его объявляли смельчаком — диссидентом», «гениальным художником». В. Озеров рассматривает такие выводы как своего рода антисоветские провокации, организаторы которых тезис об «оппозиционности» писателя социалистическому обществу используют для диверсий против этого общества.

В этой своей книге В. Озеров выступает более как публицист, но иногда неудержимо прорываются на страницы приметы, свойственные перу литературного критика. И как критик он добр: о своих коллегах, товарищах по литературе он говорит без боязни сказать лишнее доброе слово. Это слово идет от души, от сердца, и видно, что оно рождено взаимопониманием, взаимосвязью, столь необходимыми для общего писательского дела.

Эльвина ШУГАЕВА

ПРОЗА



Жить на пределе сил

«Смена ушла. Мы остаемся один на один с чужим, незнакомым миром», — начинает Леонид Сильвестров свой рассказ об одной из антарктических экспедиций, участником которой ему посчастливилось быть. «Шемиче» — говорилось о том, что больше всего его волнует: о мире. Он

мовщиков поначалу. Но пройдет какое-то время, и в дневнике, послужившем основой его книги «Москва, я — Мирный!..» («Современник»), будет записано знаменательное: «Мы начали чувствовать себя здесь не гостями, а хозяевами...» В течение долгого года горстка людей, связанная с цивилизованным миром лишь незримой ниточкой радиоволн, будет жить и трудиться, противостоя чуждой стихии, пока не прибудет и не заменит их новая смена... И так из года в год.

Что привело их сюда, в край вечного льда и ураганных ветров? Не будем касаться ценности научных исследований: хотя мы и относимся к ним с почтением, они вне нашей компетенции. А если посмотреть в человеческом плане?..

«Люди едут в южные широты по разным причинам, — отвечает, предвидя такой вопрос, Сильвестров. — Одних влечет сюда муза дальних странствий, других — научные интересы, третьих — возможность продвигнуться по службе, четвертых — желанье заработать...» Вообще «человеку всегда должно чего-нибудь недоставать, — говорит один из героев книги, — одному, там, ковра, а другому чувства риска...»

Чего-чего, а риска, трудностей и лишений на долю первых зимовщиков выпало предостаточно. Да, и на шестом континенте стоят скорбные обелиски в память о погибших. Однако время не стоит на месте. Автор пишет: «Первый поход в глубь Антарктиды газеты называли героическим, второй — трудным и опасным, третий — просто трудным. Теперь это будни экспедиции».

О буднях исследователей и повествует Сильвестров, и иногда не пытаясь ответить сразу на все возникающие вопросы. Цель у него скромнее и определенной — «передать ощущения людей, живущих в самых суровых условиях, какие только существуют на Земле».

И это ему, на мой взгляд, удалось в полной мере: небольшая по объему, но емкая содержанием, книжка его читается с неослабным интересом, что называется, от корки до корки. Разумеется, привлекает экзотика. Полярные сияния и пурга, ураганные ветры и морозы, которые и вообразить-то трудно... Пингвины, без которых не обходится ни один антарктический репортаж... Все это занимает свое место и на страницах книги Сильвестрова. Автор обладает даром рассказчика, под пером которого и общезвестное предстает в новом качестве. Он постоянно прибегает к такому эффективному средству, как юмор, самоирония, даже в самом заурядном эпизоде ему удается увидеть смешное, без чего, как известно, жить трудно не только в Антарктике. И все разнообразие изобразительных средств Сильвестров использует, как уже отмечалось, для полного, достоверного раскрытия характера человека, выявления его духовных и физических возможностей. «В борьбе с морозом и ураганами мы выросли и мужали, — пишет он. — Мы чувствуем себя в едином братстве полярников, которые вместе с нами делают то же нелегкое дело», смысл которого — освоение новых пространств. Ибо нынешние антарктические станции — это почти готовые модели будущих поселений на Луне и Марсе.

Уверен, записки Леонида Сильвестрова займут свое место и на полке старого полярного аса и в рюкзаке юноши, отправляющегося в дорогу.

Иван ИСАЕВ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ



Досуги с Пушкиным

Некоторое время назад, будучи на Псковщине, я посетил пушкинские места. Впечатления были настолько ярки, что жизнь нашего любимого поэта сделалась для меня наможенным зримым, а его друзья как бы стали и моими друзьями, и вот совсем недавно я вновь повстречался с ними: с Прасковьей Александровной Осиповой-Вульф, с ее сыном и дочерью, с Анной Петровной Керн. Но уже не в Михайловском и Тригорском произошла эта встреча, а в Малинниках, Павловском и Берново, на тверской земле. Не покидая Москвы, я словно побывал там, читая книгу Алексея Пьянова «Мои осенние досуги» («Московский рабочий», 1979 г.), настолько она полна запоминающимися деталями, живописными подробностями, оснащена волнующими документами. География жизни многих великих людей богата.

Автор, показывая пушкинскую Тверь, приоткрыл завесу над новыми фактами биографии поэта, его творчества. В этом ему, несомненно, помогла как любовь к самому Пушкину, так и к родному краю. Сколько пришлось поколесить по Верхневолжью, порыться в архивах и фоллиантах, порасспросить отысканных в разных городах и весях людей, чтобы так полно и точно описать пушкинские встречи, знакомства, время и место создания того или иного поэтического шедевра на вдохновляющих тверских дорогах, в уюте гостеприимных усадеб, в тишине старых парков. Это книга-исследование, книга-раздумье, а порою и увлекательная повесть. Помимо главного героя, ради которого все написано, автор рисует целую галерею тверяков и тверянок, обязанных бессмертием своих имен, своих судеб причастностью гению. Если бы не эта сопричастность, кто бы помнил сегодня А. Н. Вульфа, А. А. Оленину, Е. В. Вельяшеву, Е. Н. Ушакову. Ничем особо не примечательные, эти представители своеобразного общества первой половины прошлого века помогают нам детальнее рассмотреть тогдашнюю Россию. Причем заслуга автора не только в познавательности рассказа о них, но и в его эмоциональности. Он сумел так выбрать слова и факты, что нас, людей совершенно иного времени, пожалуй, не меньше, чем самого Александра Сергеевича, очаровывают и дочка исправника Катя Вельяшева, и прототип Маши из «Капитанской дочки» — Мария Борисова, и провинциально робкая, но в то же время отважная певунья Варя Черкашенинова. Невольно хочется больше узнать об этих малинниковских и павловских барышнях, вместе с Пушкиным дошедших до наших дней. Выражая такое желание, я имею в виду не только «женскую» пушкинскую галерею, но и «мужскую». Судьбы

его приятелей-тверяков не менее психологичны и социальны, а, следовательно, любопытны. Чего стоит, например, так трагично для нашего понимания заглохшая жизнь образованного, умного Алексея Вульфа? А неудачливость увлекающегося И. Е. Великопольского? А народная живописность изобретателей знаменитых «пожарских» котлет, любимых и Пушкиным и нами?

Безусловно интересны описанные в книге порой замысловатые биографии пушкинских вещей, ставших сейчас экспонатами его музея в Торжке: история его перочистки, подаренного им томика «Айвенго», его миниатюрного портрета. Привлекателен и места, связанные с ним, например, омут у старой мельницы, вдохновивший создателя «Русалки» и, может быть, потому ставший одним из легионовских пейзажей. И все же, главная прелесть этой книги — в людях, в расшифровке их судеб, многие из которых сами по себе заслуживают книгу: жизнь пушкинского друга, мореплавателя Ф. Ф. Матюшкина или художника А. Г. Венецианова, юбилей которого только что широко отмечался в стране. Короче, в людях пушкинской галереи. Литературные ее портреты подкреплены тщательно подобранными рисунками самого поэта, и в этом особенная удача издания.

Хочется верить, что книга «Мои осенние досуги» не исчерпается работой Алексея Пьянова над современной Пушкинианой, что новые поиски приведут к новым находкам, что тверские досуги автора «Анчара», «Зимнего утра», «Романа в письмах» вновь станут нашими досугами с Пушкиным.

Вадим ПОЛУЯН

ПОЭЗИЯ



Сборник поэтических рассказов

Когда душа настроена на прекрасное постоянно, а не от случая к случаю, тогда обжитый знакомый мир поворачивается к человеку новизной и свежестью своих бесчисленных подробностей. Казалось бы, что общего между тенью от горы и часовой стрелкой? Но общее становится очевидным, обогащающим душу и одного и многих, если оно увидено поэтом. И, более того, точно изображено в слове. Читая книгу Эдуарда Бабаева «Солнечные часы» («Советский писатель», 1979 г.), мы видим, как, двигаясь по воле солнца, тень от горы на наших глазах становится похожей на стрелку огромных часов. Поэтическое видение мира не изменяет автору на протяжении всей книги.

Каждое стихотворение в сборнике — своеобразный поэтический рассказ, в котором нет замысловатого сюжета или

необыкновенной истории. Однако есть глубина, смысл. Особенно это чувствуется, когда поэт говорит о природе. Ведь именно она — основа всего на земле, начало всех начал. В стихотворении «Хозяин заповедника» есть такие слова:

*Природа изменяется
Вместе с нами.
Сначала мы, а потом она...*

В двух строчках высказана непростая мысль — ничто само по себе не изменяется, как ничто не появляется и не исчезает бесследно.

В сборнике немало строк о труде. Э. Бабаев показывает, как в ярких искрах электросварок, в искусных руках гончара, в ступе «рабочего молотка» рождается тот творческий вдохновенный труд, имя которому Мастерство.

Несомненная удача автора — стихи о войне. Поэт вспоминает, что накануне суровых испытаний все было иным, даже лес и море, но неожиданно детство кончилось, «и сразу началась война». Несколько стихотворений Э. Бабаев посвятил своему поколению, тем «школьникам военных лет», которые рвались на фронт. Они заменили своих старших братьев и отцов на заводах. Подробнее об этом рассказано в поэме «Открытая платформа». Их было много, но самому старшему едва исполнилось шестнадцать. У каждого были свои привычки, интересы. Ибрагим учил четыре языка, Гай любил далекие прогулки, Роману нравились стихи. Но, несмотря на разные характеры, объединяло их одно — чувство любви к Родине. «Военной задачей» этих ребят стало строительство бронепоезда. Примечателен в поэме образ полковника Ягича. Немного словно, но точно и выразительно рисует Э. Бабаев портрет этого человека. Молчаливый, строгий, он успевал всюду. Сначала мальчишки недолюбливали Ягича, но потом он стал им как отец. В эпизоде поэмы полковник Ягич уезжает на фронт в новом бронепоезде, а на открытой платформе провожают его все те, кто работал на заводе. Памятен автору прощальный гудок, поплывший «над пригородом, насыпью, платформой». Даже сейчас поэт узнает звуки гудка, тот полный властный голос, «что управлял судьбою поколений».

Елена КОВАЛЕВА,
студентка,
участница
Литературно-критической
мастерской «Смены»

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ



«Крылатые души моей созданы...»

Издательство «Наука», выпускающая книги в серии «Литературные памятники», выполняет благородную задачу приобщения новых поколений к наиболее значительным явлениям

отечественной и мировой культуры. Книжки этой серии всегда отличают кропотливая текстологическая работа, пространный комментарий, содержательные сопроводительные статьи — огромный труд, проводимый для того, чтобы современный читатель смог лучше разобраться и понять часто столь далеких от него автора и эпоху.

Вышедшее в серии «Литературные памятники» — 79 творческое наследие декабриста В. К. Кюхельбекера, представленное его путевыми очерками, «Дневником», относящимися к годам заточения и ссылки, литературно-критическими статьями и прозой, — поистине драгоценный подарок любителям русской литературы и истории.

«Люблю иногда вмешиваться в толпу простого народа и замечать характер, движение, страсти моих братьев, коих отделяют от меня состояние и предрассудки, но с коими меня связывает человечество», — эта запись из путевых очерков, сделанная за пять лет до событий на Сенатской площади, запись как будто случайная, представляется исполненной глубокого смысла нам, знающим будущую судьбу ее автора. Не вызывает удивления, что человек, так осознавший свою глубинную связь с народом, 14 декабря 1825 года оказался в самой гуще событий.

Вильгельм Карлович Кюхельбекер — друг Пушкина и Дельвига по лицей, друг Грибоедова по Кавказу — отличился блестящей эрудицией и начинал как талантливый поэт, критик и публицист. Его статьи, посвященные разбору «драгоценной сердцу моему отечественной словесности», и сегодня читаются с великим интересом, многие положения его и сегодня не утратили своего значения: «... да создается для славы России поэзия истинно русская; да будет святая Русь не только в гражданском, но и в нравственном мире первого державою во вселенной! Вера праотцев, нравы отечественные, летописи, песни и сказания народные — лучшее, чистейшее, вернейшее источник для нашей словесности».

Потребность в самовыражении, творческая активность настолько сильны были в Кюхельбекере, что заглушить их не в силах ни десятилетнее заключение, ни последующее десятилетие ссыльной жизни в Сибири. «Дневник» его, относящийся к этим трудным годам, поражает непрекращающейся работой мысли и души. Он пишет стихи и прозу, читает и осмысливает прочитанное, размышляет об истории, религии, искусстве, философии, литературе — все это отражено в «Дневнике»: «... из моих суждений о людях, о книгах, из отчета о моих занятиях вы сами легко увидите, на какой точке нахожусь и шагаю ли вперед или подаю назад». Удивительна стойкость этого человека! На страницах «Дневника» есть горестные и трогательные записи, относящиеся к его «трусенической жизни», однако крайне редко поддается он унынию, у него одно твердое желание:

*Пусть будут чужды мне до гроба
Прозньство, лесть, коварство,
злоба!*

*Пусть до могилы буду я
И сердцем и душой дитя.*

Светлый ум, сердечная и душевная чистота, непреклонная вера в свое призвание отличали этого поэта и мыслителя, который с полным правом мог надеяться на то, что наступит время, когда

*...воспомянут чистый глас певца
И отзовутся на него сердца
И дев и юношей иного века.*

Наталья КОЛОСОВА

МАЛЬЧИК НА КАЧЕЛЯХ

ПОВЕСТЬ

В комнате, по ту сторону окна, горит настольная лампа. Стоит чуть повернуть голову, и в конусе света я увижу склонившуюся над книгой жену. Но смотрю я в другую сторону, мимо сидящей напротив дочери, сквозь балконную решетку вниз.

Ничего особенного там не происходит: в просвете между домами сплошным потоком движется городской транспорт, во дворе на детской площадке возятся в песке дети. К подъезду соседнего дома подходит молодой человек с чемоданом в руках. Он нерешительно топчется на месте, ставит чемодан на землю, снова берется за ручку, потом медленно, не оглядываясь, поднимается по ступенькам.

Что-то знакомое в его фигуре, сутулости плеч, походке. Странно, ведь того человека, о котором сейчас подумал, мне пришлось видеть всего один раз. И довольно давно. Это не он. Конечно, не он...

Воображение рисует мне мальчика, раскачивающегося на качелях. Вот он взмывает вверх, все выше и выше, солнце мелькает между ветками деревьев, слепит глаза, и ему кажется, что он улетает к самому небу, а когда качели срываются вниз, у него перехватывает дыхание, и мальчик изо всех сил жмурится, чтобы не видеть летящей навстречу земли...

Дело Вышемирских. Мое последнее милицейское дело. Я перебираю в памяти его детали, и тотчас с мельчайшими подробностями всплывает домик на окраине города, яблоневый сад, засыпанная желтыми листьями веранда...

Была понедельник, двадцать четвертое сентября...

Глава I

ПОНЕДЕЛЬНИК, 24 СЕНТЯБРЯ

1

Я придвинулся к дверце и прежде, чем меня с силой вдавило в спинку заднего сиденья, успел посмотреть на приборный щиток. Часы показывали половину седьмого.

Саня, шофер прокуратуры, знал свою старенькую «Волгу» до последней гайки и выжимал из нее все, на что была способна эта машина. Слово «быстрее» он всегда понимал одинаково, в переводе на его профессиональный язык оно означало «жми на всю железку». Он и жал.

Рядом со мной сидел Волобуев. Он то ли дремал, то ли задумался о чем-то. Может быть, о предстоящем деле, на которое мы волей случая выехали вместе? Получилось так: в то время, когда прокурор давал ему задание, я тоже находился в кабинете — уточнял дату своего перехода на работу в прокуратуру. Когда Иван Васильевич закончил, я совершенно неожиданно для себя попросился поехать на место происшествия.

— Что ж, Владимир Николаевич, — сказал прокурор. — Поезжайте. Возражений у меня нет.

И вот едем. Правда, я не совсем понимал, в каком качестве еду. В самом деле, кто я? Старший следователь, сдающий дела в милицию, или следователь, принимающий дела в прокуратуре? Перевод был делом решенным, кроме того, в моем распоряжении оставалось семь свободных дней — отпуск, который напоследок предоставило мне начальство. «Кто тебя за язык тянул?» — ругнулся я про себя, и мысль о том, что за годы работы в милиции я стал обладателем уникального рефлекса — невзирая ни на что, сломя голову мчаться на место происшествия, — в данном случае радовала мало. Однако

делать было нечего, и я начал перебирать в уме сведения, которые сообщил нам прокурор.

Был анонимный звонок в милицию. Не пожелавший назвать себя мужчина сказал, что в доме номер один по улице Доватора произошло несчастье. Дежурный по горотделу хотел уточнить, какое именно, но мужчина повесил трубку. Хотя не исключена была вероятность ложного вызова — в нашей практике такое бывает нередко, — по названному адресу выехала ПМГ. Интуиция не подвела дежурного: сигнал оказался верным, а несчастье — действительно несчастьем. На месте был обнаружен труп профессора Ивана Матвеевича Вышемирского. Тут же вызвали скорую, экспертов и следователя прокуратуры...

Снизив скорость, машина свернула с шоссе. Сверху стала видна улица, застроенная одноэтажными домами. Сквозь поредевшие к осени кроны деревьев просвечивали крыши, покрытые черепицей и серым шифером. Наступавшие на этот район города новостройки обступили улицу со всех сторон. Внизу справа зиял глубокий котлован с частокотлом бетонных свай, а рядом, у строительного вагончика, одиноко пасся похожий на тушу бегемота компрессор.

Нам предстояло съехать по круто уходящей вниз дороге. Грунт был мокрым от дождя, но мы довольно удачно спустились к котловану, развернулись у автобусной остановки и притормозили у милицейского «газика», стоявшего рядом с кремовым микроавтобусом скорой помощи. Дежуривший у дома сержант козырнул нам и предупредительно открыл калитку. Волобуев направился в дом, а я остался, чтобы осмотреться.

Дом как дом, одноэтажный, выложен из темного, обожженного кирпича. Не новый. К стене прибита эмалированная табличка «1». На улицу выходят два окна, форточки открыты. Рамы одинарные. Забор старый, но крепкий.

По ту сторону забора — неухоженный яблоневый сад. Густая, по щиколотку трава. Садовая скамейка с облупившейся белой краской на металлических ножках. Между деревьями, слегка покачиваясь, висят качели.

На открытой веранде — три плетенных из соломы стула, такой же стол. На нем переполненная дождевой водой ваза с дюжиной полевых ромашек. Я невольно вспомнил название недавно прочитанной книги «Дачная местность». Мне всегда казалось, что жизнь в таких домах должна течь размеренно, тихо, несуетливо. Не отказался бы пожить в таком. Лет так через двадцать.

Входная дверь была открыта. Прихожая — длинная пустая комната с пожелтевшими гравюрами на стенах — делила дом на две половины. Она была освещена переносной лампой.

2

У порога меня встретил Костя Логвинов.

— Пол уже осмотрели, Владимир Николаевич. — Он посторонился, пропуская меня в прихожую, и, как завязтый экскурсовод, объяснил: — Первая слева — комната Юрия, сына профессора. Он сейчас на работе. Следующая дверь — в кухню, оттуда вход в ванную и туалет. Справа — нежилая комната, а соседняя самого профессора.

— Нежилая? — переспросил я.

— Раньше ее занимала жена профессора. — Костя глазами показал на понятых, стоявших в конце прихожей. — Корякин сказал — сосед Вышемирских.

Мужчина в поношенном вельветовом пиджаке, надетом прямо на майку, утвердительно кивнул головой.

— Она умерла тринадцать лет назад, — сказал он и прокашлялся в кулак. «Насморк или курит много», — подумал я, отметив для себя точность, с которой Корякин указал время смерти супруги профессора.

Заглянул в кухню. Там работал криминалист. Мы молча кивнули друг другу, и он снова склонился над столом. С необходимыми в таких случаях предосторожностями я открыл холодильник. Ничто так полно не характеризует образ жизни человека, как содержимое холодильника. Правда, это моя личная точка зрения. Внутри — типичный холостяцкий набор: простокваша, рыбные консервы, сыр, колбаса. Последняя, судя по аккуратным кружочкам, нарезалась в магазине. «Ничего удивительного. Профессор, как известно, вдовствовал, а сын, судя по всему, не женат».

Мы с Логвиновым прошли мимо понятых в просторную, почти квадратную комнату. Первое, что я увидел, — это труп пожилого человека. Он полулежал в кресле-качалке спиной к выходящему на улицу окну. На нем широкая в полоску пижама, мягкие домашние тапочки. Сбоку, между подлокотником кресла и телом, зажата толстая книга с многочисленными закладками. Правая рука безжизненно свешивалась вниз, доставая до перекладины кресла. Под нею на полу валялся продолговатый магнитофон в пластмассовом корпусе.

— Выпал, — подсказал Костя. Он успел освоиться в обстановке и добросовестно вводил меня в курс дела. — Магнитофон включен на запись, но выключен из сети. Мы проверили, в полной исправности. Хоть сейчас записывай.

Над телом Вышемирского склонился судебно-медицинский эксперт. Время от времени он выпрямлялся, устало поводил плечами и вытирал платком выступающую на лбу испарину. Рядом с ним находился Волобуев. У письменного стола с протоколом осмотра возился Сотниченко.

Я вновь перевел глаза на магнитофон. Логвинов сунул вилку в розетку. На панели загорелся зеленый индикатор, а на левом штативе бесшумно закрутилась пустая кассета. Я спросил, где пленка, и увидел, как вздрогнули усики индикатора. Странно. Оставить магнитофон на режиме «запись» и вытянуть вилку из сети! Пока это первый тревожный сигнал. Сразу за ним последовал второй.

— Кассета с пленкой исчезла, — сообщил Логвинов. — Мы искали в доме, в саду, на улице. Ее нигде нет.

После этих слов ко мне наконец пришло ощущение необходимости нашего присутствия здесь. Не как зрителей, а как специалистов.

— Это не все, — продолжал Костя, словно взявшись устранить мои последние сомнения. — В прихожей несколько следов Мужских. Кто-то был в доме во время дождя или чуть позже, перед самым нашим приездом.

— Что, грязь на обуви?

— Вперемешку с песком. Налипла на подошвы.

Я хотел было спросить о строительной площадке, которую видел, подъезжая к дому, но он предупредил вопрос:

— Песок со стройки рассыпан по всей улице. Стройка законсервирована, там нет даже сторожа. Что касается мужчин, Владимир Николаевич, то он, судя по следу, вошел в дом спокойно, постоял в прихожей на пороге комнаты профессора, а вот обратно почти бежал.

— Значит, магнитофонную ленту он взять не мог?

— Исключено. Сюда он не входил.

— Пробовали использовать собаку?

— Да, след взяла, но в ста метрах от дороги потеряла. — Логвинов кивнул куда-то в сторону, где, как он полагал, находилась дорога. — Видели телефонную будку у конечной остановки автобуса? Так вот, след тянется туда. Потом пропадает у крошки асфальта. Скорее всего мужчина сел в машину.

— Есть след прокуратора?

Инспектор кивнул.

Я подошел к высокому, во всю стену стеллажу. К нему был приставлен стул. Кто-то становился на него, чтобы дотянуться до верхней полки. Это не вызывало сомнений: на полке не хватало нескольких томов. Значит, продолжил я свою мысль, «кто-то» для устойчивости держался рукой за книги, потом ненадолго потерял равновесие, и они посыпались вниз.

— Книги валялись на полу? — спросил я, не сомневаясь в том, что услышу в ответ, но Логвинов снова меня удивил.

— Не только книги, — ответил он. — Есть еще картонная коробка, а в ней несколько двадцатипятирублевых купюр. — По тону его голоса я понял, что и это еще не все. Костя взял с подоконника том в зеленом переплете. — Посмотрите, это из собрания сочинений Бальзака. Тоже валялась на полу. Раскрыта на четыреста восемьдесят восьмой странице.

Чуть выше заголовка «Настойчивость любви» я увидел отпечаток обуви. След не очень отчетливый, но разобрать можно: женский каблук, ступня, размер приблизительно тридцать шестой.

Логвинов ткнул пальцем в страницу.

— Песчинки те же, что и на следах в прихожей.

Автоматически, сама собой возникла первая, самая туманная и, как все первые, самая уязвимая версия: в доме побывали двое — мужчина и женщина, сообщники. Он стоял на пороге, а она вошла в комнату, влезла на стул, вытащила с полки коробку, из нее деньги (почему не все?), взяла магнитофонную кассету (зачем?) и...

«Стоп, не улекаяйся,—осадил я себя.—Ты еще ничего не знаешь о причине смерти профессора».

3

Спустя полчаса мы стояли на приступках веранды и ждали.

Сначала из дома вышли санитары с носилками. Из-под края одеяла, прикрывавшего тело Вышемирского, была видна часть его мертвенно-белого лба и прядь выющихся седых волос.

Следом за санитарями вышел эксперт.

— Вот, руки вытереть нечем,—пожаловался он и кончиками мокрых пальцев вытащил из кармана платок.—Сентябрь, а такая жара. Что же дальше будет?

— Будет еще жарче,—угромо пообещал Логвинов.

Его состояние нетрудно было понять. Оставаться невозмутимым при виде оборванной до срока жизни всегда трудно, привыкнуть к этому, даже если тебе чаще, чем другим, приходится сталкиваться со смертью, невозможно.

Мы помолчали.

— Возбуждаете дело?—спросил эксперт, обращаясь к Волобуеву.

— От вас зависит,—коротко ответил он.

— Разве?—притворно удивился эксперт. Ему, наверное, льстило, что сейчас действительно многое зависело от него.—Что ж, кое-что я могу сказать до вскрытия.—Он долго засовывал платок в карман, будто испытывая наше терпение (а может быть, так оно и было), потом продолжил:—Смерть наступила около трех часов назад. Выходит,—он посмотрел на часы,—приблизительно в семнадцать. Что касается причин, то пока у меня нет никаких оснований предполагать насильственный характер смерти. Профессор был сердечником. Надеюсь, вы видели набор лекарств на тумбочке около дивана?

Мы с Волобуевым переглянулись, и я догадался, о чем он подумал. Если исключается убийство, остаются только подозрения на кражу, следовательно, представителю прокуратуры тут больше делать нечего: раскрытие хищений—забота милиции, то есть скорее моя, чем его. Волобуев ждал ответа.

— Корвалол, нитроглицерин,—начал перечислять я, и он все понял.

— Короче, полный набор,—на этот раз эксперт обращался ко мне.—Внешних повреждений я не обнаружил. Посторонних запахов—тоже.

Этот человек, помимо прочих, обладал еще одним, неоценимым, на мой взгляд, качеством: он редко ошибался. И все же Волобуев переспросил:

— Значит, сердечный приступ?

— Такой вывод напрашивается сам собой.

— А поза трупа, она не кажется вам подозрительной?

— Поза как раз самая характерная.—Эксперт промокнул вспотевший лоб.—Левая рука прижата к груди, рот широко открыт. Ему не хватало воздуха. Тело сползло с кресла, еще немного, и он выпал бы из него. Типичная для инфаркта картина: приступ сильных болей, удушье, ощущение страха. Я думаю—сердце.

Он наклонился, поднял с земли яблоко и, предвзительно вытерев, надкусил его.

— А как объяснить, что он не воспользовался лекарствами?—спросил я.

— Рукой ему было не дотянуться, приступ сковал движения, к тому же инфаркт, если он не первый, случается, приводит к мгновенной смерти.—Он не удержался и повторил:—Очень похоже на несчастный случай.

— Очень,—согласился я.—Вот вы сказали, что смерть наступила в пять вечера. Дождь начался примерно в то же время. А в прихожей на линолеуме грязь и следы мужской обуви. Есть следы и в комнате. Кто-то входил в дом, шарил по полкам, унес кассету...

— Да, подумать есть над чем.—Эксперт не без любопытства посмотрел на меня.—Будете возбуждать дело?

— Раз есть над чем подумать...

— Как знаете, как знаете.—Он кивнул на прощание и пошел к микроавтобусу.



Рисунок
Валерия
СМИРНОВА

4

С Волобуевым мы попрощались у калитки. Я и сержант какое-то время смотрели ему вслед. Саня рванул с места так, что из-под колес машины веером разлетелась грязь. Через минуту «Волга», как майский жучок, уже карабкалась по наклонной стороне виадука к шоссе.

Я прикидывал, сколько времени понадобится Логвинову, чтобы съездить на художественный комбинат и привезти домой сына профессора. Вышло минут двадцать пять—тридцать. Не так уж много. Следовало поторопиться, с появлением здесь Вышемирского-младшего возникнут дополнительные трудности: у него горе, ему будет не до милиции. Помочь нам он вряд ли сможет, да и доступ в дом будет усложнен—беспокоить человека в его положении не совсем удобно.

Я прошелся по заросшей сорняками тропинке, заглянул за угол. Сюда выходили окна из комнаты Юрия и из кухни. С этой стороны сад огораживала глухая, с потеками сырости стена. Уцепившись за ее край, я с трудом подтянулся на руках. Вес у меня приличный, поэтому продержаться достаточно долго не удалось. Я сорвался, но за секунду до этого все же успел увидеть по ту сторону стены нашего понятого Корякина. Он не делал ничего подозрительного,—просто стоял у своего крохотного нарядного домишка и смотрел мне в лицо.

«Любопытно,—думал я, возвращаясь к веранде,—в саду нет ни одной ромашки, а в вазе их целый букет».

Коробка с деньгами, след в прихожей, след на раскрытой книге, цветы в вазе. Связи между этими деталями я не видел. Они могли оказаться важными, а могли ничего не значить. Ровным счетом ничего!

В прихожей было темно. Переносную лампу успели выключить и унести. Дом стал похож на театральную декорацию после того, как спектакль закончился и актеры разошлись по своим уборным. А вот на кого был похож я на этой пустой сцене,—сказать трудно. Разве что на сыщика из заурядного детективного романа.

Матовый плафон, оставшийся гореть под потолком, не рассеивал, а скорее сгущал прохладную полутьму в прихожей. Мне пришлось опуститься на корточки, чтобы рассмотреть на линолеуме очерченный мелом потек грязи. Это был след остроносых мужских туфель. Если бы в данном случае были применимы законы логики, рядом с мужскими находился бы отпечаток женской обуви тридцать шестого размера. Он отсутствовал, и это, как говорится, наводило на размышления. Мои мысли были встречены трюбовым молчанием как галерки, так и партера. Впрочем, кое-какие звуки я услышал,—с улицы доносились возбужденные голоса. Может быть, вернулся Логвинов? Для него, пожалуй, рановато. Я вышел на веранду.

— Товарищ Скаргин,—крикнул мне сержант, дежуривший у калитки,—тут гражданин просит пропустить. Я говорю, что нельзя, а он настаивает.

Мужчина, стоявший у забора, замахал черным зонтиком, подавая мне какие-то знаки.

— Пропустите,—распорядился я.

Милиционер приоткрыл калитку. Мужчина ворвался во двор и вприпрыжку пустился по гравийной дорожке к дому. Не доходя нескольких метров до веранды, он споткнулся и только чудом удержался на ногах.

— Извините,—тяжело дыша, сказал он.—Извините. Я очень спешил. Моя фамилия Черпаков. Я работаю на кафедре, которой заведует Вышемирский.

Он выпалил это разом, на одном дыхании и осекся. Его слегка увеличенные стеклами очков глаза выдавали волнение.

— Скажите, пожалуйста, здесь что-то произошло? Мне необходимо это знать.

Я и сам был не прочь узнать, что здесь произошло три часа назад, но спрашивать было не у кого, разве что у этого нежданного посетителя.

— Вы хотите видеть профессора?

Мой невинный вопрос произвел на него странное действие. Он поправил на переносице очки, дернул пуговицу своего пиджака и вдруг развернулся в сторону калитки, по всей видимости, собираясь бежать.

— Пойдите, Черпаков,—остановил я его.—Куда вы?

— Ах, да...—пробормотал он, оборачиваясь ко мне.—Но ведь профессора, кажется, нет дома?

— Вы уверены?—спросил я.

— Уверен?—Он скосил глаза куда-то в сторону.—Видите ли, Иван Матвеевич болен. Больше месяца не выходит на работу. Я зашел его навестить. По-товарищески. Это же так естественно. Купил апельсины... Но, если его нет, я лучше зайду попозже.

— Вы всегда так торопитесь?

— Не понял?—по-прежнему глядя мимо меня, переспросил Черпаков.

— Где ваши апельсины?

— Какие апельсины? Ах, да! Апельсины. В самом деле, где они?

— Вы меня спрашиваете?

— Странно,—развел он руками.—Они были со мной, а теперь их нет.

— Как вас по имени и отчеству?—спросил я, потеряв надежду понять что-либо из его слов.

— Сергей Сергеевич.

— А меня—Владимир Николаевич Скаргин. Я следователь районного отдела внутренних дел.

— Очень приятно.—Сергей Сергеевич ответил полупоклоном. Даже тени удивления не появилось на его лице.

В комнате Юрия, куда мы вынуждены были войти без разрешения хозяина, пахло скипидаром и красками. Справа, на небранной кровати валялись скотканые рубашки, плащ и электробритва с длинным, завитым спиралью шнуром. У шифоньера, зацепившись углом за край простыни, стояла незаконченная картина, на которой ярко-рыжая лиса убегала от группы скачущих через вспаханное поле всадников.

Стены украшали еще пять картин. На одной яростное пламя пожирало каминные часы, в которых я без труда узнал те самые, что стояли на письменном столе в комнате профессора. На двух других была написана девушка в пышном жабо. На висевшей слева — с лицом вполне нормальным, даже красивым, на висевшей справа — покрытая кровотокащими язвами. На четвертой, висевшей у окна, — тщательно выписанная женщина, глядя в зеркало, примеряла на себя не менее тщательно выписанный ящик, примерно такой, в каких развозят пиво и минеральную воду. Пятая изображала тоже женщину. Она лежала на залитой солнцем поляне, и вместо волос ее голову украшал целый выводок змей. Окружали женщину крылатые, агрессивные на вид фавны.

При других обстоятельствах я бы наверняка заинтересовался, чем вызвано столь глубокое женоненавистничество автора полотен, но сейчас Юрий Вышемирский, а это были его картины, меня интересовал мало.

Я указал Черпакову на обтянутое черной кожей кресло, а сам устроился на полумягком стуле с удобными подлокотниками.

— У вас есть с собой документы? — спросил я.

Он поспешно сунул руку в карман и вытащил паспорт.

— Пожалуйста.

Пока я знакомился с анкетными данными, Сергей Сергеевич успел задать свой очередной несуразный вопрос:

— Как вы считаете, товарищ милиционер, мне надо возмутиться?

— Возмутиться? — автоматически повторил я за ним. — Не думаю, Сергей Сергеевич. Скорее поинтересоваться, что произошло в доме вашего коллеги.

— Вы так считаете?

— Я так считал.

— А сейчас?

— Сейчас я считаю, что вы знаете это не хуже меня.

Он не стал возражать, хотя втайне я еще надеялся на это.

Переписав данные в протокол, я вернул паспорт.

— Сергей Сергеевич, вам разъясняется гражданский долг и обязанность дать правдивые показания обо всем, что вам известно по интересующим нас вопросам. За отказ или уклонение от дачи показаний, за дачу заведомо ложных показаний вы можете понести наказание по соответствующим статьям Уголовного кодекса республики.

— В каких пределах? — спросил Черпаков таким тоном, словно всю свою сознательную жизнь только тем и занимался, что врал, забыв поинтересоваться, что за это бывает.

— Лишением свободы на срок до одного года, — удовлетворил я его любопытство. — Распишитесь, пожалуйста, в том, что вас предупредили.

Он расписался.

— Уточните, где и кем вы работаете.

— Доцент кафедры русского языка и литературы, — представился он. — Кандидат филологических наук. В настоящее время замещаю Ивана Матвеевича на кафедре в связи с его болезнью.

— Скажите, какие отношения связывали вас с Вышемирским?

— С которым из двух? — уточнил Черпаков.

— С Иваном Матвеевичем.

— Это непростое... — Он не знал, что делать со своими руками: они беспокойно порхали от карманов пиджака к переноске, оттуда к ручке зонта и обратно. Мысли его были также хаотичны, следующая фраза не вылезала с предвдушей. — Мои действия были инспирированы профессором, — заявил он и принялся откручивать пуговицу.

— Оставьте в покое свой пиджак, — как можно суше попросил я.

— Извините. — Он стал похож на прежнего Черпакова — рассеянного посетителя с несуществующими апельсинами. — Я постараюсь излагать более связно. — Он показал на пачку «Явы», валявшуюся на журнальном столике. — Разрешите?

— Пожалуйста. — Я придвинул к нему сигареты и спички, хотя не был уполномочен распоряжаться чужими сигаретами.

Черпаков прикурил и тут же, поперхнувшись дымом, закашлялся.

— Я вообще-то не курю, — со слезами на глазах объяснил он, разогнал дым руками и бросил сигарету в пепельницу.

Неудавшаяся затяжка как будто придала ему сил и уверенности. Он стал говорить внятно и даже жестикулировать, сначала сдержанно, потом все более широко и размахисто.

6

— Ивану Матвеевичу я многим обязан. Под его руководством закончил аспирантуру, с его помощью защитил диссертацию. Судите сами о моем к нему отношении. Еще в мою бытность студентом его имя было широко известно у нас в стране и за рубежом. Пятидесятилетний профессор, доктор наук, он заведовал кафедрой. И как заведовал! Естественно, у заведующего кафедрой множество чисто административных обязанностей, а их исполнение, как ни печально, нередко влияет на оценку деятельности ученого как администратора. Вы понимаете, о чем я говорю?

Наверное, я кивнул не совсем уверенно, и Сергей Сергеевич посчитал нужным пояснить:

— Вышемирский мог оставаться профессором, заведующим кафедрой и перестать быть ученым в прямом, первоначальном смысле этого слова. — Он приостановился и, на мой взгляд, излишне торжественно заключил: — Этого не произошло! Смею вас заверить! Его труды по теории современной литературы периодически появляются в специальных журналах, выходят отдельными изданиями. Представьте себе, их мгновенно раскупают, и заметьте, не только специалисты, но и просто читающая публика. Такие книги, как «Механизм эстетического восприятия», «Авангард подлинный и мнимый», «Лингвистическая структура сюрреализма», «Теория информации и неоавангард в литературе»...

Я получал исчерпывающую информацию о научной деятельности профессора еще добрых три минуты и изо всех сил старался не запоминать названия, которыми сыпал Черпаков. Честно говоря, это было не очень трудно.

— В прошлом году, — продолжал Сергей Сергеевич, — профессору присвоено звание «Заслуженный деятель науки». Только за последние годы его работы переведены на семь языков и изданы за границей, а для ученого, работающего над теоретическими проблемами литературоведения, это отличная результативность. Отличная!

Он потряс в воздухе указательным пальцем и повторил на несколько ладов слово «отличная». Потом осмотрелся и несколько сник.

— Простите, я несколько отвлекся, — сказал он после небольшой паузы и продолжил более спокойно: — Вот уже пятнадцать лет я работаю под началом Ивана Матвеевича. Все эти годы он был для меня примером бескорыстного, беззаветного служения науке. Да что говорить, это человек, на которого я хотел бы походить во всем.

Закончив, он снова вспомнил о пуговицах своего пиджака. Пальцы забегали по ним, как по клавишам аккордеона. Я проследил за его взглядом и увидел, что он с открытой неприязнью рассматривает розовотелую женщину, натягивающую на себя ящик из-под пива.

— Нравится? — спросил я.

— Псевдоавангард, — презрительно отозвался он. — Это то, против чего профессор боролся всю свою жизнь.

Слова прозвучали довольно двусмысленно: бороться против того, что находится в собственном доме?

— А вы не допускаете мысли, что автор этих картин просто дурачился?

Черпаков не ответил... Я сделал еще одну попытку разговорить его на заинтересовавшую меня тему:

— Вы случайно не знаете, почему Юрий так варварски расправился с часами? — Я указал на соответствующую картину, в центре которой фотографически точно были воспроизведены каминные часы из комнаты профессора.

— Понятия не имею. — Губы Черпакова плотно сжались. — Он подарил их Ивану Матвеевичу в день рождения. Года два назад.

— Дорогой подарок...

Сергей Сергеевич безмолвствовал, он считал тему исчерпанной. А жаль. Часы меня интересовали всевозможнее. Час назад при осмотре на их массивной подставке я заметил сравнительно свежий след напильника. Кто-то спилил выгравированную, очевидно, дарственную надпись. Кто это сделал и почему? Сергей Сергеевич вряд ли знал об этом. Мне оставалось задать следующий вопрос:

— А что вы можете сказать о своих отношениях с Юрием?

Взглянув на его непрерывно двигающиеся руки, я наконец догадался, что это непроизвольная реакция на неприятные вопросы. Слова Сергея Сергеевича подтвердили мою догадку самым непосредственным образом.

— Мне неприятно говорить об этом, — сказал он и вновь продемонстрировал свою способность удивлять собеседника: — Если бы не год лишения свободы, которым вы мне пригрозили, я бы предпочел молчать.

— Вы уже немало сделали, чтобы убедить меня в этом. И все же?

— Я преподавал, а он учился на втором курсе филологического факультета, — отрывисто сказал Черпаков. — Вот и все отношения.

— Подробней, пожалуйста, — настоял я, и он, хотя и не очень охотно, все же продолжил: — Лет восемь назад Юрий поступил в наш институт. С грехом пополам окончил первый курс, а на втором... на втором охоло полугода я вел у них зарубежную литературу... — Сергей Сергеевич запнулся. — Одним словом, его отчислили за неуспеваемость. Юрий до сих пор считает, что виноват в этом я...

— У него есть основания так считать?

— В том, что студент не хочет учиться, не может быть виноват преподаватель. — С таким утверждением можно было бы поспорить, но я спорить не хотел. Тем более что Черпаков продолжал развивать свою мысль. — В то время Юрий считал себя законченным литератором. Писал рассказы. Кажется, его даже собирались публиковать в журнале. А ему надо было работать над собой, надо было учиться. Это еще никому не вредило... Меня всегда раздражала его интеллектуальная всеядность. В детстве он учился музыке, затем занялся сочинительством. — Черпаков кивнул в сторону картин. — Из известных мне это — третье его увлечение. Не берусь судить, не специалист, но, на мой взгляд, это просто ужасно.

— Иван Матвеевич того же мнения?

— Безусловно.

Что-то в его ответе мне не понравилось, и, не зная, пригодится это или нет, я спросил:

— Я вижу, вы испытываете раздражение, когда говорите о Юрии. Можно вас понимать так, что Иван Матвеевич относился к сыну так же?

— Не к сыну, а к его увлечению этим. — Он снова показал на стену. — Не путайте.

Я перевел взгляд на стену. Розовая женщина все так же кокетничала перед зеркалом, а крылатые фавны назойливо кружили над Медузой Горгоной. Да, в восторг от такой живописи не придешь, если, конечно, принимать ее всерьез.

— А вам нравится? — настороженно спросил Черпаков.

— Мне больше по вкусу охотники.

Он внимательно осмотрел группу всадников, скачущих через вспаханное поле, и хмыкнул:

— Это не его произведение, это копия с картины, которая висит в комнате Елизаветы Максимовны — покойной жены профессора. Незаконченная копия, но сходство поразительное. Кстати, — продолжал Черпаков, — на прошлой неделе, когда я пришел навестить Ивана Матвеевича, у нас зашел разговор о книгах: у профессора большая библиотека. Я пожаловался, что для книг не хватает места. Я спросил, почему бы не разместить часть библиотеки в соседней комнате, в той, которую раньше занимала его жена. Иван Матвеевич сказал, что подумывает об этом и в ближайший день закажет стеллажи. На мой вопрос, куда он денет картины и мебель, ведь там ступить негде, профессор ответил, что уже нашел им место.

Очень любопытно!

— Продолжайте, — попросил я.

— Собственно, это все, — сказал Сергей Сергеевич. — Ни в живописи, ни в антикварной мебели я не разбираюсь, поэтому разговор на эту тему прекратился.

— Простите, а почему вы решили рассказать мне об этом? Вы что, считаете тот разговор важным? Объясните.

Черпаков не ответил, только нахмурился, как воробей на ветру, и уставился себе под ноги.

— Ну, хорошо, оставим, — сказал я. — Иван Матвеевич часто болеет?

— Часто.

— И всегда сердце?

— Лет шесть назад он перенес инфаркт.

— Скажите, Сергей Сергеевич, а у него есть враги?

— Не знаю, — помявшись, ответил Черпаков. — Не знаю...

Он заерзал в кресле, скосил на меня свои близорукие глаза.

— Теперь вы разрешите мне уйти?

— А если разрешу, вы уйдете?

Он промолчал.

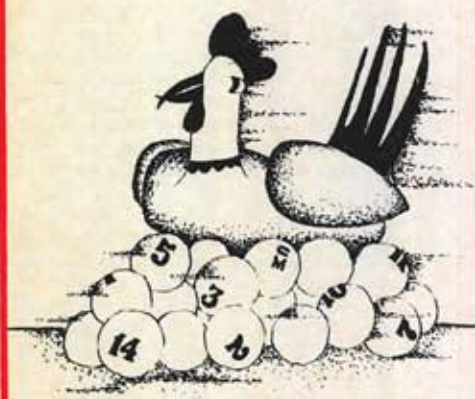


Рисунок Сергея МУХАНОВА



Рисунок Александра ПАШКОВА



Рисунки Юрия КОСОВУКИНА



Рисунок Евгения МИЛУТКИ

ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

ДЕВЯТЫЙ ТУР

КАК БЫ ВЫ СЫГРАЛИ?



Ход белых. Как бы вы оценили эту позицию? (3 балла.)

ВОТ ТАК ЗАДАЧА!



Обратный мат в тринадцать ходов. (4 балла.)

ШАХМАТЪ ШАХМАТЪ ШАХМАТЪ ШАХМ

ЭТЮД—ВСЕГДА КРАСИВО!



Белые начинают и выигрывают. (2 балла.)

НАША ВИКТОРИНА

Назовите гроссмейстеров, удостоенных популярного в шахматном мире приза «Оскар», и годы, когда они были награждены (1 балл).

Запомните, пожалуйста, что срок отправления открыток на девятый (предпоследний) тур олимпиады истекает 5 июля 1980 года.

ФИНИШИРОВАЛИ ДУЭТОМ

Напряженной спортивной борьбой и творческими находками отличался шахматный турнир на первенство СССР среди молодых мастеров 1980 года, проведенный в Риге. С одинаковым результатом 9,5 очка из 15 возможных финишировали горьковчанин Александр Иванов и представитель Латвии

Эдвин Кеньгис—им вручены золотые медали чемпионов страны.

В том, как талантливо играют победители турнира в Риге, читатели «Смены» могут убедиться по ярким эпизодам из их партий.



К такому положению пришла после 42-го хода белых встреча А. Иванова (у него были черные фигуры) с Андреем Харитоновым из г. Иваново. Необычайна сила слона черных, буквально насквозь простреливающего позицию неприятельского короля. Не сложной, но эффектной комбинацией, связанной с жертвой ферзя, черные форсируют молниеносную победу.
42... Фа8—a4! 43. Фf4—d2 Фа4—d4! 44. Фd2—e1 Фd4—e4!, и белые капитулировали.

Здесь перед вами любопытная концовка с нестандартным соотношением сил, возникшая после 35-го хода белых у Э. Кеньгиса (он тоже играл черными) с шахматистом из Молдавии Виктором Гавриковым. Успех быстро достигается красивой комбинацией—черные жертвуют обоих слонов и превращают проходную пешку в нового ферзя.

35... Се6—h3-!! 36. Kpg2:h3 e3—e2! 37. Фb6:f2 e2—e1Ф 38. Фf2:e1 Лe8:e1 39. b4—b5 Лe1—b1 40. Cf3—c6 Лb1—b4!, и лишнее качество было вскоре реализовано.



Жюри обращается к участникам олимпиады с настоятельной просьбой своей ответ или решение по каждому из заданий присылать на отдельной открытке с пометкой на лицевой стороне слева сверху «22-я олимпиада «Смены», тур такой-то». Не забывайте также указывать ваш олимпиадный регистрационный номер. В конвертах отправляются только таблицы проведенных классификационных турниров, а также прокомментированный сокращенной нотацией текст шахматной партии.

К сведению любителей шахмат—в ближайших номерах будут опубликованы: десятый заключительный тур олимпиады, материалы по итогам конкурса «Смена-79» и об открытии конкурса «Смена-80», посвященного Олимпийским играм в Москве.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 03.04.80. Подписано к печати 15.04.80. А 06571. Формат 70 × 108 / 16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1160000 экз. Изд. № 1052. Заказ № 2248. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. ГСП, Москва. А-137, улица «Правды», 24.

ЖЕЛТОГЛАЗАЯ НОЧЬ

Наконец-то мы вместе, и вечер обрадован,
И тоска расплелась, и печали—на слом!
Желтоглазая ночь, ты за мной не подглядывай,
Обними и укрой нас мохнатым крылом.

Припев:

Желтоглазая ночь,
Свою милость яви.
Желтоглазая ночь,
Ты царица любви.

Ты должна нас понять,
Ты должна нам помочь.
Как мы ждали тебя,
Желтоглазая ночь!

Мы искали друг друга на улицах города,
В переулках ошибок блуждали не раз.
Мы искали любовь в недомолвках и шорохах,
И мы ждали твоих заколдованных глаз.

Припев.

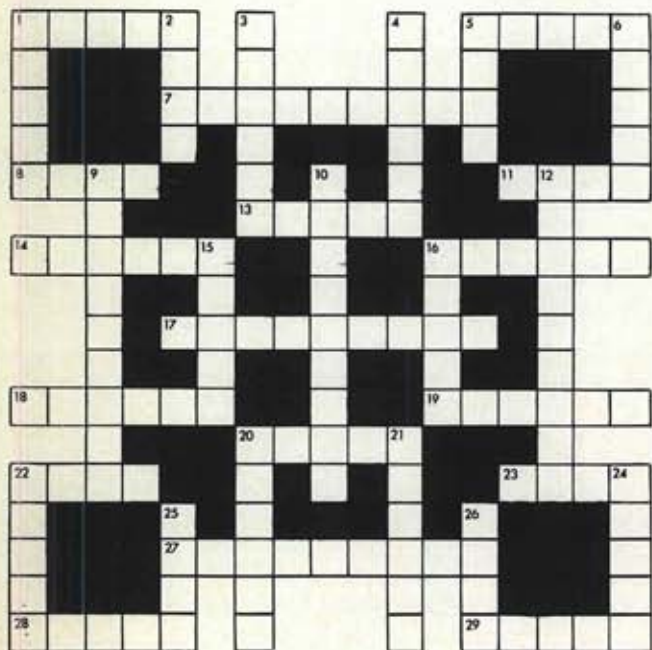
Как теперь нам расстаться—
Мы сердцем опознаны,
В наше прошлое больше не сыщешь следа,
Все решится сейчас под безмолвными звездами,
Если ж нет,—не решится уже никогда.

Музыка Алексея МАЖУКОВА.
Стихи Льва ОШАНИНА

The musical score is presented in four systems, each with a vocal line and a piano accompaniment. The key signature is one sharp (F#), and the time signature is 4/4. The score includes lyrics in Russian and musical notation with various dynamics and articulations.

КРОССВОРД

«ОЛИМПИЙСКИЙ»



Составил призер конкурса А. ЛЕБЕДЕВ,
Белово, Кемеровской области

По горизонтали:

1. Чемпион XI Олимпийских игр по фехтованию на саблях.
5. Город, где состоялась XVIII Олимпийские игры.
7. Велосипедист, чемпион VIII Олимпиады в шоссейной гонке.
8. Боксер, чемпион XIV, XV, XVI Олимпиад в среднем весе.
11. Город, где проводились VI зимние Олимпийские игры.
13. Чемпион XVI Олимпиады в марафонском беге.
14. Боксер, чемпион XX Олимпийских игр в среднем весе.
16. Боксер, чемпион XX Олимпиады в полусреднем весе.
17. Командная спортивная игра с мячом.
18. Столица XXII Олимпийских игр.
19. Бег на короткую дистанцию.
20. Способ спортивного плавания.
22. Гимнастический снаряд.
23. Вид спорта.
27. Чемпион XIV Олимпийских игр в метании диска.
28. Чемпион XVIII и XIX Олимпиад в упражнениях на коне.
29. Чемпион V Олимпийских игр в беге на сто метров.

По вертикали:

1. Чемпионка XVI Олимпиады в плавании вольным стилем.
2. Фигуристка, чемпионка XI зимних Олимпийских игр.
3. Вид горнолыжного спорта.
4. Город, где состоялись XX Олимпийские игры.
5. Специальная дорожка для гоночных состязаний.
6. Чемпион XVIII Олимпиады по дзю-до.
9. Чемпион VII Олимпийских игр по прыжкам в длину.
10. Город, где состоялась IX Олимпиада.
12. Член экипажа судна класса «Звездный», чемпион XV Олимпийских игр по парусному спорту.
15. Спортивное оружие.
16. Состязание в беге по пересеченной местности.
20. Советский хоккеист, чемпион XI зимних Олимпийских игр.
21. Класс спортивного парусного судна.
22. Чемпион XI Олимпиады по гребле на байдарке-двойке.
24. Удар в боксе.
25. Борец, чемпион XIV Олимпийских игр в вольном стиле.
26. Спортивный снаряд для метания.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 9

По горизонтали:

5. Волоколамск.
7. «Раёк».
8. Кюри.
9. Омуть.
12. Варна.
15. Аквармарин.
17. Металл.
18. Солнет.
20. Вейник.
21. «Антигона».
22. Шлагбаум.
24. Моцарт.
26. Атлас.
27. Цитата.
29. Раневская.
32. Раска.
34. «Анчар».
35. Руан.
36. Малл.
37. Кибернетика.

По вертикали:

1. Свирь.
2. Волков.
3. Танкер.
4. Актив.
6. Орнамент.
10. Минералогия.
11. «Лена».
13. «Абай».
14. Нумизматика.
15. Аллигатор.
16. Навигация.
18. Сунжа.
19. Талас.
23. Клавесин.
25. Арык.
28. Твен.
30. Нансен.
31. Комета.
33. Аракс.
34. Алмаз.

ПОБЕДИТЕЛЯМ!

В этом номере журнала мы продолжаем публикацию заданий III тура «Олимпийского турнира знатоков». И хотя время подводить итоги еще не наступило, поскольку на часть наших вопросов ответ даст сама Олимпиада-80, все же можем отметить с удовлетворением, что читатели «Смены» проявили заметный интерес к этому заочному соревнованию болельщиков.

Только на I тур мы получили свыше трех тысяч писем. Причем это были не обычные письма — в иные дни почтальоны буквально сгибались под тяжестью толстых альбомов, иллюстрированных рисунками и фотографиями. Многие послания сообщали массу дополнительных сведений, далеко выходящих за рамки конкурсных заданий. И почти все конверты с пометкой «На «Олимпийский турнир знатоков», пришедшие в редакцию с разных концов нашей страны и даже из-за рубежа, заключали в себе плоды серьезного труда любителей спорта. Разумеется, это еще не дает твердых гарантий успеха в борьбе за призы, но уважения у нас не может не вызывать.

Понимая, что участников конкурса живо интересуют учрежденные редакцией награды для победителей «Олимпийского турнира», мы хотим рассказать о них поподробнее. (На этой странице публикуются фотографии всех трех видов призов.) Прежде всего — о велосипедах марки «КАМА», которые уже ожидают в редакции встречи со своими будущими хозяевами, чемпионами «Олимпийского турнира знатоков». Почему велосипеды и почему именно этой марки? Ну, во-первых, велосипед, даже и дорожный, — это все-таки спортивный инвентарь, вещь, полезная для здоровья, позволяющая с успехом противостоять гиподинамии, двигательному голоду, ставшему бичом нашего времени. А во-вторых, «Кама» (первый складной велосипед, выпущенный в нашей стране) быстро завоевала популярность у людей разных возрастов благодаря своей надежности, удобству в эксплуатации, симпатичной «внешности» и тому, что в сложенном виде ее легко перевозить в багажнике автомобиля и хранить в современной малогабаритной квартире.

Коллектив производственного объединения «Пермский машиностроительный завод имени Октябрьской революции», где выпускаются велосипеды «Кама», отмеченные Государственным знаком качества и олимпийской символикой, охотно откликнулся на просьбу редакции. В кратчайшие сроки три та-

кие машины были изготовлены из экономленных материалов, на сэкономленной электроэнергии и безвозмездно переданы в дар будущим победителям «Олимпийского турнира». В создании призов принимали участие начальник конструкторского отдела объединения Леонид Николаевич Архалович, слеса-

ри-сборщики Лев Пузиков, Владимир Вяткин, Виктор Мисионжик. Празднично оформили велосипеды и сделали надписи-аппликации «Приз журнала «Смена» художники-дизайнеры Валерий Косков и Ирина Самусева.

Десять призов для активнейших участников конкурса — олимпийские сувениры «МИШКА». Вполне понятным было наше стремление включить в число наград «Олимпийского турнира» официальный талисман Олимпиады-80. И здесь искренним союзником редакции стал поддержавший наши замыслы Петр Кириллович Подлинов, в прошлом комсомольский работник, принимавший участие в коллективизации в Сибири, а ныне заместитель начальника Российского промышленного объединения по производству игрушек Минлегпрома РСФСР. На одном из предприятий «Роспромигрушки» — фабрике «Московская игрушка» — были также безвозмездно изготовлены веселые меховые медведжата. Под руководством директора фабрики Екатерины Васильевны Савиновой этот заказ выполняли старший художник предприятия Вера Михайловна Климчук и оформительницы игрушек Александра Алексеевна Гагарина и 18-летняя комсомолка Елена Быковская.

Поощрительными призами станут выпущенные издательством «Физкультура и спорт» подарочные альбомы «ОТ АФИН ДО МОСКВЫ». Пока эти книги, хранящиеся в редакции, ничем не отличаются от тех, что появились на прилавке московского магазина «Спортивная книга», но после окончания Олимпиады-80 они приобретут особую притягательность для истинных поклонников спорта, поскольку мы попросим поставить свои автографы на этих альбомах советских спортсменов — чемпионов Игр XXII Олимпиады.

Одновременно будут подведены и итоги нашего «Олимпийского турнира знатоков». Ждать осталось уже немного. Пишите нам, болельщики. Мы болеем за вас!

Кстати, напоминаем, что принять участие в конкурсе не поздно и сейчас, в третьем туре, — авторов самых удачных ответов ждут поощрительные призы. Срок отправки писем — до 1 июля 1980 года.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ III ТУРА

1. Почему Олимпийские игры 1980 года официально называются «Игры XXII Олимпиады»? Расскажите

о традициях и ритуалах современных Олимпийских игр, восходящих к древности.

2. Назовите имя олимпийской чемпионки, которая стала лауреатом премии Парижской консерватории.

3. Кто из советских спортсменов завоевал на Олимпийских играх в Монреале наибольшее количество наград?

4. Определите имена трех призеров в предстоящих олимпийских состязаниях среди мужчин

по прыжкам в высоту и результат, который покажет чемпион.

5. Сколько советских спортсменов выйдет в финал соревнований Олимпиады-80 по боксу и кто именно?